Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 56. 1-го января 1904 г. Годъ IV.

ВЪ ТИСКАХЪ.

Война съ Японіей надвигается... Спѣшно вооружаются суда, отливаются новыя пушки, заготовляются боевые снаряды, закупаются съѣстные припасы... Спѣшно стягиваются со всѣхъ концовъ Россіи войска, грузятся, какъ живая кладь, въ товарные вагоны и отправляются на дальній Востокъ... И, быть можетъ, недалека уже та минута, когда грянетъ первый выстрѣлъ, и эти сотни тысячъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры молодыхъ рабочихъ и крестьянъ пойдутъ на смерть и увѣчья, за десятки тысячъ верстъ отъ родныхъ городовъ и деревень, подъ японскіе бомбы, пули и штыки, и сами понесутъ смерть и ужасъ въ ряды такихъ же крестьянъ и рабочихъ изъ Японіи. Десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ молодыхъ жизней сгинутъ на вѣки, десятки и сотни тысячъ вернутся искалѣченными, сотни тысячъ семей осиротѣютъ, потокъ злодѣяній, насилій, грабежей, пожаровъ зальетъ цѣлыя провинціи, скоетъ съ лица земли города и деревни... Самые грубые животные инстинкты, кровожадность, хищничество получатъ полный просторъ, и за разнузданіемъ одичанія распространится на весь народъ... А сотни милліоновъ рублей, добытыхъ потомъ и кровью трудящагося люда и выжатыхъ изъ него хищнической рукой правительства, пойдутъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ этой грандіозной бойней...

Вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ навѣки канули въ вѣчность золотые дни самодержавія. Никому ненужное, не связанное кровными узами ни съ какимъ прогрессирующимъ классомъ, оно все больше и больше становилось только тормазомъ для экономическаго, культурнаго и общественнаго развитія страны, все больше и больше вынуждено было давить все живое, все растущее ради сохраненія собственнаго своего существованія и все больше и больше держалось только подачками господствующихъ классамъ, займами и порабощеніемъ и обнищаніемъ народа.

Стремленіе купить „вѣрноподданническія“ чувства крупной буржуазіи, насущнѣйшимъ интересамъ которой угрожало растущее разореніе страны, доставленіемъ ей внѣшнихъ рынковъ, что при сравнительно низкомъ уровнѣ русской промышленности, равносильно присоединенію къ Россіи все новыхъ и новыхъ земель; необходимость поддержать падающій кредитъ и, главное, позолотить позоръ своей внутренней политики, приведшей страну къ голоду, невѣжеству, разоренію и общему недовольству, блескомъ внѣшнихъ успѣховъ; все это непремѣнно толкало и толкаетъ Чингисхановъ самодержавія, проливавшихъ крокодиловы слезы „миролюбія“ на Гаагской конференціи, на завоевательныя авантюры.

Шагъ за шагомъ, пользуясь временными затрудненіями другихъ государствъ и всѣми силами стремясь сохранить въ состояніи варварства, слабости и разложенія сосѣдніе страны — Турцію, Персію, Китай, Корею —, русское самодержавіе спѣшило всюду захватить своими хищными лапами все, что только было возможно. Но каждый захватъ вызывалъ съ роковой необходимостью все новые и новые захваты. Захвативъ Манчжурію, Портъ Артуръ и Таліенванъ, самодержавіе, для сохраненія ихъ за собою, должно было подумать о томъ, чтобы укрѣпиться въ Кореѣ, безъ владѣнія которой всѣ прежнія „пріобрѣтенія“ въ Китаѣ не могутъ быть прочно удержаны. Но тутъ интересы самодержавія столкнулись съ жизненными интересами капиталистической Японіи, для которой Корея и одинъ изъ главныхъ рынковъ сбыта, и резервуаръ, поглощающій избытокъ сгущеннаго японскаго населенія, и важный стратегическій пунктъ. Изъ за этого столкновенія моментально вырось грозный призракъ войны.

Какъ зарвавшійся игрокъ, опьяненный удачей и позабывшій о неминуемомъ часѣ расплаты, стоитъ самодержавное правительство передъ созданнымъ имъ же самимъ положеніемъ: въ страхѣ и нерѣшительности мечется оно, ища исхода, стараясь какимъ-нибудь фокусомъ перехитрить историческую Немезиду, несущую ему отмщеніе за всѣ его грѣхи. Глупое фанфаронство, болтовня о „непобѣдимости“ русскихъ войскъ—и это наканунѣ пятидесятой годовщины Севастополя!—о твердомъ намѣреніи не отступать отъ своей позиціи—сегодня: трусливое лепетаніе о „миролюбіи“, о томъ, что Манчжурія намъ въ сущности вовсе не нужна, — завтра; фантастическія мечтанія, что, быть можетъ, война явится „единственнымъ средствомъ грозою очистить и разрядить воздухъ“, наполненный электричествомъ грядущей революціи; попытки обмануть самихъ себя и разжалобить требующій свободы народъ робкой надеждой на то, что „мелкіе счеты съ полиціей или мѣстныя недоразумѣнія фабричныхъ рабочихъ замолкнутъ сами собой при первомъ боевомъ выстрѣлѣ“; все это со дня на день на столбцахъ „Новаго Времени“ и „Гражданина“ отражаетъ предсмертныя судороги самодержавія.

Да, это предсмертныя судороги, потому что самодержавіе само уже начинаетъ смутно понимать, что, какъ бы ни окончилась развязывающаяся теперь на міровой сценѣ трагедія, живымъ оно изъ нея не выйдетъ. И вѣрный царскій песъ, князь Мещерскій, недаромъ съ тоскою твердитъ, что „какой-бы ни былъ блестящій результатъ войны... всѣ виды уныній и неудовлетворенія, какъ отдѣльныя рѣки, сольются въ одно море общаго недоумѣнія“, что на языкѣ „Гражданина“ значитъ, конечно, не что иное, какъ неминуемость могучаго подъема революціонной борьбы, которой общій экономическій застой, огромное усиленіе котораго неизбѣжно даже при полной удачѣ военныхъ дѣйствій, придастъ небывалую силу, и которая, наконецъ, смететъ съ лица земли русскій позоръ самодержавнаго варварства!

И это при полной удачѣ! Но можетъ ли правительство разсчитывать на удачу? Не говоря уже о всѣхъ выгодахъ положенія Японіи, воюющей у себя, почти дома, кто можетъ вѣрить въ успѣхи арміи, вся верхушка которой разъѣдена работничествомъ, казнокрадствомъ, взяточничествомъ и даже прямой измѣной, какъ показали столь недавніе процессы Гримма, Паруновa и др.? Кто можетъ не задуматься надъ тѣми порядками въ интендантствѣ, перевозочной части и пр. и пр., которые несомнѣнно царятъ подъ покровомъ безгласности и всплывутъ на свѣтъ божій такъ же, какъ всплыли въ русско-турецкую войну, когда солдаты питались гнилыми сухарями и ходили въ сапогахъ на картонныхъ подошвахъ, а тифъ выхватывалъ изъ рядовъ несравненно больше людей, чѣмъ вражеская пуля? И кто можетъ вѣрить въ воинскій духъ арміи и особенно ея офицерства, вотъ уже сколько лѣтъ получающаго военное воспитаніе въ сраженіяхъ „съ внутренними врагами“ на „поляхъ“ Ростова, Екатеринослава, Батума, Златуста и всѣхъ другихъ городовъ и весей, гдѣ народъ боретъ за свое освобожденіе? И можно ли разсчитывать на тотъ „патріотическій“ подъемъ чувства, который удесятеряетъ силы арміи, сознающей или по крайней мѣрѣ думающей, что она борется за свои кровные, „національные“ интересы? Увы, всѣмъ и каждому, въ томъ числѣ и правительству вмѣстѣ съ той шайкой великосвѣтскихъ проходимцевъ и просто проходимцевъ, которые такъ усердно грѣли руки около Манчжуріи, настолько ясна невозможность разсчитывать на такой „патріотическій“ подъемъ, что тотъ же „Гражданинъ“ нелицемѣрно замѣчаетъ, какое огромное разочарованіе будетъ между духомъ японцевъ, идущихъ на свое „быть или не быть“, и духомъ русскихъ“, а „Новое Время“, пытаясь какъ-нибудь скрыть отъ себя опасность положенія, спрятать голову подъ крыло, можетъ мотивировать свою минутную увѣренность, что „война съ Японіей будетъ популярнѣе всякой другой“, только тѣмъ, что эта война будетъ не династическая, не политическая и не экономическая, а расовая“! Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что дѣйствительныя политическіе и экономическіе интересы даже тѣхъ слоевъ населенія, которые снимаютъ сливки съ капиталистическаго развитія страны, настолько мало объясняютъ эту войну, а „династическая“ идея настолько потеряла власть надъ умами и сердцами, что нечего и пытаться содать на этой почвѣ хотя бы тотъ „искусственный“ подъемъ „патріотическаго“ духа, какимъ былъ въ значительной мѣрѣ — по позвольному признанію кн. Мещерскаго — подъемъ во время войны 1877-1878 гг.

Остается одно: попытаться сыграть на струнѣ „расовой“ вражды, не стѣсняясь даже указать на соблазнительную перспективу того, что вотъ, дескать, „геровъ линчуютъ“! Но, конечно, сами оффиціозные вдохновители продажной газеты отлично знаютъ, что это только „бесмысленныя мечтанія“, что русскій народъ уже давно вышелъ изъ того состоянія варварства, при которомъ только и можно еще съ грѣхомъ пополамъ строить свои разсчеты на такомъ шаткомъ основаніи; и уже война съ Китаемъ въ достаточной мѣрѣ показала это, хотя самодержавная орда и могла еще найти въ захолустномъ Благовѣщенскѣ охотниковъ принять участіе въ великомъ „патріотическомъ“ подвигѣ потопленія тысячъ безоружныхъ и беззащитныхъ китайцевъ. И немудрено, что газеты, вродѣ „Южнаго Края“, подхватившія лозунгъ, данный имъ петербургскимъ оффиціозомъ, вынуждены апеллировать ко временамъ самой первобытной дикости и, защищая „святое дѣло“, вытаскивать изъ архивной пыли воспоминанія о войнахъ, которыя наши предки вели когда-то съ татарами, съ половцами и даже со „змѣемъ Тугаринымъ“!

Да, самодержавіе предчувствуетъ неудачу и знаетъ съ какимъ грохотомъ и трескомъ свалится оно послѣ этого новаго Севастополя! Если крымскій Севастополь вырвалъ у самодержавія изъ подъ ногъ самую надежную опору его — крѣпостное право, то Севастополь восточный можетъ не оставить камня на камнѣ отъ всего зданія царскаго деспотіи. И тосклво обращаетъ оно свои взоры къ третьей возможной перспективѣ — сохраненія мира во что бы то ни стало, отказа отъ всѣхъ своихъ заносчивыхъ притязаній, отъ всѣхъ „пріобрѣтеній“, отъ всѣхъ завоеваній. Но миръ теперь, послѣ того, какъ зашли такъ далеко, поставилъ на карту все свое существованіе, означалъ бы такое позорное крушеніе всей политики самодержавія, такое неопровержимое свидѣтельство его внутренней гнилости и слабости, что это отступленіе было равносильно жестокому пораженію. Итакъ, чѣмъ бы ни кончилась созданное самодержавіемъ затрудненіе, оно приведетъ къ тому, побѣдитъ народа надъ самодержавіемъ! Война или миръ, побѣда или пораженіе, — Россія такъ или иначе быстро приближается къ политической свободѣ.

И соціальдемократія, партія рабочаго класса, должна отчетливо сознать всю колоссальную важность переживаемаго историческаго момента, должна напрячь всѣ свои силы, чтобы использовать его цѣликомъ для ускоренія крушенія самодержавія и развитія классоваго сознанія пролетаріата чтобы идти не въ хвостѣ грядущей революціи, а во главѣ ея.

Нельзя терять времени, ибо и того, что мы уже слишкомъ много пропустили его. И прежде всего необходимо сейчасъ же, какъ это дѣлаютъ уже и наши „Искровскіе“ товарищи, развернуть самую широкую агитацію въ пользу сохраненія мира. Пусть самодержавіе лучше падетъ подъ гнетомъ собственной дряблости и безсилія, подъ гнетомъ общаго презрѣнія, чѣмъ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ нашихъ братьевъ и дѣтей! Весь вѣсъ своего общественнаго значенія и вліянія соціальдемократія должна положить на то, чтобы постараться не допустить войны. Пусть милліоны листковъ по всѣхъ уголкахъ Россіи разнесутъ въ рабочую массу, разнесутъ въ крестьянство, въ армію, во всѣ слои общества обличеніе всѣмірнаго виновника кроваваго призрака войны — русскаго самодержавія! Пусть неустанно раздается негодующій голосъ соціальдемократіи при всякихъ попыткахъ со стороны группъ хищниковъ, строющихъ на ужасахъ войны планы своего обогащенія, использовать событія и дальнемъ Востокѣ для пробужденія „патріотическихъ“ чувствъ въ народѣ! Пусть рабочій классъ, отчетливо сознавшій свои историческія задачи, во главѣ всѣхъ другихъ слоевъ народа отвергнетъ всякій протестъ противъ безстыдной политики самодержавія, несущей всюду смерть, насиліе, разореніе! Пусть всякая отправка войскъ, всякій актъ, связанный съ подготовкой военныхъ дѣйствій, всякія молебствія по случаю ихъ, всякое обращеніе правительства къ народу, всякія шовинистическія выходки подкупленной печати, пусть все это послужитъ ее новымъ и новымъ поводомъ для манифестаціи народа противъ злодѣевъ-самодержавія! Пусть соціальдемократія заставитъ всѣ группы общества открыто высказать свое отношеніе къ грядущей войнѣ, и пусть разъяснитъ она пролетаріату, что, кто за, что въ случаѣ ея съ нимъ, тотъ противъ него, тотъ съ самодержавіемъ! Мы уже вошли въ революціонную эпоху, наступленіе которой такъ безсмысленно ускоряло самодержавіе своей политикой, и тутъ не можетъ быть недомолвокъ; пролетаріатъ долженъ знать, кто его врагъ, кто его другъ, кто его временный союзникъ.

И если война все-таки вспыхнетъ, если народу придется кровью своихъ сыновей расплачиваться за грѣхи самодержавія, соціальдемократія должна удесятерить свои усилія, чтобы добиться скорѣйшаго заключенія мира, чтобы уменьшить размѣры кровопролитія, чтобы использовать всѣ событія въ интересахъ классоваго развитія пролетаріата, чтобы ускорить свою первую историческую побѣду, побѣду народа надъ самодержавіемъ!

За работу же, товарищи! Пусть исполнится пророчество „Новаго Времени“; пусть дѣйствительно „мелкія стычки съ полиціей“ замолкнутъ, но замолкнутъ только для того, чтобы съ удесятеренной силой возродиться въ грандіозной общероссійской борьбѣ всего рабочаго класса съ самодержавіемъ, борьбѣ за волю, свѣтъ и просторъ, за широкій путь для дальнѣйшей борьбы за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и порабощенія, за соціализмъ! Пусть дѣйствительно „отдѣльныя рѣки“ недовольства и возмущенія сольются въ одно могучее „море“, море революціонной борьбы народа съ царскимъ самодержавіемъ, съ пролетаріатомъ во главѣ подъ краснымъ знаменемъ единой и сплоченной соціальдемократической партіи!

Для этого намъ нужно прежде всего отдать себѣ самимъ ясный отчетъ во всей сложности и важности задачъ, лежащихъ на насъ, какъ на сознательныхъ представителяхъ рабочаго класса; намъ надо безъ ложнаго стыда, безъ самообольщенія оцѣнить съ точки зрѣнія нашей соціальдемократической программы нашу собственную дѣятельность; намъ надо прежде всего и больше всего направить наши усилія на безпощадную борьбу противъ самодержавія и феодально-буржуазнаго общества; намъ надо наполнить нашу борьбу соціальдемократическимъ классовымъ содержаніемъ. Пусть наша мысль неустанно работаетъ въ этомъ направленіи, и мы будемъ дѣйствительно единой, сильной, сплоченной партіей рабочаго класса; мы сумѣемъ съ честью выполнить великія обязанности, взятыя нами на себя отъ имени пролетаріата; мы не окажемся несостоятельными передъ лицомъ великой русской революціи, которая уже стучится въ двери исторіи!

РАЗЛОЖЕНІЕ СІОНИЗМА И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕЕМНИКИ[1]).

Послѣдній Сіонистскій Конгрессъ былъ демонстраціей безсилія. Люди съѣхались со всѣхъ концовъ міра, чтобы громогласно заявить: „Мы не подвинулись ни на шагъ. Мы исчерпали себя. Мы израсходовали всѣ фонды довѣрія къ нашимъ методамъ дѣятельности. И мы не видимъ почти впереди. Сультанъ приласкалъ г. Герцля (впрочемъ: кто это видѣлъ?), можетъ быть онъ приласкаетъ его еще разъ, — а дальше?“

Да, что дальше? Отвѣтъ долженъ былъ быть найденъ. Методъ мышленія оказывается въ реальномъ отвѣтѣ, психологія отчаянія подсказала фикцію — жалкую, выморочную. Г. Герцль предложилъ поступаться въ Африку. Сіонисты съ Чемберленомъ или Эдуардомъ VIII — дѣло идетъ о британскихъ владѣніяхъ — Герцль беретъ, разумѣется, на себя. Ему не въ первый разъ ходатайствовать предъ князьями міра за „свой“ народъ. Этотъ безпастѣнчивый авантюризмъ все еще пожинаетъ на Базельскомъ конгрессѣ бурные рукоплесканія. На съѣздѣ представителей „еврейскаго народа“ не нашлось ни одной руки, которая занесла бы бичъ негодованія надъ этой отталкивающей фигурой...

Только истерическія рыданія романтиковъ Сіона огласили въ извѣстный моментъ залъ засѣданій: Герцль обѣщалъ Палестину — и не далъ ее.

Впрочемъ „вождь“ не отказывается отъ Палестины. Его походъ въ Африку только военная (или, скорѣе, коммерческая) диверсія. Вотъ въ какихъ „образахъ“ выясняетъ свои политическіе планы г. Герцль, завершаясь онъ нападокъ бѣдныхъ рыцарей „чистаго“ сіонизма. „Положимъ — пишетъ онъ въ „Welt“ послѣ конгресса — что я хочу пріобрѣсть себѣ домъ, хотя бы даже мой, перешедшій въ чужія руки, отчій домъ,— я вѣдь не отдамъ себя всецѣло на милость теперешняго собственника. Я, можетъ быть, сдѣлаю ему прямое предложеніе (г.Герцль отправляется къ султану). Но если онъ на это не пойдетъ, если онъ остается несговорчивымъ (султанъ оказался, какъ мы знаемъ, гостепріимнымъ, но „несговорчивымъ“), то я, можетъ быть, даже въ извѣстный моментъ заявлю, что я отъ дѣла отказываюсь. Я изберу домъ по близости или даже въ какой-нибудь отдаленной улицѣ (намекъ на Африку) и поведу о немъ серьезные переговоры... Итакъ дальше“, многозначительно добавляетъ „вождь“ и — умолкаетъ. Вы понимаете, какой это діавольски-коварный планъ? Притвориться, что покупаешь отечество въ отдаленной улицѣ, усыпить „мнимо-серьезными переговорами“ на сторонѣ бдительность султана, а затѣмъ... затѣмъ истортнуть у него Палестину и преподнести ее еврейскому народу. Одно только смущаетъ насъ: что, если статья г. Герцля будетъ переведена на турецкій языкъ и представлена султану? Вѣдь и онъ тоже можетъ догадаться, какая адская западня скрыта для него за словами „и такъ дальше“.

Какъ видите, далѣе этого ни въ какой „дипломатической“ воровастси нельзя. Но нельзя также далѣе поддерживать жизнь сіонизма подобными плюновавыми притчами.

Сіонизмъ исчерпалъ свое внѣшнее содержаніе, и базельскій конгрессъ былъ, повторяемъ, демонстраціей его разложенія и его безсилія. Г. Герцль можетъ еще нѣкоторое время прицѣпляться къ тому или другому „отечеству“; десятки интригановъ и сотни простаковъ еще могутъ поддерживать его авантюры, но сіонизмъ, какъ движеніе, уже приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ — на будущее. Это ясно, какъ день.

Къ такому выводу пришелъ и авторъ брошюры „VI-й Сіонистическій конгрессъ въ Базелѣ“, изданной Бундомъ. „Ликвидація сіонизма началась“. Безспорно. Но кому достанется его клиентела? Другими словами: какъ распредѣлятся тѣ общественные элементы, которые питались имъ? „Подъ нимъ (сіонизмомъ) — говоритъ авторъ — скрываются вполнѣ реальные интересы извѣстныхъ слоевъ, и при наличности этихъ интересовъ движеніе не исчезнетъ, не оставитъ себѣ преемника“... Будутъ новые враги, будетъ новая борьба.“ Кто же будетъ этимъ преемникомъ? Разумѣется, разложеніе сіонизма будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическимъ расчленѣніемъ того конгломерата общественныхъ слоевъ, какой представляетъ собой эта „партія“. Для насъ въ данномъ случаѣ предсталяетъ интересъ дальнѣйшая судьба сіонистской *элиты*, состоящей изъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ представителей буржуазной демократіи.

Разочаровавшіяся въ сіонизмѣ, а значитъ и потерявшая вѣру во исходъ изъ Египта черты еврейской осѣдлости при помощи „политики“ заблужденій съ чернаго крыльца; толкаемая къ оппозиціи сапогомъ самодержавно-полицейской репрессіи; вынуждаемая къ нелегальнымъ методамъ самообороны правительственной практикой кишиневскихъ и гомельскихъ событій,—бывшая лѣвая сіонизма будетъ неизбѣжно вдвигаться въ революціонные ряды. Современная національная позиція Б., оторвавшагося отъ Партіи, облегчитъ этотъ процессъ. Арміи Бунда станетъ пополняться тѣми, въ комъ только что цитированный авторъ хочетъ почему то непремѣнно видѣть „будущихъ враговъ“. Почему же? Они могутъ стать и добрыми друзьями. И, вообще говоря, нельзя желать ничего лучшаго, какъ превратить врага въ друга. Остается только спросить: способенъ ли Бундъ безболѣзненно ассимилировать демократическое крыло отчаявшихся сіонистовъ? И мы боимся, что на этотъ коренной вопросъ нельзя отвѣтить утвердительно.

Не разъ указывалось, что націоналистическія тенденціи проникли въ Бундъ изъ буржуазныхъ сферъ сіонизма. Но такое утвержденіе можетъ показаться абсурднымъ. Развѣ не вскрывали публицисты Бунда реакціонный характеръ сіонизма? Развѣ не ведетъ Бундъ съ этимъ теченіемъ ожесточенной борьбы? Развѣ имя Бунда не вызываетъ у добраго сіониста припадковъ бѣшенства? Все это совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что именно внутренняя логика этой самой борьбы съ сіонизмомъ и

[1]) Недавнее покушеніе русскаго студента — сіониста на жизнь Макса Нордау снова напомнило о сіонистскихъ распряхъ, возгорѣвшихся на происходившемъ осенью Базельскомъ конгрессѣ.

вливала националистическое содержаніе въ политическую агитацію Бунда. Политическая борьба чаще всего бываетъ въ то же время политической конкуренціей, въ которой многому научаются отъ врага. Находясь въ атмосферѣ повышеннаго національнаго самочувствія, имѣя самодержавіе передъ собой и сіонизмъ за собою, Бундъ долженъ былъ выставлять на томъ, что именно онъ представляетъ подлинные *національные* интересы еврейскихъ массъ. Ставъ на эту почву, онъ оказался не въ силахъ установить настоящее соотношеніе между національными и классовыми моментами. Тутъ надъ частной судьбой Бунда тяготѣла трагическая судьба нашей партіи послѣ 1898 г. Организаціонная изолированность „Бунда“ вогнала революціонную энергію его работниковъ въ тѣсный резервуаръ и безжалостно сдавила — повидимому надолго — политическій горизонтъ его вождей.

„Чѣмъ меньше число индивидуумовъ, участвующихъ въ данномъ общественномъ движеніи, чѣмъ въ меньшей степени движеніе это является движеніемъ массовымъ, — тѣмъ меньше выступаетъ въ немъ наружу всеобщее и законосмѣрное, тѣмъ больше преобладаетъ въ немъ случайное и личное“ (Каутскій „Соц. революція“). Пролетарская партія можетъ ограничиваться только политическими, т. е. государственными рамками. Лишь въ этомъ случаѣ „всеобщее и законосмѣрное“, т. е. принципы социалъ-демократіи, заляжутъ въ основу движенія. Сфера дѣятельности Бунда характеризуется не государственнымъ, а національнымъ признакомъ. „Бундъ — организація еврейскаго пролетаріата“. Ко времени перваго съѣзда это положеніе имѣло не политическій, а технической (въ широкомъ значеніи) смыслъ. Бундъ былъ партійной организаціей, приспособленной для работы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большинство населенія говоритъ на еврейскомъ языкѣ. При „допустительствѣ“ партіи, которая, въ силу своей раздробленности, слишкомъ часто играла роль торжественной фикціи, „случайное“ или частное получило преобладаніе надъ „общимъ“ и „законосмѣрнымъ“. Организаціонно-технической фактъ возвелъ себя въ національно-политическую „теорію“. Пятый съѣздъ Бунда, предшествовавшій второму съѣзду партіи, выдвигаетъ, какъ извѣстно, новый тезисъ: „Бундъ — социалъ-демократическая, неограниченная въ своей дѣятельности никакими районными рамками организація *еврейскаго пролетаріата* и входитъ въ партію въ качествѣ его *единственно представителя*“. Такъ разрѣшилась внутри Бунда тяжба между частнымъ и всеобщимъ. Если прежде, по крайней мѣрѣ по замыслу, Бундъ былъ представителемъ интересовъ социалъ-демократической партіи въ средѣ еврейскаго пролетаріата, то теперь онъ превращается въ представителя интересовъ еврейскаго пролетаріата предъ социалъ-демократической партіей. Мало того. „Выступленіе отъ имени всего пролетаріата опредѣленной территоріи, на которой, кромѣ другихъ, входящихъ въ партію организацій, дѣйствуетъ и Бундъ, допустимо лишь при участіи послѣдняго“. Все передвинулось: *классовая* точка зрѣнія подчиняется *національной*, партія ставится подъ контроль *Бунда, всеобщее* отдается подъ начало *частному*.

Выходъ Бунда изъ партіи является послѣднимъ моментомъ и результатомъ этой пятилѣтней эволюціи. И, въ свою очередь, фактъ полнаго „оффиціальнаго“ обособленія Бунда неизбѣжно послужитъ отправнымъ базисомъ дальнѣйшаго развитія Бунда въ сторону націонализма. Говорить: *неизбѣжно*, ибо надъ доброй волей руководителей Бунда тяготѣетъ злая воля ихъ національно-политической позиціи. Какъ бы историческимъ „знаменіемъ“ является тотъ фактъ, что выступленіе Бунда изъ партіи совпало съ моментомъ фатальнаго кризиса въ сіонизмѣ. Эмансипировавшись отъ отступленія „общаго“ и „законосмѣрнаго“, Бундъ настежь распахнулъ двери „частному“. Взявшій *объективно*, онъ представляетъ теперь организаціонный аппаратъ, какъ нельзя болѣе пригодный для совлеченія еврейскаго пролетаріата съ пути революціонно-социалъ-демократизма на путь революціонно-демократическаго націонализма. Конечно, въ *субъективномъ* сознаніи вождей Бунда сохранилось еще достаточно социалъ-демократическихъ „переживаній“, чтобы бороться противъ такого совлеченія. Но логика фактовъ сильнѣе, чѣмъ косность мысли. Выводы, на которые не отваживаются сегодняшніе руководители Бунда, будутъ сдѣланы завтра тѣми, которые придутъ имъ на смѣну. Построивъ свою теперешнюю позицію подъ національнымъ угломъ зрѣнія, Бундъ облегчилъ переходъ въ свои ряды элементамъ, мысль которыхъ не стѣснена социалъ-демократическими традиціями. Они придутъ — они идутъ уже — и властно отстранятъ тѣхъ, которые покажутся имъ „доктринерами“. Конечно, Бундъ и долго сохранитъ социалистическую фразеологію. — какъ сохранила ее до настоящаго дня П. П. С. Это, однако, нисколько не помѣшаетъ ему — наоборотъ, поможетъ — выполнять ту политическую функцію, которую съ такимъ успѣхомъ выполняетъ хотя бы та же П. П. С., именно: поглощеніе классовыхъ интересовъ пролетаріата націоналистическими интересами революціонной демократіи. Да, публицистъ Бунда правъ: сіонизмъ „не исчезаетъ, не оставивъ преемника“. Но имъ преемникомъ можетъ оказаться *Всеобщій Іудейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи*.

НА ОЧЕРЕДИ.

(Кружокъ или партія?)

„Искра“ вступила въ четвертый годовой существованія... Для русской революціонной газеты это немалый сокъ, да и годы то были незаурядные... Второй съѣздъ нашей Партіи закончилъ собой первый періодъ того „собиранія земли русской“, во имя котораго три года назадъ „Искра“ выступила, какъ отдѣльный *кружокъ*, среди многочисленныхъ другихъ кружковъ соціалъ-демократіи.

Много ихъ было тогда. Что ни кружокъ, то особая политическая физіономія, отражающая сквозь призму неизбѣжныхъ индивидуальныхъ и случайныхъ чертъ ту или иную, но всегда одну только, потребность соціалъ-демократическаго рабочаго движенія: выражающая всегда одинъ только *моментъ* въ развитіи идеи революціонаго пролетаріата. Что ни группа, то своеобразное, поэтому, *упрощеніе* соціалъ-демократической программы и тактики, если не прямое искаженіе того и другой. И въ этомъ хаосѣ своеобразныхъ сочетаній основныхъ элементовъ великаго соціалъ-демократическаго ученія дробилось и мельчало само рабочее движеніе — объектъ воспитательнаго воздѣйствія соціалъ-демократіи — дробилось и мельчало въ то самое время, когда жизнь страны предъявляла ему каждый день все новые и новые, все болѣе требовательные запросы.

Соединить механически эти отдѣльные кружки и объявить это соединеніе Партіей — тиковъ былъ пароль, который въ то время давали многіе и многіе на вопросъ „что же дѣлать?“

Создать центръ, къ которому стянулись бы всѣ наиболѣе зрѣлые элементы соціалъ-демократіи: изъ этого центра „бомбардировать“ всю массу соціалъ-демократовъ неустанной пропагандой „забытыхъ словъ“ революціоннаго марксизма и соотвѣтствующихъ имъ отвѣтовъ на новые *практическіе* запросы движенія; организовать общепартійныя функціи революціонной работы и, тѣмъ самымъ, положить начало „организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“: всѣхъ этихъ *собрать около себя Партію*, существующую номинально, и дать ей тѣмъ самымъ реальное существованіе. Таковъ былъ отвѣтъ „искровскаго“ кружка. Этотъ отвѣтъ диктовалъ новому кружку новыя, доселѣ не ставившіяся на практикѣ задачи, но самый характеръ *кружка* немногому осуждалъ его на пользованіе тѣми же самыми *методами организаціонной борьбы* за торжество своей точки зрѣнія, какія были въ ходу у другихъ кружковъ. Эти методы сводились, — не могли не сводиться, — къ орьбѣ за расширеніе и упроченіе вліянія своего кружка на всѣ остальные — въ большинствѣ, болѣе незрѣлые — элементы Партіи. Вновь появившіяся кружокъ и не могъ дѣйствовать иначе, разъ вся арена партійной жизни была занята другими кружками, которые не могли не отличаться замкнутостью, обособленностью и стремленіемъ оградить себя отъ вторженія новыхъ элементовъ. Вновь возникшій кружокъ, чтобы подготовить созданіе партіи, долженъ былъ поставить себѣ практической цѣлью уничтожить силу сцѣпленія, искусственно связывавшаго отдѣльные атомы движенія въ групповыя соединенія, чтобы, такимъ образомъ, постепенно поглощать всѣ освобождающіеся жизнеспособные элементы. Но, будучи членами *кружка*, „искровцы“ не могли не поддаться сами дѣйствію этой же самой силы сцѣпленія. Вступивъ во имя партійныхъ задачъ въ борьбу съ кружковой психологіей большинства товарищей, „Искра“ сама поневолѣ развивала въ своихъ адептахъ ту же кружковую психологію. И чѣмъ больше *идеи*, бывшія первоначально достояніемъ одной лишь „Искры“, переходили въ общую собственность партіи, тѣмъ все больше эта психологія „новаго“ — увы, уже старѣвшаго — кружка становилась *препятствіемъ для полнаго* осуществленія тѣхъ самыхъ задачъ, которыя ставили адептовъ „Искры“ въ одну организацію.

Къ моменту партійнаго съѣзда сила сцѣпленія, развиваемая кружковой обособленностью, сохранила въ организаціи „Искры“ уже довольно разнородные элементы, которые при другихъ условіяхъ проявились бы въ своей несовмѣстности по многимъ важнымъ вопросамъ практики. Эти другія условія сразу наступили тогда, когда рѣшеніе партійнаго съѣзда, санкціонировавъ *основную* точку зрѣнія „Искры“ въ программѣ, тактикѣ и организаціи, тѣмъ самымъ *уничтожили всякій политическій смыслъ* дѣленія соціалъ-демократовъ на „искровцевъ“ и „не искровцевъ“.

Но человѣческая психологія косна по своей природѣ, и новыя группировки въ предѣлахъ единой партіи, группировки, связанныя съ различіемъ методовъ проведенія въ жизнь „искровскихъ“ — т. е. революціонно-соціалъ-демократическихъ — рѣшеній съѣзда, эти группировки упорно пользуются этимъ, потерявшимъ свой политическій смыслъ, дѣленіемъ, которое было въ свое время обусловлено именно отсутствіемъ партіи, какъ единаго цѣлаго.

Болѣе того. Поскольку эти новыя группировки раскололи прежній „искровскій“ кружокъ, поскольку онѣ еще до этого раздѣленія проявились на различномъ отношеніи „искровцевъ“ къ не-членамъ „искровскаго“ кружка, раздѣлявшихъ и отстаивавшихъ вмѣстѣ со всѣми „искровцами“ программу и организаціонныя идеи революціонной соціалъ-демократіи, — постольку вы послѣ съѣзда получили счастливую возможность обогатить партію *четырьмя*, цѣлыми четырьмя опредѣленіями понятія „искровецъ“.

Это, во-первыхъ, тотъ, кто на съѣздѣ Партіи и до него выражалъ свою полную солидарность съ „Искрой“, отстаивалъ ея программу и ея организаціонные взгляды и поддерживалъ ея организаціонную политику. На съѣздѣ такихъ „искровцевъ“ было свыше 40 — столько голосовъ было подано за программу и за резолюцію о признаніи „Искры“ центральнымъ органомъ Партіи. Типичными для этихъ „искровцевъ“ могутъ служить члены группы „Южн. Раб.“. Прочтите рѣчи делегатовъ „Южн. Раб.“ въ защиту резолюціи объ „Искрѣ“, прочтите статьи этой газеты, популяризирующія книгу Ленина „Что дѣлать?“ — и вы должны будете согласиться съ характеристикой, которую до съѣзда далъ Воронежскій Комитетъ „Ю. Р.“, какъ „искровцу“.

Но — увы! — все въ мірѣ относительно. „Искровцы“ до съѣзда, члены бывшаго „Ю. Р.“ скоро стали казаться „антиискровцами“ (см. письмо Ленина „Почему я вышелъ изъ редакціи ?“). Изъ числа 40 съ лишнимъ делегатовъ съѣзда, воздержавшихъ всѣ „искровскія“ рѣшенія, Ленину только 30 (3/5 всего числа делегатовъ) кажутся теперь „искровцами“ въ широкомъ смыслѣ слова. Критерій для этого отмежеванія — солидарность съ редакціей „Искры“ на съѣздѣ въ нѣсколькихъ второстепеннаго характера вопросахъ. Такова вторая „форма проявленія“ искровской идеи.

Но изъ числа 30 „искровцевъ“ этой второй формаціи не всѣ еще въ одинаковой мѣрѣ „искровцы“. Ибо нѣкоторые „сказали напротивъ“ основному организаціонному ядру „искровцевъ“ на такому „важному“ вопросу, какъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ пригласить на съѣздъ такого то Х. или У. изъ числа противниковъ „Искры“. Тѣмъ самымъ они оказались внѣ круга „настоящихъ искровцевъ“. Отсюда — раздуваніе бывшаго на партійномъ съѣздѣ столкновенія между Орг. Ком. и редакторами „Искры“, отсюда заподазриваніе политическаго характера того самаго Орг. Ком., который подготовилъ съѣздъ, состоявшій — по Ленину — на 2/3 изъ „искровцевъ“, а, по другому разсчету, на 9/10 слишкомъ изъ послѣдовательной революціонной соціалъ-демократіи. Такова третья метаморфоза понятія „искровецъ“.

И это не все: изъ числа пропѣженныхъ такимъ образомъ „искровцевъ“ pur et simple меньшая половина не согласна съ большей по вопросу, считать ли оставшихся въ числѣ „настоящаго „искриза“ достойными вѣчнаго въ семъ чистилищѣ пребыванія (для нѣкоторыхъ, впрочемъ, замѣненнаго осужденіемъ на вѣчныя муки „анти-искровства“). Поводъ для новаго дѣленія, на сей разъ на „твердыхъ“ и „мягкихъ“ „искровцевъ“. Четвертая фаза развитія „искрового“ „принципа“, въ результатѣ котораго „истинное искровство“ оказалось за предѣлами редакціи газеты, давшей имя кружку...

„Искровцы“, провозглашающіе „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ, но не примыкающіе къ организаціи „Искры“ — „искровцы“ изъ организаціи, не всегда соглашающіеся съ редакціей во всѣхъ мелочахъ оцѣнки того или иного Икса — „искровцы“ изъ организаціи и изъ редакціи, всегда и во всемъ согласные съ самими собою, но не согласившіеся въ томъ, какъ реагировать на указанное ужасное разногласіе и, наконецъ, — „искровцы“, доведшіе свой фанатизмъ „единомыслія“ до того, что отколовшіеся отъ редакціи, не согласившіеся съ ними въ оцѣнкѣ важности самого разногласія относительно оцѣнки икса и игрека. И за-мѣтьте: всѣ эти категоріи провозглашаются тѣми товарищами, которые упорно отрицаютъ, чтобы между „искровцами“ по крайней мѣрѣ, трехъ категорій, существовали дѣйствительныя разногласія принципіальнаго характера, хотя бы въ вопросахъ организаціонной политики.

И смѣшно, и грустно.

Смѣшно потому, что адепты направленія, *фактически восторжествовавшаго въ Партіи*, неумно копируютъ внѣшніе симптомы, свойственные обыкновенно кружку, выразившему идею, напротивъ, осужденныя исторіей, побѣжденному въ борьбѣ съ врагами. Пока старое наше революціонное движеніе подвигалось по восходящей линіи своего развитія, термины „соціалъ-революціонная партія“, „народничество“, „терроризмъ“, „пропагандисты“, „бунтари“, термины, выражавшіе *идею*, рѣшительно преобладали надъ терминами „землевольство“, „бакунизмъ“ и т. д.

„Рабочій бунтуетъ“

(Страничка изъ наблюденій).

I.

Русское революціонное рабочее движеніе, гигантскій ростъ котораго такъ быстро реформируетъ физіономію старой крѣпостной Россіи выливаетъ во всѣхъ остальныхъ слояхъ населенія разнообразныя опущенія, соотвѣтствующія тѣмъ соціально-политическимъ условіямъ, въ которыхъ эти слои живутъ. Это рельефно можно было наблюдать при самомъ началѣ зарожденія у насъ рабочаго движенія.

Послѣ бурной террористической единоборческой полосы движенія, наступаетъ, какъ извѣстно, полоса общественнаго затишья и критическаго анализа прошлыхъ революціонныхъ программъ.

Какъ разъ съ этимъ временемъ совпадаетъ глубокая внутренняя работа за фабричными станками въ городахъ. Въ этотъ періодъ времени назрѣваетъ тотъ духъ рабочаго протеста, который затѣмъ въ 90-хъ годахъ выливается въ многочисленныхъ стачкахъ рабочихъ. Въ общественѣ и литературѣ сначала робко и неувѣренно начинаютъ звучать сочувственныя нотки новому зарождающемуся движенію. Интеллигентско-раночинскіе мотивы, окрашивавшіе собою литературу безвременья 80-хъ годовъ, мало по малу отступаютъ на задній планъ. Все громче и громче началъ звучать бодрый, увѣренный, весенній тонъ. Правда, въ общемъ хорѣ голосовъ еще не дифференцировались голоса чистыхъ идеологовъ пролетаріату, но все же атмосфера была насыщена сочувствіемъ пролетаріату. Это ясно выражалось въ тогдашней молодой легальной марксистской литературѣ, съ пѣшой у рта встрѣченной представителями отживавшихъ общественно-политическихъ направленій. „Рабочій“ мало по малу входитъ въ обиходъ русской жизни и русской общественной мысли, а вскорѣ становится и центромъ всѣхъ и всякихъ политическихъ разсчетовъ. Начало рабочаго движенія рѣзко измѣняетъ прежде всего физіономію такъ называемаго „политическаго преступника“. „Знаете теперь все мужикъ пошелъ, теперь времена не тѣ, все измѣнилось!“ — говорилъ мнѣ осенью 1895 года одинъ надзиратель московской пересыльной тюрьмы — „не то было въ 70-ые годы, какихъ только тогда не было среди политическихъ: и генеральскія, и даже княжескія дѣти: теперь не то!“ — меланхолически заключилъ мой тюремщикъ. Этотъ то тюремщикъ, прослуживши въ московской тюрьмѣ больше тридцати лѣтъ, съ умиленіемъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ эпизодѣ, который заключался въ томъ, что черезъ его руки проходилъ очень давно одинъ богатый юноша въ Сибирь, и затѣмъ уже черезъ много лѣтъ, дойдя „до степеней извѣстныхъ“ и служа въ Москвѣ, посѣтилъ стараго тюремщика, какъ онъ говорилъ мнѣ съ гордостью, „съ орденами и крестами“... Да, конечно, этотъ политическій съ точки зрѣнія этого тюремщика, былъ не чета современному, какъ онъ выражался, „сиволапому мужику“, который тоже „сталъ тянуть за барина“.

„Рабочій бунтуетъ“, говорилъ мнѣ сельскій попъ въ глухой сѣверной деревнѣ послѣ большой лѣтней петербургской стачки 96 года. „Это не то, что нашъ братъ, интеллигентъ! Съ вами расправа коротка: высдать васъ, вотъ въ какую либо сѣверную деревушку — и кранда долой, а что подѣлать нашему „бѣдному правительству“ съ рабочимъ, который претъ, какъ лавина?“... Попикъ читалъ исконя комаровскій „Свѣтъ“ и былъ по своему „политиковъ“; притомъ же онъ слыхалъ про германскую соціалъ-демократію и чувствовалъ, что не за горами то время, когда и у насъ образуется такая же крѣпкая партія.

Мѣстные купцы и чиновничество, которые находились въ ближнемъ городкѣ, приняли извѣстіе о петербургской стачкѣ, какъ то нерѣшительно и робко. Многіе изъ нихъ, слывше за мѣстныхъ „радикаловъ“ и имѣвшіе съ старыми политическими ссыльными — по преимуществу народовольческаго толка — постоянныя связи, не понимали совершенно характера современнаго политическаго ссыльнаго. „Тотъ, да не тотъ“, „обличаетъ какъ будто и тотъ, а нутро намъ мало извѣстно“, такими фразами характеризовалъ мнѣ современнаго ссыльнаго одинъ мѣстный богатый купецъ, слывшій за „краснаго“. Этотъ купецъ былъ всегда близокъ къ мѣстной политической колоніи и „вышелъ въ люди“, какъ говорили обыватели, благодаря помощи со стороны Ядринцева и Шашкова, бывшихъ здѣсь въ ссылкѣ въ началѣ 70-хъ годовъ. Большинство членовъ нашей политической колоніи были рабочіе, высланные изъ Питера и Москвы. Это обстоятельство какъ будто даже нѣсколько шокировало мѣстнаго обывателя, привыкшаго видѣть въ „политическомъ“ прежде всего „студента“, да зачастую принадлежащаго къ тому же кругу состоятельныхъ классовъ. Начавшееся рабочее движеніе въ „сѣверныхъ палестинахъ“ не было еще понятно тогда мѣстному обывателю. Замкнутый характеръ новаго „политическаго“ не нравился обывателю, привыкшему къ заѣзжебратскимъ отношеніямъ къ старому „политическому“. „Рабочій пошелъ, — говорили мнѣ мѣстные обыватели, — а чего онъ хочетъ — неизвѣстно“.

Разъ какъ то, помню, я далъ одному купцу прочитать „Наши разногласія“ г. В. Цвѣтаева для ознакомленія новаго міросозерцанія „политическихъ ссыльныхъ“, и онъ, прочитавши эту книжку, нашелъ, что „нехорошо, что буржуевъ пугаютъ“, „не надо ихъ ругать, вѣдь они вамъ могутъ быть очень полезны“, „съ одними рабочими ничего сдѣлать нельзя“, „вотъ, напримѣръ, народовольцы, — тѣ это хорошо понимали“ и т. д. Словомъ, наряду съ возраставшимъ интересомъ къ новому движенію у обывателя проскальзывала какъ будто нотка недовѣрія съ одной стороны, съ другой, даже и порою... Не смотря на это, многіе купцы и чиновники жертвовали на стачечниковъ Петербурга, а затѣмъ и Ярославля. „Вотъ нехорошо только что вы чуждаетесь общества мѣстнаго“, нѣсколько разъ подчеркивали мнѣ обыватели. Но за этой фразой какъ будто чувствовалась вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытая боязнь по отношенію къ новому ссыльному. Словомъ, „рабочая блуза“ мало импонировала обывателю. Мѣстная администрація также относилась иначе къ новому типу ссыльныхъ, временами стараясь смѣшивать ихъ съ уголовными и т. д.

Съ каждымъ новымъ ссыльнымъ, прибывавшимъ въ наши глухія сѣверныя дебри, росъ интересъ у обывателя къ новой породѣ „политиковъ“, какъ насъ всѣхъ здѣсь сокращенно называли. Слово „соціалъ-демократъ“ съ теченіемъ времени популяризировалось среди обывателей и завоевывало себѣ мало по малу право гражданства, хотя многіе и продолжали еще коситься на него.

За то съ большимъ сочувствіемъ встрѣчали новый типъ ссыльнаго тѣ крестьяне, которымъ приходилось сталкиваться съ нами. Помню одного крестьянина, который непремѣнно хотѣлъ послать отъ своего сына на фабрику „набираться уму-разуму“. Знакомые крестьяне при встрѣчѣ съ нами всегда подробно разспрашивали всѣхъ насъ о характерѣ рабочаго движенія въ Россіи, о его задачахъ и цѣляхъ. При этомъ они всѣ поголовно относились къ нему очень сочувственно. Многіе говорили, что „слава богу, настало время, когда и мужикъ начинаетъ расправлять свою спину“. Съ удовольствіемъ читали всю имѣющуюся у насъ подъ руками нелегальную литературу и дѣлились съ нами своими впечатлѣніями.

Нѣкоторые знакомые нашихъ крестьянъ съ трогательной лаской относились къ рабочимъ-ссыльнымъ, и все имъ въ нихъ казались такимъ новымъ и привлекательнымъ. „Эхъ Никита Егорычъ, хорошъ ты кавалеръ, — говорилъ крестьянъ одному нашему рабочему, — я вижу башковатый ты парень! Ишь что задумалъ — республику! Ловкачъ — милянъ! Прямо таки, не хочу царя, а давай мнѣ республику и чтобы все обошлось!“ Какъ и я съ тобой, парень, согласенъ, что такъ лучше!“. А другой крестьянинъ, помню, интересовался узнать у нашихъ работчихъ объ ихъ хозяйствѣ въ Россіи и заключалъ: „сила васъ — аграмадная, да вотъ сила большущая и у царя, да и дураковъ насъ — мужиковъ много, и намъ нужно пойти за вами, тогда бы скоро мы расправились съ кровопійцами“. Такими и подобными репликами встрѣчали знакомые наши крестьяне нашихъ рабочихъ... Всѣ извѣстія о городскихъ стачкахъ крестьяне встрѣчали съ живѣйшимъ участіемъ, и былъ одинъ случай, когда крестьяне одной деревни, подъ вліяніемъ одного изъ нашихъ знакомца, собрали нѣсколько рублей для ярославскихъ стачечниковъ.

Общество же мѣстное, какъ я сказалъ, хотя и давало подъ вліяніемъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, деньги для стачечниковъ по отношеніи къ самимъ событіямъ чрезвычайно индифферентно. Для него „экономическая стачка“ была пустымъ звукомъ и сводилась она только къ „недоразумѣніямъ между хозяевами и рабочими“, а такъ какъ хозяйскіе интересы для „общества“ были несомнѣнно его собственными кровными интересами, то весьма понятенъ и тотъ индифферентизмъ его представителей, съ которыми они относились къ такимъ явленіямъ, какъ стачки. Даже больше того. Обществомъ мѣстное съ нескрываемымъ удовольствіемъ относилось къ намъ, интеллигентнымъ ссыльнымъ, такъ

ками терминами, связанными съ именемъ кружка или вождя его. Только когда партія „Народной Воли“ стала окончательно склоняться къ упадку, люди стали называть свое направленіе преимущественно „народовольствомъ“. „Мы не соціалисты и не демократы, говорилъ одинъ вождь „Народной Воли“, мы — просто народовольцы“. Боюсь, что за „простымъ“ именемъ „искровизмъ“ скоро будетъ забыто само понятіе „революціонная соціалъ-демократія“.

Это — грустно, потому что въ процессѣ этой подмѣны идей именемъ ихъ первоначальныхъ носителей теряется совершенно *принципіальное отношеніе* къ жгучимъ вопросамъ партійной жизни, понятіе партійной политики слишкомъ легко подмѣняется понятіемъ *кружковаго политиканства*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразленія минутнаго разсчета, успѣха даннаго дня, совершенно вытѣсняютъ всякую заботу о сколько нибудь послѣдовательной, принципіально-выдержанной „линіи поведенія“.

Вчера еще вѣрнымъ признакомъ для отличія „твердаго искровца“ отъ „мягкаго“ было признаніе „отечества въ опасности“ съ той минуты, какъ будетъ ослабленно непосредственное и неограниченное вліяніе редакціи „Искры“ *на практику* работы Центральнаго Комитета и на его составъ. Литература, водворенная *заграницей*, должна имѣть гегемонію надъ практическимъ центромъ. Это было недвусмысленно заявлено на съѣздѣ Партіи въ рядѣ рѣчей. Это былъ, во всякомъ случаѣ, *принципъ*, правда, довольно таки кущій, но все же принципъ. Логику и психологію этой позиціи намъ показалъ П. Б. Аксельродъ въ прошломъ № „Искры“. Все, что не видѣло въ такой позиціи неизбѣжнаго вывода изъ „искровской“ идеи, тѣмъ самымъ объявлялось вить „искровства“. Слово „оппортунизмъ“ было сказано громко. Между „настоящими“ и „не-настоящими“ — провесть принципіальнаго разногласія.

Сегодня все навыворотъ. Безумiемъ сталъ разумъ, и сущимъ свидѣтельствомъ — вчерашнее добро. Указанная выше гегемонія Ц. О. надъ Ц. К., подъ знакомъ которой на съѣздѣ дѣлали на овецъ и козлищъ, уже ничѣмъ не отстаивается, и наивные люди охотно вѣрятъ, что только объ этой гегемоніи — клевета лицъ, желающихъ „прикрасить свою позицію“. Вчера говорили о „загранвѣстѣ“, какъ единственно надежномъ убѣжищѣ ортодоксіи, единственномъ оберегать бѣдную практику отъ всѣхъ видовъ оппортюнистической заразы: сегодня „подымаютъ“ практиковъ на эту самую „заграницу“. Вчера, по мѣткому выраженію П. Б. Аксельрода, создавали теократическую систему господства литераторовъ; сегодня съ презрѣніемъ говорятъ о „литераторскихъ дрязгахъ“ и призываютъ практиковъ положить имъ конецъ. И завтра, безъ сомнѣнія, мы услышимъ, что партійная литература должна быть отдана подъ надзоръ „практиковъ“, что партійный органъ не имѣетъ права критиковать дѣятельность партіи. А послѣзавтра намъ повторятъ знаменитую идею Надежина о томъ, что въ истинно-демократической партіи десять „умниковъ“ не могутъ значить, чѣмъ сто „дураковъ“. Сегодня они уже кричатъ о своемъ возмущеніи нашими „пріемами борьбы“; завтра кто знаетъ? — они опустятся до.... разговоровъ о „нетоварищескихъ пріемахъ полемики“. Вчера — здоровая реакція противъ сентиментальнаго „рабочелюбія“ порой выражалась въ ультра-неловѣрчивомъ отношеніи къ „чисто-рабочему“ элементу въ Партіи; завтра — это будетъ: — мы еще услышимъ апелляцію отъ интеллигентскаго „любомудрія“ къ здравому смыслу пролетарія съ мозолистыми руками.

Все это дѣйствіе законовъ кружковой психологіи. Развитіе *партіи* вытѣсняетъ кружокъ съ одной практической позиціи на другую, и попытка освятить каждую новую, противорѣчащую прежней позицію „принципомъ“ неминуемо приводитъ къ... безпринципности. И мы дождемся того, что будущій историкъ при характеристикѣ „искровства“ послѣдней формаціи долженъ будетъ сказать, перефразируя слова Г. В. Плеханова о народовольцахъ: „въ исторіи русской соціалъ-демократіи не было болѣе безпринципнаго направленія, чѣмъ искровское“.

Бѣдная „Искра“! Могла ли ты ожидать *такого* финала своей прехлѣтней работы? Ты, такъ безпощадно осмѣивавшая народскій кругозоръ теченій, съ которыми тебѣ приходилось бороться; ты, искавшая и находившая вездѣ *принципіальную* основу всякихъ дѣленій и группировокъ въ партіи и тѣмъ самымъ *подымавшая* неизбѣжные въ живой партіи конфликты до высоты *войны принциповъ*, до высоты *общихъ задачъ партійной политики*, ты теперь должна послужить знаменемъ для борьбы противъ „литераторовъ“, которые своими „дрязгами“ мѣшаютъ „практической работѣ“, для смѣняющихся каждый день противорѣчивыхъ паролей приходской, кружковой „политики“ (политиканства — тоже)?! Ты, много, безъ сомнѣнія, грѣшившая, потому что много возлюбила революціонное дѣло пролетаріата, заслужила ли ты, все же, своими грѣхами *такую* кару?

Къ счастью для добраго имени „Искры“, логика вещей повидимому, не допуститъ надолго такой профанаціи. Но мѣрѣ того, какъ идея „твердаго искровства“ продѣлываетъ очерченныя здѣсь лишь отчасти метаморфозы, самая идея тощаетъ все болѣе и болѣе и недалекъ тотъ моментъ, когда по самой узкой модѣ скроенный „искровскій“ костюмъ будетъ висѣть на ней жалкомъ. Придется подмѣнить кличку, связанную все же съ коллективностью, хотя бы и кружкового типа, — кличкой персональнаго характера. Уже сегодня „истинные искровцы“ изъ всей „Искры“ знаютъ подчасъ только нѣсколько страницъ книги „Что дѣлать?“. Завтра они станутъ клясться одной какой нибудь фразой „Письма къ петербургскому товарищу“. Они отбросятъ кличку „искровцевъ“, чтобы стать „ленинцами“. И это будетъ послѣднимъ торжествомъ, реабилитаціей бѣдной „Искры“. Ибо несмотря на ея характеръ *кружка*, ея знамя окажется слишкомъ *партійнымъ* знаменемъ, чтобы надолго прикрывать борьбу *кружковщины* противъ *партійности*.

Но мы, революціонные соціалъ-демократы, тѣсно связанные съ работой „Искры“ въ прошломъ, не подберемъ этой кружковой клички, которую скоро отбросятъ сегодняшніе ультра-искровцы. Кризисъ, переживаемый нынѣ партіей, способенъ навсегда излечить всѣхъ серьезныхъ ея членовъ отъ недуга кружковщины.

Три года работы „Искры“ много содѣйствовали росту русской соціалъ-демократіи. Четвертый годъ своей работы мы можемъ начать пожеланіемъ всѣмъ нашимъ старымъ и новымъ товарищамъ — помочь Партіи возможно скорѣе перешагнуть черезъ тѣ послѣднія препятствія къ нормальной партійной жизни, которыя создались, благодаря невозможному совершенно недугу *кружковщины*.

Организація „Искры“ нужна была въ свое время для созданія партійной организаціи; она стала ненужной съ момента возстановленія партійнаго единства. Вчера „искровцемъ“ долженъ былъ быть всякій революціонный соціалъ-демократъ, желавшій послѣдовательно проводить на практикѣ принципы революціонной соціалъ-демократіи. Сегодня „искровцемъ“ можетъ титуловать себя только тотъ, чья политическая практика въ цѣломъ не можетъ быть освящена и оправдана этими принципами. Вчера еще „искровство“ обязывало (по крайней мѣрѣ, въ принципѣ) работать надъ тѣмъ, чтобы поднимать партійныхъ „кустарей“ до такой высоты политическаго самосознанія, при которой утратило бы всякій — кромѣ чисто-техническаго — смыслъ дѣленіе соц.-дем. на „управляющихъ“ — профессіональныхъ революціонеровъ — и „управляемыхъ“ — рядовыхъ пролетарскаго авангарда. Сегодня специфическое „искровство“ не можетъ не вырывать все болѣе и болѣе глубокую пропасть между тѣми и другими, тѣмъ самымъ видя къ дезорганизаціи партіи. Вчера еще „искровство“ могло быть знаменемъ для тѣхъ, кто двигалъ партію впередъ, сегодня оно можетъ, — мы видѣли, что только на время — развѣваться надъ лагеремъ только тѣхъ, кто фактически тащитъ Партію назадъ.

Вчера еще органъ кружка, сегодня „Искра“ — органъ Партіи. И никакимъ воздѣйствіямъ не удастся вернуть ее къ ея „первобытное состояніе“.

Л. Мартовъ.

ДОЛЖНЫ ЛИ РАБОЧІЕ ВЫБИРАТЬ „ФАБРИЧНЫХЪ ДВОРНИКОВЪ“.[1])

Вмѣстѣ съ умноженіемъ способовъ борьбы правительства съ рабочимъ движеніемъ усложняется задача соц.-дем. Партіи, которая должна, руководя этимъ движеніемъ, реагировать на всѣ мѣропріятія правительства; опредѣлить на основаніи принциповъ соціалъ-демократіи свое отношеніе къ этимъ мѣропріятіямъ и использовать ихъ въ цѣляхъ борьбы. Чуть ли не каждый день

[1]) *Отъ редакціи.* Мы охотно удѣляемъ мѣсто статьѣ тов. Н. В. о „фабричныхъ старостахъ“ и тактикѣ соціалъ-демократіи въ этомъ вопросѣ. Новый законъ представляетъ собой весьма удобный моментъ для нашей агитаціи, и было бы весьма желательно, чтобы товарищи возможно обстоятельнѣе и всесторонніе обсуждали данный вопросъ въ партійной прессѣ. Такая дискуссія тѣмъ болѣе необходима, что, въ числѣ другихъ вопросовъ нашей тактики, и этотъ вопросъ могъ быть обсужденъ на съѣздѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. А, между тѣмъ, вопросъ не сомнѣнно очень сложный, и безусловное его рѣшеніе невозможно безъ внимательнаго разсмотрѣнія — притомъ съ точки зрѣнія практическаго проведенія въ жизнь принятой съѣздомъ резолюціи — всѣхъ доводовъ за и противъ. Мы, поэтому, приглашаемъ особенно комитетскихъ дѣятелей познакомить всѣхъ товарищей съ тѣмъ опытомъ, который дали имъ попытки проведенія въ жизнь самого закона и резолюціи нашего съѣзда.

Свое отношеніе къ статьѣ тов. Н. В. редакція выскажетъ въ свое время. Здѣсь только замѣтимъ, что, въ нашихъ глазахъ, его соображенія не колеблютъ правильности основной точки зрѣнія, проводимой въ статьѣ „Эра реформъ“ и санкціонированной въ резолюціи съѣзда.

ставитъ партіи новыя задачи, такъ что не только каждый отдѣльный дѣятель, но даже партійная печать не въ состояніи подробно разрабатывать всѣ вновь возникающіе вопросы тактики: печать не поспѣваетъ за жизнью. Неудивительно, поэтому, что въ „Искрѣ“ мы рѣдко встрѣчаемъ нѣсколько статей подрядъ по одному и тому же вопросу тактики. А, между тѣмъ, вѣдь ли нужно доказывать, что существуетъ много такихъ вопросовъ, къ которымъ слѣдуетъ подойти съ разныхъ сторонъ. О такихъ вопросахъ слѣдовало бы поговорить въ „Искрѣ“ болѣе подробно, освѣщая ихъ въ цѣломъ рядѣ статей съ разныхъ сторонъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ представляется вопросъ о фабричныхъ старостахъ. Если понять сокровенный смыслъ недавно изданнаго закона очень не трудно, то вопросъ о томъ, какъ использовать его, вовсе ужъ не такъ простъ. Немудрено, что два смежныхъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, комитета дали на него два противоположныхъ отвѣта: въ то время, какъ Николаевскій Комитетъ нашелъ болѣе удобнымъ рекомендовать рабочимъ выбирать подвадорныхъ товарищей въ старосты, Одесскій Комитетъ велъ широкую агитацію въ пользу отказа отъ выборовъ совѣмъ. А, между тѣмъ, несмотря на то, что со времени изданія закона прошло болѣе пяти мѣсяцевъ, въ „Искрѣ“ по поводу его появлялась за все время лишь одна статья („Эра реформъ“ въ № 46). Правда, у насъ есть уже резолюція II съѣзда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи о фабричныхъ старостахъ, но это не избавляетъ насъ отъ необходимости разработать вопросъ о томъ, какъ цѣлесообразнѣе реагировать на этотъ законъ.

Дѣло въ томъ, что какъ резолюція съѣзда, такъ и авторъ упомянутой статьи, рекомендуя сознательнымъ рабочимъ принимать участіе въ выборахъ фабричныхъ старостъ съ тѣмъ, чтобы использовать эти выборы въ цѣляхъ агитаціи, подходятъ къ этому вопросу съ одной и той же стороны. Какъ съѣздъ, такъ и авторъ статьи ставятъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: должны ли *сознательные* рабочіе отстраняться отъ выборовъ или нѣтъ? При такой постановкѣ вопроса на него нельзя дать никакого иного отвѣта, кромѣ того, который далъ съѣздъ и авторъ статьи. Въ самомъ дѣлѣ, число сознательныхъ рабочихъ въ сравненіи со всей массой рабочихъ даже такъ, гдѣ агитація ведется давно, очень незначительно, а въ такомъ случаѣ отказъ отъ участія въ выборахъ старостъ однихъ сознательныхъ не можетъ имѣть значенія для движенія; онъ можетъ имѣть только воспитательное значеніе для самихъ сознательныхъ рабочихъ: просто нравственно чистоплотно воздерживаться отъ участія въ выборахъ старостъ, обязанность которыхъ — исполнять функціи шпіоновъ. Не ссылаться на нравственную чистоплотность можно лишь въ томъ случаѣ, когда знаешь заранѣе, что твой вотъ не только никакого вліянія на исходъ борьбы не окажетъ, но даже остается незамѣченнымъ. Дѣло мѣняется, когда участіе въ выборахъ можетъ имѣть агитаціонное дѣйствіе; тогда это участіе возвышается и освящается тѣми цѣлями, которыя оно преслѣдуетъ, тогда участіе каждаго сознательнаго рабочаго дѣлаетъ обязательно. Но мнѣ кажется, что вопросъ слѣдуетъ ставить совсѣмъ въ иной формѣ: это должны мы совѣтовать *массѣ* относительно участія въ выборѣ фабричныхъ старостъ, какъ должна поступать *рабочая масса*, разумѣется, та масса, которая, не будучи сознательной, присушивается однако къ голосу своихъ сознательныхъ товарищей, читаетъ прокламаціи и интересуется ими, словомъ, та масса, которая является объектомъ нашего воздѣйствія и которой мы можемъ давать совѣты? При такой постановкѣ вопросъ сводится къ тому, не должны ли мы препятствовать самому проведенію въ жизнь закона о старостахъ, между тѣмъ какъ при первой постановкѣ предполагается, что *выборы все равно состоятся*, будутъ ли сознательные рабочіе принимать въ нихъ участіе или нѣтъ. При новой постановкѣ вопросъ переносится совсѣмъ въ другую область. Законъ о фабричныхъ старостахъ можетъ служить въ рукахъ соціалъ-демократіи или средствомъ для агитаціи противъ правительства или орудіемъ борьбы съ нимъ. Другими словами, этотъ законъ можетъ дать намъ хорошій матеріалъ для агитаціи, на его примѣрѣ мы можемъ показать рабочимъ, чего можно ожидать отъ русскаго правительства, чѣмъ могутъ быть при самодержавіи рабочіе союзы и представительства рабочихъ, насколько эти союзы и это представительство не соотвѣтствуютъ нашимъ требованіямъ. Но этотъ законъ можетъ дать намъ хорошій поводъ для протеста противъ правительства: отказываясь совершенно отъ выбора старостъ, рабочіе тѣмъ самымъ говорятъ всѣмъ и каждому, что они настолько понимаютъ свои интересы, что ихъ нельзя обмануть никакими подачками со стороны правительства, что они достойнымъ образомъ цѣнятъ завѣтныя правительства съ ними и съ отвращеніемъ отталкиваютъ этотъ законъ.

Какой изъ этихъ двухъ противоположныхъ тактикъ слѣдуетъ держаться? Съѣздъ рекомендуетъ первую, выставляя при этомъ два аргумента: во-первыхъ, на почвѣ выборовъ мы можемъ развить широкую агитацію и мы не должны упускать

„знаете, батенька — обратился онъ ко мнѣ — теперь только объ этомъ у насъ здѣсь и толкуютъ. Ну и времячко же мы переживемъ! Не успѣли еще отдохнуть отъ „нигилизма“ интеллигенціи 70 хъ годовъ, какъ на сцену выступилъ гораздо худшій видъ „нигилизма“ — рабочій. По моему правительство должно вмѣшаться въ экономическія отношенія предпринимателей и рабочихъ, принуждая первыхъ улучшать условія труда, потому что въ противномъ случаѣ стихійныхъ рабочихъ недовольствомъ могутъ воспользоваться разные агитаторы въ своихъ цѣляхъ. И это дѣло простого государственнаго разсчета. Нужно крамолу тушить въ самомъ началѣ, потому что она постепенно разольется по всей Руси и можетъ взбудоражить и деревню, а тогда и нашему сословію придется плохо. Вѣдь недовольства такъ много вездѣ накопилось. Вотъ въ Саратовѣ, напримѣръ, стачка, а уже пущены въ ходъ какія то прокламаціи, а это пахнетъ чортъ знаетъ чѣмъ“. Мой собесѣдникъ былъ очень крупный помѣщикъ и служилъ когда то предводителемъ дворянства, теперь же былъ земскимъ начальникомъ. Домъ его считался въ уѣздѣ очень интеллигентнымъ и служилъ центромъ, гдѣ собиралось почти все помѣстное дворянство. Здѣсь мнѣ приходилось встрѣчаться и съ предводителями дворянства, и съ акціанными чиновниками, и просто съ помѣщиками.

За мое почти пятилѣтнее отсутствіе изъ описываемой мѣстности, встрѣчи съ представителями „благороднаго сословія“ поразили той перемѣной, которая произошла въ рѣчахъ ихъ, взглядахъ, и настроеніяхъ. Прежде всего вмѣсто обычныхъ въ помѣщичьей гостинной разговоровъ о хозяйствѣ и, въ крайнемъ случаѣ, о внѣшней политикѣ, я впервые могъ наблюдать, что темой безконечныхъ разговоровъ служила „внутренняя политика“, вопросы о настроеніи русской деревни, о необходимости „ежевыхъ разъвицъ“ для мужика, посредствомъ укрѣпленія помѣстной власти, наконецъ, разговоры все чаще и чаще вращались на вопросѣ о смутахъ въ городѣ и о причинахъ ихъ, причемъ характерно отмѣтить, что ростъ строптивости въ деревнѣ косвенныхъ и прямыхъ образомъ связывался съ рабочими вліяніями въ городахъ.

Послѣднее обстоятельство, дѣйствительно, вскорѣ было доказано на фактахъ. Послѣ забастовки въ Саратовѣ было выслано нѣсколько рабочихъ на родину. Всѣ они нанялись на работы къ мѣстнымъ помѣщикамъ, и не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ начались въ этихъ экономіяхъ различныя „недоразумѣнія“ между помѣщиками и работниками. Такъ, по сосѣдству съ той экономіей, гдѣ я былъ на урокѣ, зимой, кажется въ декабрѣ, 300 рабочихъ графа Шереметьева, недовольные обращеніемъ съ ними и скверной пищей, отказались выйти на работы. Это такъ взволновало весь мѣстный помѣщичій міръ, что многіе помѣщики стали готовиться къ „бунтамъ“. Мой помѣщикъ потерялъ, буквально, сонъ и аппетитъ и все время бредилъ „бунтомъ“. „Вотъ, видите, говорилъ онъ мнѣ, я же вамъ говорилъ, что въ бунтахъ виноваты городскіе рабочіе, а не мужики. Не было рабочихъ, и было у насъ тихо и патріархально, а какъ только ихъ духомъ здѣсь запахло, бунтъ готовъ“. Кромѣ имѣнія Шереметьева въ зиму 1900-1901 г. почти на всѣхъ экономіяхъ нашего уѣзда происходили столкновенія рабочихъ съ помѣщиками. А въ деревняхъ крестьяне начали поговаривать о томъ, что на весну они „прогонятъ“ „съ вилами“ своихъ помѣщиковъ, и землю ихъ возьмутъ и раздѣлятъ между собою. Въ одномъ имѣніи, къ рабочему, высланному за стачку изъ Саратова и работавшему въ экономіи, „вагринули“ жандармы и увезли его въ Саратовъ, найдя у него нѣсколько брошюръ. Это еще больше испугало мѣстныхъ обывателей-помѣщиковъ, которые во всемъ видѣли „тревожные признаки“ времени.

Слухи о стачкахъ въ другихъ городахъ Россіи, шедшіе отчасти изъ легальныхъ газетъ, отчасти отъ студентовъ, сыновей мѣстныхъ землекладѣльцевъ, еще больше будоражили мысль помѣщика, не видѣвшаго ничего утѣшительнаго для своего спокойнаго и сытаго существованія въ ростущемъ недовольствѣ окружающаго его крестьянства. Не было, конечно, въ нашемъ уѣздѣ ни одного помѣщичьяго „дворянскаго гнѣзда“, гдѣ бы событія послѣднихъ дней не обсуждались съ той или иной стороны. Среди помѣщиковъ нашего уѣзда были люди и съ „либеральнымъ“ прошлымъ, но они подъ вліяніемъ слуховъ и толковъ старались лишь по общему помѣщичьему тенденціозно, пряча въ карманъ свои „идеи“. „Карманные интересы“ брали у нихъ верхъ надъ всѣмъ, и для защиты ихъ они часто въ разговорахъ требовали болѣе прочнаго порядка, тѣмъ тотъ, какой у насъ существуетъ. Они говорили о томъ, что необходимъ такой правовой строй, чтобы часть правъ была передана отъ бюрократіи имъ. Это были большею частью земцы, которые теперь, подъ вліяніемъ ростущаго рабочаго движенія, не одѣвали своихъ сословныхъ требованій въ мундиръ „народныхъ интересовъ“, а открыто заявляли, что „бунтовщиковъ“ они „успокоятъ“, какъ только получатъ въ свои руки власть. Что же касается другой части помѣщиковъ, съ которыми мнѣ пришлось здѣсь столкнуться, то они представляли собой реакціонную — въ духѣ „Гражданина“ — массу, видѣли отъ всѣхъ „золъ“ послѣдняго времени спасеніе только въ „розгѣ и кнутѣ“ и виняли даже правительство въ томъ, что оно якобы распустило „рабочихъ бунтовщиковъ“.

Мнѣ пришлось наблюдать здѣсь, какъ незамѣтно проникаетъ во всѣ поры дѣревенской жизни и какъ дѣйствуетъ на представителей самыхъ разнообразныхъ группъ деревенскаго населенія тотъ духъ рабочаго протеста, который въ многочисленныхъ стачкахъ и забастовкахъ разлился по большимъ городамъ. Крестьяне, съ которыми мнѣ пришлось сталкиваться въ описываемой мѣстности, вполнѣ сочувственно относились къ стачкамъ и даже, глядя на свое рабское житье, начали задумываться, какъ бы тоже начать добиваться лучшихъ условій труда и жизни. Многіе изъ нихъ побывали въ городахъ на заработкахъ, слыхали отъ рабочихъ, что существуютъ такія „книжки“, гдѣ „обо всемъ этомъ написано“, но не знали, гдѣ эти книжки можно достать. Чуялось въ воздухѣ тогда, что не за горами и то время, когда темный обитатель деревни разрѣшитъ свой вопросъ о мѣстѣ нахожденія книжки и вслѣдъ за рабочими пойдетъ добывать себѣ правъ.

А. Свѣтловъ.

удобнаго случая; во-вторыхъ, мы, какъ соціалъдемократы, *не* должны отказываться отъ участія въ политической жизни страны, когда участіе становится для насъ возможнымъ. Разберемъ оба аргумента. Законъ о старостахъ такъ прозраченъ, правительство, надавшее его, настолько-при этомъ оголилось, настолько раскрыло свои карты, что трудно не соблазниться мыслью использовать выборы въ цѣляхъ агитаціи. Никто не станетъ отрицать, что агитація на этой почвѣ будетъ имѣть большой успѣхъ. Но не слишкомъ ли дорогой цѣной будутъ куплены этотъ успѣхъ? Съѣздъ рекомендуетъ принимать въ старосты надежныхъ представителей рабочихъ. Не значитъ ли это прямо передать ихъ въ руки жандармерія? Съѣздъ приравниваетъ данный случай къ легализаціи рабочихъ союзовъ. То же дѣлаетъ авторъ статьи „Эра реформъ": „... мы посылаемъ на эти собранія сознательныхъ рабочихъ, которые учились сами и учили другихъ". Но еще никогда нигдѣ никто не рекомендовалъ сознательнымъ рабочимъ агитировать на этихъ собраніяхъ въ пользу выбора въ руководители „надежнаго" рабочаго, т. е. соціалъдемократа. Скажутъ, что такая агитація была бы безполезной, что жандармерія никогда не утвердила бы соціалъдемократа въ должности руководителя *ея* союза. Но вѣдь и на должность старосты сознательный рабочій никогда не попадетъ. Во-первыхъ, фабричная администрація имѣетъ слишкомъ много средствъ для того, чтобы провести своихъ людей; самое простое средство — это открытое или поименное голосованіе или даже голосованіе посредствомъ личнаго опроса рабочихъ (см., напр., кор. изъ Одессы въ № 54 „Искры"). Во-вторыхъ, если даже „надежный" рабочій будетъ выбранъ, то онъ никогда не будетъ утвержденъ. Примѣръ можетъ дать намъ Николаевъ, гдѣ изъ всѣхъ выбранныхъ старостъ были утверждены лишь тѣ, которые завоевали сердце фабричной администраціи. А если даже, вопреки двойной бдительности фабричной администраціи и полиціи, вопреки черными списками, въ старосты контрабанднымъ путемъ попадетъ сознательный рабочій или даже просто рабочій, радѣющій объ интересахъ своихъ товарищей, то послѣ перваго его проявленія, онъ будетъ *сжѣденъ* и замѣненъ другимъ. Проведеніе въ старосты надежнаго рабочаго будетъ имѣть только тотъ результатъ, что на его судьбѣ мы *сумѣемъ* иллюстрировать передъ рабочей массой весь предательскій смыслъ закона о старостахъ. Но такихъ иллюстрацій можно будетъ всегда найти въ достаточномъ количествѣ кругомъ, если даже мы не выдадимъ товарища своими руками въ руки жандармерія. Не слѣдуетъ преувеличивать своихъ силъ, не слѣдуетъ забывать, что, какъ бы широко ни развивалась наша агитація на выборахъ, будетъ не мало такихъ фабрикъ и заводовъ, которые окажутся внѣ сферы нашего вліянія, гдѣ, слѣдовательно, мы не въ состояніи будемъ оказывать какое-нибудь вліяніе на выборы. На такихъ фабрикахъ въ старосты попадутъ или ставленники фабричной администраціи — „агенты", — или средній безсознательный рабочій, и при первомъ столкновеніи интересовъ рабочихъ съ интересами фабриканта неминуемо произойдетъ конфликтъ или между старостой и рабочей массой, избравшей его, или между старостой и фабричной администраціей и полиціей, смотря потому, на чьей сторонѣ будетъ стоять староста. Въ томъ и въ другомъ случаѣ сокровенный смыслъ закона о старостахъ выйдетъ наружу, а роль правительства въ классовой борьбѣ станетъ вполнѣ ясной. Такихъ конфликтовъ между старостой съ одной стороны и одной изъ заинтересованныхъ сторонъ — съ другой, можно ожидать тѣмъ больше, что, по всей вѣроятности, фабричная администрація, отъ которой зависитъ, ввести ли старостъ или нѣтъ, предпочтетъ ихъ этому учрежденію лишь въ томъ случаѣ, когда между капиталистомъ и рабочими конфликтъ уже возникъ или ожидается со дня на день. Въ печать еще не проникли свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ примѣненъ былъ законъ о старостахъ, и у насъ въ этомъ отношеніи еще мало опыта, но мы имѣемъ одинъ случай, доказывающій только что сказанное. Въ Николаевѣ рабочимъ было предложено выбирать старость еще раньше, чѣмъ законъ былъ опубликованъ въ окончательной формѣ, когда рабочіе объявили стачку (см. кор. изъ Николаева „Искра" № 50). Повторяю, всегда можно будетъ найти достаточно мотивировокъ, чтобы вести самую широкую агитацію противъ фальсификаціи правительствомъ нашего требованія представительства рабочихъ. Съ другой стороны тамъ, гдѣ намъ удалось бы склонить рабочую массу къ массовому отказу отъ выбора старостъ, агитація на этой почвѣ противъ правительства вообще имѣла бы не меньшій успѣхъ, чѣмъ агитація на почвѣ выбора того или иного старосты. Болѣе того, то революціонное сознаніе, которое мы внесли бы въ головы рабочей массы, благодаря агитаціи на почвѣ отказа отъ выборовъ, было бы полнѣе, оставило бы болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ если агитація будетъ вестись на почвѣ выборовъ. Рабочая масса не только стала бы сознательной, но и доказала бы на дѣлѣ свою сознательность соотвѣтствующими поступками.

Но намъ недостаточно вести агитацію противъ мѣропріятій правительства, намъ нужно бороться съ ними. Мы, конечно, не можемъ отказаться отъ исполненія всѣхъ ненавистныхъ намъ законовъ и этимъ выразить свой протестъ противъ современнаго строя, показать, что мы не признаемъ ни существующаго способа изданія законовъ, ни самихъ законовъ, но мы это часто дѣлаемъ въ интересахъ рабочаго движенія; всякій революціонный актъ есть или нарушеніе закона или неисполненіе его. Законъ о фабричныхъ старостахъ принадлежитъ именно къ числу тѣхъ законовъ, которымъ мы обязаны дать сильнѣйшій отпоръ, отрицать его цѣликомъ посредствомъ *демонстративнаго массоваго отказа* отъ проведенія его въ жизнь, а этимъ мы скоро отучимъ наше правительство отъ изданія впредь подобныхъ законовъ. Этимъ мы подошли ко второму аргументу въ пользу участія въ выборахъ. Авторъ статьи „Эра реформъ" говоритъ, что „отстраниться отъ активнаго участія въ современной политической дѣятельности, какъ бы гнусна она ни была, тактика анархистовъ, а не соціалъдемократовъ". Но если мы признаемъ необходимость участія соціалъдемократіи въ политической жизни страны, то это еще не значитъ, что мы должны принимать участіе во всѣхъ актахъ современной политической дѣятельности. Когда студенты въ отвѣтъ на новый законъ о студенческихъ корпораціяхъ отказались отъ выбора старостъ и протестовали противъ закона въ формѣ игнорированія его, то они встрѣтили сочувствіе со стороны всѣхъ соціалъдемократовъ. Никто не предлагалъ студентамъ участвовать въ выборахъ въ цѣляхъ агитаціи, не предлагалъ потому, что рѣчь шла объ участіи не отдѣльныхъ студентовъ революціонеровъ, а всей студенческой массы. Неужели то, что здорово студентамъ — вредно рабочимъ? Резолюція съѣзда и авторъ статьи „Эра реформъ" ссылаются на легализацію союзовъ. Сошлемся на нихъ и мы. Легализація рабочихъ союзовъ есть тоже актъ современной политической дѣятельности, и однако мы не рекомендовали рабочей массѣ (замѣтьте: *рабочей массѣ*, а не сознательнымъ рабочимъ) вступать въ эти союзы; наоборотъ, мы предостерегали массу отъ этихъ союзовъ, стараясь уничтожить ихъ совѣтами; сознательныхъ рабочихъ мы посылаемъ на собранія этихъ союзовъ съ тѣмъ, чтобы эти рабочіе „учились и учили другихъ" — чего не слѣдуетъ дѣлать, т. е. чтобы отвлечь массу отъ этихъ союзовъ и такимъ образомъ положить конецъ заигрыванію правительства съ рабочими. Наша дѣятельность по отношенію къ зубатовщинѣ была двоякая: ту часть рабочей массы, которая находилась подъ нашимъ вліяніемъ, мы предостерегали отъ легальныхъ союзовъ; къ той части же, которая находилась внѣ нашего вліянія и, поддавшись вліянію „агентовъ", стала „независимой", мы ходили на ея собранія и разъясняли ей значеніе легальныхъ союзовъ. Не то же ли самое мы должны дѣлать въ нашемъ случаѣ? Препятствовать проведенію въ жизнь закона о старостахъ во всей Россіи мы, конечно, не можемъ, но во многихъ мѣстахъ мы это въ состояніи сдѣлать, и наша тактика должна, поэтому, быть различной въ различныхъ мѣстахъ сообразно условіямъ. Тамъ, гдѣ наше вліяніе на массу незначительно, гдѣ заранѣе извѣстно, что организовать массовой отказъ отъ выбора старостъ намъ не удастся, мы должны участвовать *имѣстѣ* съ массой въ выборахъ, чтобы показать ей всю негодность рабочаго представительства при самодержавіи, чтобы указывать ей, чего не *слѣдуетъ* дѣлать, т. е. не выбирать кандидатовъ, угодныхъ правительству и фабричной администраціи. Если эта агитація будетъ имѣть успѣхъ, то современемъ рабочіе сами откажутся отъ выборовъ, такъ какъ провести „надежнаго" человѣка имъ не удастся. Тамъ же, гдѣ мы пользуемся вліяніемъ на массу, мы должны предостерегать рабочихъ отъ участія въ выборахъ легальныхъ представителей, чтобы посредствомъ массоваго отказа выразить свой протестъ противъ закона. Это предостереженіе въ данномъ случаѣ еще болѣе уместно, чѣмъ въ случаѣ съ легальными союзами. Если въ послѣднемъ случаѣ правительство хотѣло развратить рабочихъ и выудить наиболѣе сознательныхъ, то въ случаѣ со старостами намѣреніе правительства идетъ дальше. Правительство хочетъ учредить, какъ мѣтко выразился авторъ статьи „Эра реформъ", фабричныхъ дворниковъ, чтобы ни одинъ рабочій не ускользнулъ отъ надзора. Для этого оно хочетъ раздѣлить рабочихъ на небольшія группы (въ Одессѣ, напр., рабочихъ раздѣлили на „разряды" по 12-15 человѣкъ въ каждомъ. См. упомянутую коррес.), поставить во главѣ каждой своего „надежнаго" человѣка, который будетъ слѣдить за поведеніемъ каждаго подчиненнаго. Такую слѣжку очень легко установить, такъ какъ каждый рабочій со всѣми своими требованіями къ фабричной администраціи, со всякимъ своимъ недовольствомъ долженъ будетъ обращаться къ старостѣ, благодаря чему старостѣ будетъ очень легко знать степень сознательности каждаго рабочаго. Вспомните, хотя бы циркуляръ харьковскаго губернатора, появившійся въ русской печати одновременно съ закономъ о старостахъ и предписывавшій всѣмъ владѣльцамъ и управляющимъ фабрикъ, всѣмъ мастерамъ и *аптекамъ старостамъ* слѣдить за тѣмъ, чтобы въ средѣ рабочихъ не проникли нелегальныя изданія и глетворныя ученія[1]). Должны ли мы рекомендовать рабочимъ принимать участіе въ выборахъ *шпіоновъ*? Нѣтъ, массовой демонстративный отказъ — не отъ участія въ такихъ выборахъ, которые во всякомъ случаѣ состоятся, а — отъ выбора старость — вотъ каковъ долженъ быть нашъ отвѣтъ на этотъ лицемѣрный законъ. Само собой разумѣется, что для того, чтобы такой отказъ имѣлъ силу и значеніе протеста, онъ долженъ быть массовымъ, охватить *всѣ* фабрики во многихъ городахъ. Можно ли надѣяться на это? Я утверждаю, что да. Я утверждаю, что, по крайней мѣрѣ, на югѣ Россіи, въ Одессѣ, Кіевѣ Екатеринославѣ, Николаевѣ, во многихъ городахъ Донецкаго бассейна и Кавказа можно будетъ организовать такой демонстративный отказъ. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ почти *вся* рабочая масса читаетъ нелегальныя изданія, прислушивается къ голосу агитаторовъ, гдѣ комитеты пользуются большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, въ этихъ мѣстахъ нетрудно будетъ доказать массѣ, что никакихъ выгодъ учрежденіе старостъ ей не дастъ, что весь законъ есть простой обманъ и имѣетъ цѣлью развратить рабочихъ и оттратить ихъ отъ революціоннаго движенія. А понявши это, масса съ отвращеніемъ отвернется отъ скверной и опасной игры въ рабочее представительства.

Повторяю, практически занимающій насъ вопросъ уже рѣшенъ съѣздомъ, а резолюцію съѣзда можетъ *отмѣнить* только другой съѣздъ. Но это обстоятельство не лишаетъ насъ права продолжать теоретическую разработку вопроса и приходить къ заключенію, противорѣчащему резолюціи съѣзда. Такая разработка не безполезна будетъ въ виду могущихъ *возникнуть* въ будущемъ аналогичныхъ тактическихъ вопросовъ. Н. В.

[1]) Харьковскій губернаторъ получилъ, должно быть, наставленіе, что не всегда слѣдуетъ раскрывать смыслъ закона, такъ какъ впослѣдствіи онъ особымъ постановленіемъ замѣнилъ этотъ § другимъ, въ которомъ слова „артельные старосты" выпущены.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„Духовная связь между арміей и обществомъ".

На разсмотрѣніи военнаго совѣта находится проектъ „положенія о продовольственныхъ комитетахъ". Дѣло идетъ, собственно, объ организаціи интендантскаго дѣла на широкихъ началахъ, о закупкѣ провіанта и фуража для арміи, „какъ въ мирное, такъ и военное время", а для военнаго времени не только о закупкѣ, но и *конфискаціи* („производство въ періодъ мобилизаціи и военныхъ дѣйствій *отчужденія* грузовъ, находящихся въ движеніи по желѣзнымъ дорогамъ и на складахъ въ различныхъ пунктахъ имперіи"); о всѣхъ связанныхъ съ продовольствіемъ арміи промышленныхъ, коммерческихъ и транспортныхъ предпріятіяхъ.

Въ наши дни, когда самодержавіе, что называется „плюнуть не можетъ" безъ содѣйствія „общества", естественно, что обычное дѣло организаціи „кухня", въ которой будутъ стряпаться „мировыя событія", ставится на началахъ „взаимодѣйствія правительства и общества". Организуемые по проекту областные и мѣстные комитеты продовольствія предполагается составить, наряду съ чиновниками отъ разныхъ вѣдомствъ, изъ представителей дворянства, земства, думъ и биржевыхъ комитетовъ. Газета „Русскій Листокъ" скачетъ и играетъ по этому поводу: „Поручивъ работу о довольствіи арміи мѣстнымъ комитетамъ, законодатель установитъ живую, духовную связь между арміей и обществомъ, что, конечно, не замедлитъ отозваться самымъ благотворнымъ образомъ на настроеніи различныхъ слоевъ нашего народа. Приблизившись къ арміи, наше общество узнаетъ ее, а, узнавъ, научится ее любить и цѣнить".

„Не иначе, какъ большой грабежъ, значится, пойдетъ по всей Рассеѣ-матушкѣ", скажетъ себѣ, читая эти строки, какой нибудь скептикъ-купецъ, хорошо знающій, какая „живая связь" издавна существовала между имущимъ „обществомъ" и казнокрадами интендантства. Мѣстные и областные комитеты, внѣ сомнѣнія, будутъ ареной грязныхъ дѣлишекъ по части изготовленія гнилыхъ сухарей, картонныхъ подошвъ и фальшивыхъ счетовъ — свалочнымъ мѣстомъ для всѣхъ вещественныхъ отбросовъ отечественной промышленности и для всѣхъ отбросовъ личнаго состава казенныхъ и общественныхъ учрежденій. Особенно „польза тельны" будутъ эти комитеты для благороднаго дворянства, которое не преминетъ воспользоваться своимъ „представительствомъ" въ оныхъ для ограниченія своихъ интересовъ при закупкѣ хлѣба. Само собой разумѣется, что отъ крестьянъ въ комитетахъ не предполагается никакихъ представителей). Не мало судятъ эти комитеты и выгодныхъ дѣлъ для россійской адвокатуры — вѣдь, каждая блестящая военная кампанія у насъ всегда оставляла слѣдъ въ видѣ такъ называемыхъ „интендантскихъ процессовъ". Однимъ словомъ, предстоитъ большое „перемѣщеніе народныхъ сбереженій". „Представители общества", нагрѣвающіе свои руки около народнаго бѣдствія—войны и страданій русскаго солдата, конечно, свяжутъ себя и свое „общество" съ дѣломъ войны и арміи" самой „живой" связью — связью посовѣстнѣе и попустительнѣе. На основѣ этой, очень матеріальной связи создается, разумѣется, и соотвѣтственная „духовная" связь, и „грозъ побѣды раздавайся!" будетъ пѣть эта реакціонная банда.

Кое что изъ подвиговъ екатеринославской полиціи. Сообщаемые ниже факты относятся къ настоящему и къ сосѣмъ еще недавнему прошлому и касаются, главнымъ образомъ, поведенія полиціи *въ мирное* время по отношенію къ *мирному* обывателю. Читатель уже самъ сообразитъ, что творится „на войнѣ"!

Во время маленькой едва замѣтной демонстраціи пятаго мая 1902 года полицій мейстеръ Мышенкій, разъѣзжая по улицѣ въ колескѣ, неистово кричалъ: „долой жидовъ"! Изъ толпы выхватили 11 евреевъ и одного русскаго. Все это были подростки. Ихъ привели въ полицію и раздѣлили на двѣ части, отдѣливъ въ то же время „козлищъ" отъ „овецъ". Къ послѣднимъ черезъ нѣсколько часовъ явился полицій мейстеръ и, стараясь быть съ нимъ, какъ можно вѣжливѣе, сказалъ имъ буквально слѣдующее: „Видите, господа, мы васъ совершенно не знаемъ. Вы, можетъ быть, случайно оказались въ толпѣ, а, можетъ быть, даже и въ толпѣ не были, а просто въ это время проходили по улицѣ. Держать васъ въ тюрьмѣ было бы жестоко, поэтому, мы васъ выслѣчемъ и отпустимъ домой". Ихъ тотчасъ же вывели во дворъ и въ присутствіи губернатора, полицій мейстера, пристава третьей части и городового врача Яворскаго высѣкли. Остальные шесть человѣкъ, относительно которыхъ полиція предполагала, что они принимали активное участіе въ демонстраціи, были переданы суду сословныхъ представителей.

Черезъ короткое время послѣ разсказаннаго нами случая въ Екатеринославѣ произошло нѣсколько стачекъ въ мелкихъ мастерскихъ. Хозяева обратились съ жалобой къ полиціи. Стачечниковъ вызвали въ третью часть и тамъ ихъ избили, послѣ этого туда же пригласили хозяевъ и также избили, — и этимъ дѣло было покончено.

Приблизительно въ это же время изъ Екатеринославской тюрьмы были освобожденъ, подъ особый надзоръ полиціи, политическій, рабочій. Полицій мейстеръ велѣлъ ему явиться на другой день за полученіемъ проходного свидѣтельства. Рабочій почему-то во время не явился. Тогда зовутъ въ участокъ „на нѣсколько минутъ" его мать и тамъ ее арестовываютъ. На вторыя сутки послѣ этого въ этотъ же участокъ является сынъ. Не успѣвъ онъ произнести свою фамилію, какъ помощникъ пристава, со всего размаху, начинаетъ его бить кулакомъ по лицу. Ошеломленный рабочій хочетъ бѣжать, но тутъ на него набрасываются городовые, и удары сыплются со всѣхъ сторонъ. Онъ бросается къ окну и начинаетъ кричать о помощи. На Александровской улицѣ, и безъ того многолюдной, передъ зданіемъ участка собирается огромная толпа. Полиція, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Она вытаскиваетъ свою жертву на дворъ и бьетъ ее безпощадно. Старуха мать за рѣшеткой кордегардіи видитъ, какъ истязаютъ ея сына; отецъ и братъ, бывшіе въ это время въ толпѣ (участокъ находится рядомъ съ ихъ квартирой), машинально бросаются къ нему на помощь, но ихъ избиваютъ; сестренка, видя своего брата окровавленнымъ, въ отчаяніи бросается за докторомъ. Врачъ является въ участокъ; полиція его пропускаетъ; онъ подаетъ избитому первую медицинскую помощь и удаляется. Затѣмъ городовые выносятъ на рукахъ рабочаго на улицу. Лицо его мертвенно-блѣдно, голова безпомощно склонилась на бокъ; на бѣлой ситцевой косоворотнѣ — огромное пятно крови. Его кладутъ на извозчика и отправляютъ въ тюрьму, откуда чрезъ нѣсколько дней уже по этапу отправляютъ его на „родину". Мать послѣ этого освобождаютъ. Всѣ жалобы прокурору и т. д. остаются, разумѣется, безъ послѣдствій.

Нахожденіе участка на Александровской улицѣ, куда онъ недавно былъ перенесенъ, вызываетъ въ жителяхъ одновременно трепетъ и негодованіе; его сосѣдство распространяетъ паническій ужасъ. Въ толпѣ, присутствовавшей при избіеніи рабочаго, разсказываютъ, что наканунѣ въ этомъ же участкѣ избили или даже убили какого то студента. Не хочется вѣрить. Думаешь, что это не болѣе, какъ обывательскія сплетни, плодъ напуганнаго воображенія. Но оказывается, что нѣчто подобное, дѣйствительно, было. На углу Казанской и Казачьей стоялъ на посту городовой. Онъ былъ пьянъ и ругательски ругалъ прохожихъ, а нѣкоторыхъ и поколачивалъ. Проходившій въ это время мимо него студентъ потребовалъ отъ городового предъявленія бляхи, чтобы знать ея номеръ для принесенія жалобы. Въ отвѣтъ на это городовой, сорвавъ съ своей головы фуражку, ткнулъ ее козырькомъ въ глазъ студенту. — „Вотъ тебѣ номеръ!". — Студентъ раскричался и сталъ требовать, чтобы городовой пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ полицію. Тогда городовой далъ свисткомъ, прибѣжали двое ночныхъ сторожей (дѣло было вечеромъ), схватили студента за шиворотъ и потащили его въ участокъ, награждая его по дорогѣ тумаками въ спину. Видѣвшій всю эту сцену рабочій потребовалъ отъ городового, чтобы онъ студента не билъ; вѣдь онъ самъ-де проситъ, чтобы съ нимъ пошли въ участокъ. „Ахъ, ты жидъ! За своихъ заступаешься!" и при этихъ словахъ городовой ударяетъ рабочаго со всего размаху шашкой по головѣ. Образовалась значительная рана; кровь хлынула ручьемъ. Растерявшійся отъ боли рабочій бросается искать доктора, но не можетъ его найти, тогда онъ догоняетъ городового и всѣ вмѣстѣ идутъ въ полицію. Туда, кромѣ нихъ, больше никого не впускаютъ. У рабочаго лицо и весь костюмъ въ крови. Послѣ настоятельныхъ требованій ему подаютъ воды для мытья. Дежурный околоточный его узнаетъ; рабочій оказывается политическимъ подназорнымъ. „Ага! изъ компаніи: долой самодержавіе!" слѣдуетъ по его адресу возгласъ околоточнаго. — „Вы что съ жидами якшаетесь?" (студентъ былъ еврей, рабочій — русскій). „Вы думаете, что вы въ сомомъ дѣлѣ что нибудь выиграете... Министромъ васъ сдѣлаютъ?" — продолжаетъ оратористовать околоточный. „Если даже будетъ перемѣна, то жиды все въ свои руки заберутъ, а намъ съ вами кукишъ покажутъ!". У рабочаго, между тѣмъ, изъ раны опять начинаетъ сочиться кровь. „Дайте доктора", проситъ онъ. Тогда двое городовыхъ съ обнаженными шашками, по приказу околоточнаго, отводятъ его въ больницу. Фельдшеръ дѣлаетъ ему перевязку и затѣмъ въ томъ же порядкѣ городовые съ обнаженными шашками приводятъ его обратно въ участокъ, гдѣ ему велятъ идти домой. Студента, между тѣмъ, обыскиваютъ. У него въ карманѣ находятъ шесть копѣекъ, — ничего больше. — „Кто такой?" — спрашиваетъ околоточный. — „Сынъ купца первой гильдіи". — „Чѣмъ отецъ занимается?" — „Банкиръ". — Наступаетъ молчаніе. Вдругъ околоточный невѣстово срываетъ съ мѣста: „Ты, прохвостъ, сынъ банкира, а въ карманѣ у тебя только шесть копѣекъ!... Арестовать его!" Студентъ арестованъ и помѣщенъ въ одну камеру вмѣстѣ съ какими то двумя уголовными. Черезъ нѣсколько минутъ его зачѣмъ то вызываютъ въ корридоръ. Тутъ его хватаютъ человѣкъ пять-шесть городовыхъ, бросаютъ на полъ и начинаютъ топтать его ногами, бить ножнами отъ шашекъ, кулаками; бьютъ по всему тѣлу, безъ разбора. Затѣмъ его вталкиваютъ въ камеру. Спустя полчаса, туда опять являются городовые, стаскиваютъ его съ нары, выводятъ въ корридоръ и опять повторяется та же сцена; бьютъ смертнымъ боемъ. Еле живого его послѣ этого бросаютъ на нары. Спустя опять полчаса, открывается дверь. На порогѣ появляются околоточный и письмоводитель. Они начинаютъ издѣваться надъ арестованнымъ, потомъ за шиворотъ вытаскиваютъ его изъ камеры, по дорогѣ даютъ ему нѣсколько тумаковъ, подводятъ его къ крану и здѣсь заставляютъ его умыть лицо. Кто-то изъ знакомыхъ почти черезъ сутки узнаетъ объ его арестѣ: жалуется помощнику полиціймейстера и послѣ энергичныхъ требованій со стороны послѣдняго приставъ рѣшается освободить арестованнаго. При освобожденіи составляется протоколъ, гдѣ приставъ, между прочимъ, пишетъ, что студентъ такой-то задержанъ потому, что онъ Г., а также и рабочій (имя рекъ) намѣревались на Казанской улицѣ драться между собой на дуэли. Для привлеченія требуется имѣть хоть какой нибудь „законный" поводъ къ задержанію; за полнымъ отсутствіемъ такового, приставъ придумываетъ явную нелѣпость. Студентъ и рабочій подаютъ, каждый въ отдѣльности, жалобы прокурору, гдѣ всякими доводами отъ разума и отъ писанія доказываютъ, что чины полиціи совершили по отношенію къ нимъ цѣлый рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ цѣлымъ рядомъ статей Улож. о Наказ. К) проценіямъ прилагаются медицинскія свидѣтельства; ссылаются и на свидѣтелей. Дѣло происходитъ въ іюлѣ 1902 года. Въ январѣ 1903 года студентъ, будучи уже въ Кіевѣ, получаетъ повѣстку, гдѣ его вызываютъ въ Екатеринославъ въ камеру городского судьи, въ качествѣ обвиняемаго по тремъ статьямъ Устава: въ нарушеніи общественной тишины, въ нанесеніи побоевъ городовому и еще въ чемъ-то. Таковъ финалъ всей этой исторіи.

Осенью того же года въ канцеляріи все той же третьей части разыгралась другая исторія. Одинъ изъ лицъ подназорныхъ, служащій въ желѣзнодорожномъ управленіи, человѣкъ уже солиднаго возраста, былъ почему-то вызванъ въ участокъ. Онъ

немедленно туда отправляется. Не застанъ пристава и не зная, кчѣмъ его зовутъ, онъ передаетъ дежурному околоточному, что онъ отсюда пойдетъ въ театръ и что тамъ его можно застать. Околоточный ничего не возражаетъ. На другой день чуть свѣтъ, его требуютъ къ приставу. Какъ только онъ вошелъ, приставъ срывается съ мѣста: „Ты, сволочь, заставляешь меня двадцать разъ тебя звать! Гдѣ ты, скотина, мерзавецъ, шляешься? Я тебѣ всю морду побью! Дай, болванъ, подписку, что будешь ежедневно являться въ участокъ.“ Огушенный и ошеломленный такимъ неожиданнымъ пріемомъ, служащій стремглавъ выбѣгаетъ на улицу, бѣжитъ, куда глаза глядятъ, наконецъ попадаетъ въ вице-губернатору и разсказываетъ все дѣло. Вице-губернаторъ пожимаетъ плечами. „Согласитесь“, говоритъ онъ ему: „вы подвадорный и ищете у насъ защиты“... „Но я, вѣдь, не объ-явленъ внѣ закона“, пробуетъ ему тотъ возразить. „Но вѣдь вы подвадорный. Поймите это“, опять отвѣчаетъ вице-губернаторъ и совѣтуетъ ему перемѣнить квартиру — перейхать въ районъ другого участка. Подвадорный поступаетъ, согласно этому совѣту.

Лѣтомъ 1903 года какой то господинъ, гуляя въ городскомъ саду и заговорившись съ своимъ пріятелемъ, забылъ снять фуражку, когда оркестръ игралъ „Боже царя храни“. Приставъ ему это замѣтилъ, и тотъ немедленно снялъ шапку. На другой день господина требуютъ къ полицеймейстеру. Наградивъ пришедшаго отборной руганью, полицеймейстеръ объявляетъ ему, чтобы втеченіи семи сутокъ онъ оставилъ Екатеринославъ. И дѣйствительно, черезъ недѣлю приставъ отъ имени полицеймейстера напоминаетъ „провинившемуся“, что данный ему срокъ уже истекъ и чтобы онъ немедленно выѣхалъ. — Ангелемъ хранителемъ является жандармскій полковникъ, который въ поступкѣ полицеймейстера усматриваетъ вторженіе въ чужое вѣдомство, и господинъ остается жить въ Екатеринославѣ.

Наконецъ, еще совсѣмъ недавно, въ среднихъ числахъ августа имѣла мѣсто слѣдующая исторія. — Одинъ сіонистъ купилъ себѣ домъ. По этому случаю онъ пригласилъ вечеромъ гостей, человѣкъ 15-20. Только что гости расположились пить чай, какъ въ комнату ворвалось нѣсколько десятковъ полицейскихъ, какъ оказался, съ приставомъ во главѣ. Самоваръ, скатерть, стаканы летятъ на полъ. Гостей вмѣстѣ съ хозяевами и со всей ихъ семьей выгоняютъ на улицу, и тутъ начинается страшное избіеніе. Воздухъ оглашается воплями, плачемъ и стонами избиваемыхъ. Ихъ загоняютъ въ участокъ, и здѣсь ужъ полиція начинаетъ дѣйствовать во всю. Арестованныхъ гонятъ изъ одной комнаты въ другую и хлещутъ нагайками. На улицѣ всѣ двери и окна моментально закрываются; каждый спѣшитъ укрыться въ комнату; женщины падаютъ въ обморокъ; идущіе домой, боясь проходить мимо участка, стоятъ въ нерѣшительности или возвращаются обратно. Сіонистовъ, наконецъ, подъ сильнымъ конвоемъ отправляютъ въ тюрьму. Черезъ нѣсколько дней часть освобождаютъ, а многородныхъ полиція рѣшаетъ отправить на „родину“, которой большая часть изъ нихъ никогда и въ глаза не видала. Послѣ долгихъ просьбъ, мольбы и унженій со стороны родныхъ и знакомыхъ это рѣшеніе отмѣняется. Освобожденныхъ изъ тюрьмы приводятъ къ полицеймейстеру. Одному изъ нихъ — молодому человѣку лѣтъ 20 — въ присутствіи его родителей, полицеймейстеръ, отечески-ласково похлопывая его по плечу, говоритъ: „А тебя, голубчикъ, слѣдуетъ высѣчь“... и тутъ же городовой вноситъ въ комнату пучекъ розгъ. „Ложись! ну ложись! ложись же!“ командуетъ полицеймейстеръ. „За что же вы меня, ваше высокоблагородіе, хотите сѣчь?“, спрашиваетъ сіонистъ. „Для твоей же пользы, дуракъ!“ отвѣчаетъ полицеймейстеръ. „Твои родители пользуются почетомъ въ еврейскомъ обществѣ, а ты изъ позоришь; по тюрьмамъ валяешься“. Молодой человѣкъ, однако, отказывается исполнить требованіе полицеймейстера. Но послѣдній настаиваетъ на своемъ и не унимается до тѣхъ поръ, покуда, по его настоянію, отецъ не даетъ сыну нѣсколько ударовъ розгами по спинѣ.

Послѣ всего этого можно себѣ представить, до какихъ чудовищныхъ и нелѣпыхъ жестокостей доходила полиція во время всеобщей забастовки. Очень характерно распространившійся по городу слухъ, будто полиція, застигнувъ на Чечелевкѣ рабочихъ, возвращавшихся съ собранія, загнала ихъ при помощи казаковъ въ какой то строющійся домъ и тамъ ихъ сбрасывали съ оконъ второго этажа на мостовую. Этого на самомъ дѣлѣ не было, но рабочихъ. дѣйствительно, загнали въ подвалъ строившагося дома и тамъ ихъ продержали, кажется, двое сутокъ, послѣ чего ихъ распредѣлили по тюрьмамъ и участкамъ. Но предварительно къ нимъ въ подвалъ явился полицеймейстеръ. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ закричалъ онъ, и городовые и казаки стали хлестать нагайками. Когда послѣ выстрѣловъ умиравшіе, сгорая отъ жажды, въ предсмертныхъ мукахъ просили дать имъ напиться, полиція въ отвѣтъ на это надъ ними только подтрунивала. „Собакѣ собачья смерть!“, отвѣчали имъ околоточные. Тогда женщины, ставъ на колѣни, начали умолять полицію, чтобы имъ позволили дать глотокъ воды умиравшимъ, но женщинъ избили нагайками и прогнали.

Въ арестантскихъ ротахъ на стаченчиковъ, за смотрѣніе въ окно, надѣли смирительныя рубахи и въ такомъ положеніи продержали ихъ шесть часовъ сряду. Кричавшимъ закрывали ротъ мокрой тряпкой. Когда наказанные, отъ боли и отъ душившей ихъ злобы и ярости, стали биться головой о полъ, то имъ веревками привязывали голову къ нарамъ...

Этимъ мы покуда ограничимся. Сообщенные факты представляютъ собою только нѣсколько капель въ цѣломъ морѣ произвола, свирѣпости, наглости и жестокости царскихъ слугъ.

Ярославль. Въ декабрѣ за Котраслью взята типографія Сѣвернаго Комитета, при ней четыре человѣка. Захвачено три тысячи экземпляровъ отпечатаннаго № 3 „Листка“. У хозяина дома — смотрителя кадетскаго корпуса — былъ обыскъ. По другимъ версіямъ онъ былъ арестованъ. Типографія просуществовала ½ года. По городу много разговоровъ объ этой пойдѣ жандармовъ, доставившей имъ совершенно случайно. Говорятъ, что взята она по доносу, или даже простой болтовнѣ обывателей, обратившихъ вниманіе на обитателей со странными образомъ жизни. Говорятъ чуть ли не о попыткѣ вооруженаго сопротивленія, о роскошныхъ машинахъ, о 30 пудахъ шрифта и пр. Правда здѣсь развѣ только послѣднее. За послѣдніе мѣсяцы Сѣвернымъ Комитетомъ отпечатано было въ своей типографіи и распространено болѣе 12 тысячъ экземпляровъ слѣдующихъ произведеній: 1) программа для собиранія свѣдѣній о бытѣ рабочихъ; 2) листокъ къ рабочимъ о южныхъ событіяхъ; 3) „Первый шагъ“, тоже къ сѣвернымъ рабочимъ о южныхъ стачкахъ. 4 и 5) листки бюллетеней № 1 и 2: сообщенія изъ района, письма съ фабрикъ и заводовъ (пользовались среди рабочихъ громадными успѣхомъ). 6) „Къ учащимся“ (о демонстраціи по поводу самоубійства гимназиста въ Петербургѣ). Въ учебныхъ заведеніяхъ Ярославля по поводу послѣдняго листка (распространеннаго въ большомъ количествѣ въ Москвѣ, гдѣ имѣли мѣсто событія, аналогичныя съ Петер*бургскимъ) начальство говорило рѣчи, вывѣшивало объявленія. Кромѣ того, въ разное время по району распространялись листки къ рабочимъ и о государственномъ устройствѣ (изданіе быв. рев. соц-демократической организаціи „Воля“). За послѣднее время по району распространены въ большомъ количествѣ извѣщенія Ц. К. о съѣздѣ; рѣчь Гольдмана, брошюра Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ“. Послѣ ареста типографіи Сѣв. Комитетомъ выпущено воззваніе „Ко всѣмъ“. Жандармы свирѣствуютъ во всю, понаѣхали изъ Питера и Москвы, появились какіе то новые шпики, должно быть изъ разряда кочующихъ, спеціально для ловли нелегальныхъ. Безъ обыска или ареста не обходится ни одна недѣля. Въ концѣ ноября въ Иваново-Вознесенскѣ было арестовано отъ 12 до 18 чел .рабочихъ, большая часть вскорѣ выпущена.

Баку. Броженіе въ средѣ армянскихъ націоналистовъ, вызванное послѣдними мѣрами правительства, толкаетъ ихъ все дальше вправо. И уже писалъ намъ объ этомъ. „Центральный Комитетъ Національной Самообороны“, боявшійся раньше даже призыва „долой самодержавіе“, въ послѣднемъ листкѣ объявляетъ непримиримую борьбу съ самодержавіемъ и требуетъ уже не „народнаго самоуправленія“, а Россійской Демократической Федеративной Республики. О соціализмѣ въ его листкахъ — ни слова, за то прямо поражаетъ отсутствіе какого бы то ни было національнаго шовинизма. „Отколовшіеся Дрошакисты“ еще дальше шагнули вправо. Можно было думать, что по прикосновенности своей преимущественно къ слоямъ буржуазно-демократической интеллигенціи и по слабому знакомству своему съ идеями научнаго соціализма они, нуждаясь въ поддержкѣ армянскихъ рабочихъ массъ и толкаемые исторической необходимостью въ лагерь россійской революціи, заключатъ свободный „федеративный союзъ“ съ партіей соц-революціонеровъ. Но, видно, невысокъ престижъ этой партіи у всѣхъ неослѣпленныхъ людей. Армянскіе революціонеры сочли ее, повидимому, слишкомъ слабой политической величиной, чтобы входить съ ней въ какую бы то ни было партійную связь. *Они предпочли организоваться въ особую Армянскую Соц.-Дем. Партію и предложили Бакинскому Комитету и Кавказскому Союзу перестроить связь съ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіей на федеративныхъ началахъ.* Они встрѣтили рѣшительный отпоръ и организуются теперь совершенно самостоятельно. На днихъ они выпустили свой „манифестъ“. Основной ихъ принципъ, повидимому, тотъ, что „армянскій рабочій прежде всего армянинъ и затѣмъ уже — рабочій“. Въ средѣ армянскихъ рабочихъ, находящихся подъ вліяніемъ Бак. Комитета Росс. Соц.-Демократической Раб. Партіи, они встрѣчаютъ очень недружелюбный пріемъ, хотя къ нимъ и перебѣжала изъ комитета цара сомнительныхъ соціалъ-демократовъ. Мы надѣемся, что они найдутъ успѣхъ только среди армянской интеллигенціи и развѣ еще среди части армянскихъ рабочихъ — бывшихъ націоналистовъ. Громадной помѣхой соц.-демократическому движенію среди армянъ служитъ почти полное отсутствіе армянской соц.-демократической интеллигенціи. Надо было бы обратить вниманіе на заграничную армянскую молодежь.

Русскіе соц.-рев. пытаются дѣйствовать здѣсь, и выпустили уже (за подписью „Группы Соц.-рев.“) три листка, неважные по содержанію и скверные по техникѣ (мимеогр.). Пока они не имѣютъ сколько-нибудь замѣтнаго успѣха, хотя распространяютъ довольно много брошюрной литературы.

Изъ за рѣшетки. Изъ Луганской тюрьмы мы получили слѣдующее письмо: Товарищи! Пишемъ вамъ маленькое и коротенькое письмо. Простите, пишемъ наскоро, потому, что тюрьма наполнена солдатами и полиціей. Душевное напряженіе страшное и никогда еще гнетъ тюремной жизни не ложился съ такою тяжестью и не давилъ такъ, какъ теперь. Не далѣе, какъ вчера, стѣны наши наполнялись ужасами убійства: запахъ крови, стоны и проклятія — все это еще такъ живо встаетъ въ воображеніи. Волненіе еще не улеглось; оно еще бурлитъ и наполняетъ душу, и какое волненіе! Глубокое, глухое, сокрытое, какъ отдаленный шумъ моря! Въ немъ все: и сила страсти, и безсиліе воли; въ немъ жажда мести и сознаніе глубокой порганности и униженія... Страшно!... Знавали-ли вы такіе моменты? Если нѣтъ, то тѣмъ лучше для васъ; если да, то тѣмъ скорѣе, вы поймете то душевное состояніе, которое мы переживаемъ. Никогда еще ненавистное царское правительство не было такъ кровожадно, какъ въ нынѣшнемъ году. Начиная съ Баку и Златоуста и кончая Кишиневомъ, Гомелемъ и Екатеринославомъ, — повсюду, гдѣ только народъ подымался на защиту своихъ правъ, оно устраивало кровавыя бойни. Ни ужасъ убійства, ни потокъ крови, ни тысячи замученныхъ жертвъ — ничто не шевелитъ уснувшей совѣсти тирановъ; но пусть она дремлетъ, а мы будемъ готовить злодѣямъ справедливое мщеніе... И наша тюрьма была обагрена кровью. Четвертаго ноября арестантовъ приказано было забивать на „забой“. Однако ни мы, ни уголовные не хотѣли подчиниться произволу новаго начальника. Но жестокій холодъ самодержавія былъ неумолимъ. Въ толпу безоружныхъ и беззащитныхъ арестантовъ приказано было стрѣлять. Всего было дано около 20 выстрѣловъ. Убитъ одинъ уголовный, Эрастъ Позняковъ, тремя пулями навылетъ. Убійца, начальникъ тюрьмы приставъ Сошальской продолжаетъ неистовствовать. Арестантовъ разогнали по одиночкамъ и забили на забой. У насъ отняли общія прогулки, общія столовыя и житье по-двое. Но земля все же вертится, и да будетъ проклято самодержавіе! А пока прощайте. Всѣмъ вамъ нашъ горячій привѣтъ. Будьте бодры и, какъ мы, свято вѣрьте, что борьба за жизнь и за лучшее будущее, хотя послѣ тяжелыхъ потерь и безчисленныхъ жертвъ, но все же увѣнчается побѣдой! Пусть эти жертвы не страшатъ васъ, если-бы даже и вамъ пришлось лечь въ ряду другихъ борцовъ! Умирать за то, что признаешь святымъ и во что вѣришь, такъ хорошо и прекрасно! Но, повторяемъ, будьте бодры и свято вѣрьте въ жизнь и ея обновленіе. Свобода! дивная, прекрасная, полная радости и святого счастья, съ лучезарной улыбкой любви и братства, она уже шествуетъ, и мы чувствуемъ ея приближеніе... Одна мысль о ней, одна возможность ея наполняетъ наши души огнемъ воодушевленія, сердца — мужествомъ и отвагой. Черпайте же въ грядущемъ вашу вѣру и силу и знайте, что, каково бы оно ни было, но оно — наше, оно будетъ принадлежать намъ! Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія!

Ваши товарищи. (Слѣдуютъ подписи.)

Митава. Еще не утихли разговоры по поводу обыска у акушерки Калнынь(28 сент.), какъ появившіяся въ большомъ количествѣ печатныя прокламаціи „Къ новобранцамъ“ дали поводъ для новыхъ разговоровъ нашимъ мирнымъ бюргерамъ. Прокламаціи были распространены Группой латышскихъ соціалъдемократовъ въ Курляндіи и читались втеченіе первыхъ дней призыва открыто въ помѣщеніяхъ уѣзднаго воинскаго начальника и на улицахъ въ присутствіи полицейскихъ. Только когда нѣсколько экземпляровъ попались въ руки жандармеріи, былъ данъ приказъ городовымъ отбирать листки. Сначала многіе не повиновались, указывая на то, что на листкахъ имѣется надпись „дозволено цензурою“. Въ Митавѣ было распространено 1000 штукъ, въ Гольдингенѣ 100, въ Виндавѣ 100, въ Туккумѣ 50 и столько же въ городахъ Баускѣ, Фраузбургѣ и Якобштадтѣ. Въ это время арестовали нѣсколько мѣстныхъ рабочихъ, которые были однако скоро выпущены. У одного жандарма разорвали шинель и разломили шашку, другого бросили въ рѣку. Теперь ходятъ вечеромъ по улицамъ патрули и обыскиваютъ каждаго встрѣчнаго. Такъ 23 окт. обыскали на улицѣ реалиста Дибра и реалиста Бисѣнѣка. Снова арестованы рабочій Аудрупъ съ отцомъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ были распространены прокламаціи мѣстной латышской соціалъдемократической группы въ шоколадной фабрикѣ Ланговскаго и К. и въ льнянорѣзильныхъ Вестермана. Арестованные въ концѣ сентября Э. Калнынь, Менцендорфъ съ братомъ и иностранецъ Л. переведены въ Рижскую тюрьму. Сюда привезено изъ Фридрихштата нѣсколько евреевъ.

Харьковъ. Въ то время, какъ вездѣ въ Россіи за послѣдніе мѣсяцы рабочее движеніе дало себя знать яркими вспышками, въ Харьковѣ вотъ уже два года, повидимому, все спокойно и администрація можетъ только радоваться и самодовольно потирать руки отъ такого благопріятнаго для нея положенія вещей. Дѣйствительно, въ Харьковѣ теперь какое-то злов*ѣщее затишье, и не только среди рабочихъ; это затишье замѣтно и среди другихъ слоевъ общества и среди студенчества. Мы склонны думать, что это затишье передъ бурей, и что при первомъ удобномъ случаѣ харьковскіе рабочіе покажутъ свою силу. Пока что, правительство, и Харьковская администрація въ частности, не дремлетъ и старается всячески не только искоренить крамолу изъ города, но и насадить и укрѣпить въ немъ твердые устои самодержавія, православія и народности. Въ своей борьбѣ съ надвигающейся революціей и пробужденіемъ пролетаріата правительство не щадитъ ни средствъ, ни силъ и мобилизуетъ все, что только можно мобилизовать. Посредствомъ своихъ агентовъ, проникшихъ зубательскую школу, оно уже вносило довольно смятенную деморализацію въ среду рабочихъ. Вѣрное своей политикѣ возбужденія національной вражды, оно всячески старается возбудить національную рознь въ средѣ интеллигенціи, что въ нѣкоторой мѣрѣ ему и удается. Отсюда достаточно наивныя попытки основать „Лигу истинно русскихъ студентовъ“, „Русское собраніе“ и пр. О дѣятельности этихъ „патріотическихъ“ учрежденій уже говорилось на столбцахъ „Искры“, и потому мы можемъ ограничиться лишь упоминаніемъ о появленіи подъ „истинно-русскихъ студентовъ“. Когда были опубликованы ихъ фамиліи, какъ членовъ „Русскаго собранія“ (что, между прочимъ, тѣмъ болѣе естественно, что въ ихъ „Ю. К.“ все равно напечатанъ списокъ членовъ „Собранія“), господа эти выпустили листокъ съ угрозой опубликовать фамиліи студентовъ, извѣстныхъ имъ въ качествѣ соціалъдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Оно не удивительно: для полноты, истинно русской“ фасіономіи необходимо къ славной тріадѣ самодержавія, православія и народности присоединить и шаушничество!

Изъ Харькова же сообщаютъ намъ о сильномъ недостаткѣ въ литературѣ.

Харьковская душа подъ натискомъ реакціонной печати. „Искра“ уже указывала на новую фазу въ развитіи нашей правительственной реакціи — на усложненіе системы полицейской репрессіи систематическимъ воздѣйствіемъ печатнаго слова, отдаваемаго на „потокъ и разграбленіе“ Крушеванамъ и Грингмутамъ. Эта новая „струя“ политики Плеве привела къ интереснымъ дебатамъ въ засѣданіи Харьковской городской думы 12 декабря.

Читатель слышалъ, вѣроятно, о судьбѣ „Харьк. губ. Вѣдомостей“, нѣкогда бывшихъ единственной чистоплотной и либеральной (очень умѣренно-либеральной) газеты, которую терпѣло правительство въ городѣ, гдѣ монополія печатнаго слова давно уже была предоставлена „Южному Краю“ Юзефовича. („Когда въ Харьковѣ „бунтъ“, ужъ завсегда полагается бить стекла у Юзефовича“, отвѣтитъ вамъ сѣрый харьковскій обыватель на вопросъ о роли этого тайнаго совѣтника въ жизни города). Блѣдная, но чистоплотная газетка не давала спать мѣстнымъ темнымъ силамъ, и настала минута, когда либеральное гнѣздо было разорено грознымъ княземъ Иваномъ Оболенскимъ, и „Губ. Вѣдомости“ превращены во вторую твердыню „православія, самодержавія и народности“ въ градѣ Харьковѣ.

Органъ пресловутаго „Русскаго Собранія“, открывшаго свою секцію въ Харьковѣ, „Губ. Вѣдомоости“ предприняли систематическій походъ противъ мѣстной думы, обвиняя ее во всякихъ скверныхъ и призывая начальство раздѣлаться съ нею. И вотъ, въ засѣданіи 12 декабря думцы возбудили вопросъ о томъ, какъ бороться съ новымъ врагомъ, какъ оправдаться отъ взводимыхъ на думу обвиненій? При обсужденіи этого вопроса выяснилось, что отвѣчать въ печати же на печатное обвиненіе „было бы возможно, если бы у насъ было равное оружіе; здѣсь же этого равенства нѣтъ. Ни для кого не секретъ, что нѣкоторыя статьи и даже думскіе отчеты въ газетахъ не пропускаются... Въ дѣйствительности, могутъ высказываться лишь гг. Остроуховы (редакторъ „Вѣдомостей“) и Грингмуты. Они — „независимая печать“, допускающая умышленныя искаженія истины и доносы на общественныхъ дѣятелей“. Такъ говорилъ гласный Свѣтухинъ, мотивируя свое предложеніе — „возбудить ходатайство объ освобожденіи провинціальной прессы отъ предварительной цензуры“, „ибо, сказалъ онъ, только при этомъ условіи мы будемъ обладать средствомъ защиты общественныхъ интересовъ“.

Такъ, новыя средства, примѣняемыя Плеве въ его „внутренней политикѣ“, толкаютъ мысль самыхъ „солидныхъ“ круговъ населенія на путь требованій политической реформы. Въ жракѣ полицейскаго самодержавія печатное слово превращается въ орудіе проведенія самыхъ грязныхъ интересовъ той или другой шайки дѣльцовъ, схватившихся за знамя „порядка“. Нѣтъ другихъ средствъ борьбы съ этими реакціонными кликами внѣ борьбы съ политическимъ порядкомъ, питающимъ ихъ и содѣйствующимъ ихъ размноженію. Но борьба съ этимъ порядкомъ не должна останавливаться на полпути. Протестуя противъ современнаго положенія печати, сильно ограничивающаго возможность уравненія правъ провинціальной и столичной прессы. Отсутствіе предварительной цензуры для столичныхъ газетъ не развязываетъ имъ рукъ для борьбы съ силами реакціи. Надо требовать полной свободы печати, и тѣмъ менѣе имѣетъ смыслъ ограничиваться это требованіе, что все его значеніе, когда его выставляютъ земцы или думцы, заключается въ *демонстраціи*, въ протестѣ противъ даннаго режима. Агитаціонное же вліяніе такого протеста прямо пропорціально принципіальности предъявленнаго требованія и степени его радикализма.

Праздникъ жандармеріи и науки. „Въ настоящее тревожное и смутное время общественная служба чиновъ жандармскаго корпуса является высоко-полезнымъ государственной важности дѣломъ“. Такими словами привѣтствовалъ въ своей „весьма горячей и прочувствованной“ рѣчи жандармъ отъ науки, попечитель томскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Лаврентьевъ, жандармовъ отъ полиціи, съѣхавшихся „со всей Сибири“ въ Томскъ ко дню „корпуснаго праздника“ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Сыскъ, шпіонство, провокаторство — вотъ новая святая троица, во имя которой представители отдѣльнаго корпуса министерства народнаго просвѣщенія братаются съ представителями отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Поистинѣ непостижимо: къ чему еще раздѣльное существованіе этихъ двухъ братскихъ „корпусовъ“? Не лучше ли было бы имъ совмѣстно, въ одинаковыхъ голубыхъ мундирахъ, творить свои „государственной важности дѣла“? Но, впрочемъ, гдѣ два сердца бьются въ унисонъ, тамъ форма дѣло неважное, и конечно, подымая бокалъ за „успѣшную дѣятельность жандармскаго корпуса“ г. Лаврентьевъ тѣмъ самымъ пилъ и за свою „успѣшную дѣятельность“. И не будетъ ничего удивительнаго, если вскорѣ мы и впрямь увидимъ на университетской каѳедрѣ жандармскаго фельдфебеля въ качествѣ россійскаго Вольтера. Читалъ же при Николаѣ I въ харьковскомъ университетѣ лекціи по философіи частный приставъ; отчего же бы при Николаѣ II не прочитать ихъ какому нибудь жандармскому ротмистру? А что г. Лаврентьевъ и его пріятели оказались бы вполнѣ на высотѣ „задачи“ на „славныхъ постахъ“ начальниковъ охранныхъ отдѣленій, въ этомъ, увѣряемся, и сомнѣнія быть не можетъ.

Томскъ. 4 декабря. Никогда еще томская пересыльная тюрьма не видала въ стѣнахъ своихъ такой массы „политическихъ“, какъ въ настоящее время. Сидятъ въ ней больше 75 человѣкъ. Человѣкъ 40 переведено сюда изъ тѣхъ 170, которые отведены были въ арестантскія роты послѣ театральной демонстраціи 27 октября, сидятъ нѣсколько человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые арестованы были послѣ вечеринки 18-го и бала 22 октября, сидятъ трое рабочихъ за Лопуховскую стачку, сидитъ одинъ студентъ за демонстрацію 19 апрѣля г., наконецъ, на днихъ посадили еще около 30 чел. изъ тѣхъ, которымъ пришелъ приговоръ по дѣлу о демонстраціяхъ 18 и 20 февраля.

Приговоръ этотъ полученъ былъ въ Томскѣ въ 20-хъ числахъ ноября и сталъ неоффиціально извѣстенъ только тогда, когда начали приводиться въ исполненіе. Привлеченныхъ по дѣлу оказалось 56 человѣкъ, изъ нихъ оправданы 18, наказанію подвергнуты 38 чел., громадное большинство которыхъ были жестоко избиты во время демонстраціи 18 февр. Единственными свидѣтелями противъ нихъ явились участвовавшіе въ избіеніи полицейскіе, и только ихъ показаній было достаточно для того, чтобы назначить пятерымъ ссылку, а 33-мъ 3 мѣсяца тюрьмы и два года гласнаго надзора. Ссылка назначена: Бродовикову 8 л., Домбровскому 5 лѣтъ, Минскому и Малыхъ по 4 года каждому, всѣмъ четыремъ Якутской Области, и Смирнову 3 года Архангельской губерніи.

Интересна и очень характерна для нашего „судопроизводства“ судьба Бродовикова. Привлеченный за участіе въ демонстраціи

18 февр., Бродовниковъ на „допросѣ откровенно заявилъ, что на демонстрацію былъ и, возмущенный произволомъ полиціи, онъ противъ насилія выставилъ свою собственную физическую силу (многимъ полицейскимъ героямъ очень памятны его могучіе кулаки). За такое признаніе Бродовниковъ былъ выпущенъ на свободу. „Пусть товарищи Ваши берутъ съ Васъ примѣръ", сказалъ ему прокуроръ палаты Соболевъ, „тогда никому ничего не будетъ.". Тотъ же совѣтъ давалъ профессоръ Соболевъ, братъ прокурора, тѣмъ изъ привлеченныхъ къ допросу студентовъ, которые обращались къ нему за юридическимъ совѣтомъ. И вотъ, мы видимъ, каковъ результатъ — Бродовникову назначено наиболѣе суровое наказаніе.

Изъ числа 38 человѣкъ, подвергнутыхъ наказанію по пріговору, 35 студентовъ мѣстнаго университета и технологическаго института, одинъ присяжный повѣренный, одинъ помощ. прис. повѣреннаго и одинъ врачъ — трое послѣднихъ получили три мѣс. тюр. и 2 г. гласнаго надзора. Театральную исторію 27 окт. жандармерія рѣшила, повидимому, раздуть. Свыше 40 человѣкъ посажены въ пересылочную тюрьму и, какъ долго просидятъ, неизвѣстно. Вначалѣ допросъ производился ежедневно и почти всѣхъ допрашиваемыхъ освобождали. Когда въ арестантскихъ ротахъ осталось всего человѣкъ 50, допросъ почему-то былъ прекращенъ, что и побудило оставшихся устроить трехдневную голодовку. Она оказала свое воздѣйствіе — допросы вновь начались, но уже почти всѣхъ допрашиваемыхъ стали препровождать въ пересылочную тюрьму.

За демонстрацію 18-го апрѣля сидитъ студентъ Поповъ, юноша лѣтъ 19. Обвинютъ его въ произнесеніи нѣсколькихъ рѣчей передъ демонстрантами и, несмотря на то, что ни одна изъ нихъ не „имѣетъ оратора, перечисленныхъ въ обвинительномъ актѣ, не подходитъ къ Попову, его держатъ уже семь мѣсяцевъ и неизвѣстно, когда освободятъ.

За послѣдніе $1^1/_2$ мѣс. мѣстнымъ Комитетомъ Партіи выпущено: „Къ Томскимъ обывателямъ" (по поводу театральной демонстраціи и бойни 27 окт.) — 2600 экз., „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Томска", (по поводу смерти рабочаго, убитаго на заводѣ Квятковскаго осколками лопнувшаго маховика) — 2000 экземп. „Письмо къ революціонному студенчеству" — 1500 экз., „Ко всѣмъ рабамъ Николая Второго" (по поводу приговора надъ демонстрантами) — 4000 экз. Въ непродолжительномъ времени сообщимъ списокъ лицъ, осужд. за демонстрацію.

Вильна. Въ послѣднее время виленскій обыватель не можетъ пожаловаться на отсутствіе „политическихъ" темъ. Начну по порядку. Еще въ сентябрѣ былъ произведенъ обыскъ въ магазинѣ Аронсовъ, будто имѣющихъ для продажи оружіе. Былъ сдѣланъ обыскъ и нашли въ хламѣ желѣзка коробку съ заряженными патронами. Случайно былъ сдѣланъ обыскъ у Аронсовъ на дому и найдено было немного литературы; сынъ былъ забранъ, а полицмейстеръ сталъ хлопотать у бывшаго въ отъѣздѣ генералъ-губернатора о закрытіи магазина. Магазинъ закрытъ и до сихъ поръ. Было много по этому поводу разговоровъ, которые стали понемногу умолкать. Но русская жизнь въ нынѣшнее время не молчитъ... Недѣльки черезъ двѣ послѣ этого ученики мѣстнаго еврейскаго учительскаго института, доведенные до крайняго раздраженія безпрестанными придирками, стѣсненіями и всѣмъ бурсацкимъ режимомъ, рѣшили чѣмъ ни будь выразить свой протестъ, и... нарѣзали ночью портретовъ Ники и Александра III и разбросали прокламаціи со своими требованіями. Святополкъ-Мирскій хотѣлъ это дѣло передать жандармамъ, но попечитель Ивановъ протестовалъ, а Спасскій — директоръ института,—поспѣшилъ въ Петербургъ для разъясненій. Тѣмъ не менѣе, дѣло это перешло въ руки прокурора и голубыхъ рыцарей. Слѣдствіе продолжается еще до сихъ поръ, ученики пока не выпускаютъ и держатъ все время въ интернатѣ при институтѣ, выпуская лишь на дворъ гулять. Господа жандармы и попечительное начальство сидятся притянуть къ этому дѣлу исключенныхъ въ прошломъ году учениковъ института. Вѣдь надобенъ „же козелъ отпущенія! Доказательствомъ служитъ нарѣзанный, найденный около портрета и не подходящій къ типу институтскихъ свѣчей... Доказательство, какъ видите, достойное остроумія нашихъ охранителей.

Аналогичныя исторіи произошли въ коммерческомъ и въ реальномъ училищахъ; въ первомъ и въ третьемъ классахъ нарѣзали портретъ Александра III и залили физіономію Петра черниламъ, а во второмъ въ актовомъ залѣ найденъ оплеванный и облитый чернилами портретъ Ники. Актовый залъ запертъ на ключъ. Дѣло замяли....

Казалось, ужъ васякъ всякій поводъ къ политическимъ пересудамъ, какъ вдругъ мѣстный самодержецъ всея Сѣверо-Западной Россіи, Святополкъ-Мирскій и иже съ нимъ охранное отдѣленіе преподнесли новый сюрпризъ, давъ пищу для разговоровъ. Подъ вліяніемъ бѣлостокскихъ волненій и покушенія на Метленко, нашъ помпадуръ счелъ нужнымъ напомнить о томъ, что „самодержавіе колеблется", и опубликовалъ обязательное постановленіе съ обычнымъ содержаніемъ о дѣйствіяхъ сходокъ. Со своей стороны, охранка восьмого ноября, въ субботу пополудни съ пяти часовъ совершила цѣлый рядъ набѣговъ. Было, какъ насчитываютъ, до 80 обысковъ, при чемъ уловъ не удался, и гг. „охранители" ушли ни съ чѣмъ, захвативъ нѣсколько интеллигентовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ крамолѣ. Хватали буквально съ бору да съ сосенки. На слѣдующій день сюда пріѣзжалъ самъ Валь, главнымъ образомъ изъ-за института. Шпики снуютъ по всѣмъ улицамъ, причемъ имъ на помощь приходитъ учебное начальство гимназій и реальнаго училища.

Вообще, наши педагоги за послѣднее время отличаются. Судите сами. На педагогическомъ совѣтѣ первой гимназіи поставили, чтобы вы думали?.., „читать въ послѣднихъ четырехъ классахъ обязательное постановленіе генералъ-губернатора съ комментаріями". Послѣднія достойны увѣковѣченія. Напримѣръ, въ седьмомъ классѣ учитель при чтеніи заявляетъ, что „если у кого нибудь изъ учениковъ найдутъ подметный листокъ, то за это полагается отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ каторжной работы (!)". Всеобщій хохотъ... Педагогъ, сконфуженный, заявляетъ, что онъ только исполняетъ порученіе начальства. То же самое инспекторъ Оношко говоритъ матери одного ученика. Кромѣ того, классные наставники во всѣхъ классахъ и Оношко въ отдѣльности говорили о томъ, что ученики обязаны доносить по начальству о товарищахъ, призывающихъ къ дѣйствію сходомъ, а также доставлять всякаго рода прокламаціи. Въ этомъ смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ написаны и выданныя ученикамъ правила. Словомъ, растлѣніе полнѣйшее. Чтеніе обязательнаго постановленія заставило даже самыхъ смиренныхъ учениковъ возмутиться, и оппозиціонныя силы нашего города могутъ очень хорошо учесть ту агитаціонную роль, которую сыграло учебное начальство.

Въ заключеніе могу сообщить слѣдующій интересный фактъ, переданный очевидцами. Какъ извѣстно, здѣсь судился солдатъ Апотинъ за покушеніе на жизнь своего ротнаго командира, и былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Казнь должна была произойти на военномъ полѣ. Рота Апотина и солдаты виленскаго гарнизона относились, понятно, сочувственно къ Апотину, и вотъ выбранные изъ различныхъ ротныхъ частей 12 человѣкъ солдатъ стрѣляли три раза вверхъ. Тогда было приказано стрѣлять по одиночкѣ. Первымъ выстрѣломъ Апотинъ былъ убитъ...

Горы-Горки. Могил. губ. Въ полученной нами корреспонденціи изъ Горы Горокъ сообщается слѣдующій фактъ, выдающійся по своему безобразію даже въ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ, богатыхъ проявленіями какъ безшабашной свѣтлости и самоотверженія, такъ и громадныхъ подлостей.

Разсказано, какъ среди учениковъ ремесленнаго училища, подъ вліяніемъ жестокой эксплуатаціи ихъ труда, на приписанныхъ къ училищу заводѣ, начался движеніе, встрѣтившее отклики также и въ земледѣльческомъ училищѣ, корреспонденть сообщаетъ, что 1903 г. было рѣшено отпраздновать въ Горы-Горкахъ первое мая демонстраціей, въ которой имѣвшія участвовать какъ „заводъ" (ученики и немногіе имѣющіеся на заводѣ наемные рабочіе), такъ и евреи, работающіе въ ремесленныхъ заведеніяхъ города. Предоставляемъ самому автору разсказа, почему именно пришлось отмѣнить эту демонстрацію. „При любезномъ содѣйствіи мѣстнаго врача-сіониста, полиція стала распространять слухи о погромѣ, будто бы подготовляемомъ учениками земледѣльческаго училища. Эти слухи, сейчасъ отвѣтили прокламаціей, въ которой выясняются истинные виновники кишиневскаго погрома и выражается горячее сочувствіе ея жертвамъ. Но Ангенвицкаго — да будетъ его имя прибито къ позорному столбу — это не остановило. Онъ сталъ созывать съ разрѣшенія полиціи собранія еврейскихъ рабочихъ, произносилъ передъ ними пламенныя патріотическія рѣчи, гдѣ доказывалъ имъ выписками изъ всякихъ „чего изволите", что правительство въ кишиневскомъ погромѣ не виновато, а виновaты только еврейскіе соціалисты, и что, поэтому, надо стать противъ нихъ на сторону правительства и, такимъ образомъ, *заслужить* его защиту. Заупаганные рабочіе отказались отъ участія въ демонстраціи, и по указанію Ангенвицкаго, сформировались въ отрядъ. Но тутъ нивость нашего гуманнаго сіониста превзошла всякую мѣру. Онъ отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ представителей города къ исправнику и *предложилъ ему воспользоваться сформированнымъ отрядомъ, какъ силой противъ демонстрантовъ.* При такихъ условіяхъ демонстрація состоялся не могла, и 1-ое мая было отпраздновано вечеринкой въ загородной рощѣ".

Нашъ корреспондентъ отмѣчаетъ и дальнѣйшія событія въ Горы Горкахъ: демонстрацію въ день коронаціи ученики земледѣльческаго училища, прошедшихъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по всему городу, отказавшись предварительно увеселять своей музыкой публику въ паркѣ; затѣмъ въ іюнѣ — забастовку на заводѣ учениковъ, за которую 18 человѣкъ было исключено и послѣдовали новыя стѣсненія. Онъ отмѣчаетъ, наконецъ, совсѣмъ недавній фактъ распространенія среди новобранцевъ прокламацій мѣстнаго издѣлія, но среди этихъ извѣстій о дальнѣйшихъ тріумфахъ доктора Ангенвицкаго нѣтъ ни слова. Неужели правительство не оцѣнило его преданности, неужели онъ не „заслужилъ" своихъ поступковъ должности при полиціи, соотвѣтствующей его рѣдкимъ дарованіямъ?

Но среди гг. сіонистовъ далеко не одинъ Ангенвицкій утверждалъ, „что правительство не виновато, а виновaты еврейскіе соціалисты". Что чувствуютъ они теперь, когда разоблаченія на судѣ далеко превзошли все то, что уже раньше говорила революціонная пресса? Можно, впрочемъ, утверждать, что въ „преступномъ приказаніи", исполненномъ громилами виновaты все-таки соціалисты, которые, пугая правительство доводятъ его до такихъ поступковъ, какъ и въ легендарномъ избіеніи іудейскихъ младенцевъ былъ виновать не Иродъ, а новорожденный Іисусъ, напугавшій Ирода своимъ появленіемъ на свѣтъ.

Неуклонное соблюденіе завѣтовъ вѣротерпимости. Какъ извѣстно, 26 февраля 1903 года огорченное смутой „родительское сердце" Его Величества разразилось широковѣщательнымъ манифестомъ, въ которомъ, наряду съ самыми недвусмысленными обѣщаніями всѣхъ скорпіоновъ самодержавія, православія и народности, сулило осчастливить вѣрноподданныхъ, если они будутъ паиньки, и кое какими прянниками; такъ, между прочимъ, „всемилостивѣйше" повелѣвалось „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, на чертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, коть прежде благоговѣйно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ нашимъ иноселянныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной".

Ну, что касается скорпіоновъ, то россійскій обыватель получаетъ ихъ, конечно, полностью и даже съ излишкомъ, а вотъ насчетъ пряника „вѣротерпимости"... не угодно ли прочитать хотя бы слѣдующій документъ, адресованный, повидимому, директору департамента иноселянныхъ вѣроисповѣданій:

Виленскій, Ковенскій и Гродненскій
Генералъ-Губернаторъ Копія.
18 августа 1903 г. Секретно.
№ 169.
г. Вильна. М. Г.!
Князь Михаилъ Ивановичъ!

Епископъ Гродненскій и Брестскій довелъ до моего свѣдѣнія, что подрядчикъ по постройкѣ желѣзной дороги Сѣдлецъ-Влодавы, нѣкто Ронъ, по освященіи закладки моста на р. Западномъ Бугѣ мѣстнымъ благочинными, пригласилъ ксендза Казиміра Паукшта съ тою же цѣлью. Послѣдній выступилъ непосредственно по окончаніи отслуженнаго благочинными молебна въ полномъ облаченіи и въ присутствіи неразошедшагося еще народа, служащихъ и чиновъ полиціи совершилъ чинъ освященія по обряду рим.-катол. церкви.

Сообщая объ этомъ на благоусмотрѣніе вашего сіятельства, считаю долгомъ присовокупить, что описанный поступокъ подрядчика Рона, самъ по себѣ, казалось бы, незначительный, имѣетъ въ высочайше вѣренномъ мнѣ краѣ совершенно опредѣленное значеніе — желаніе противопоставить православной русской церкви церковь польской народности — католичество. Такъ какъ постройка Славянской дороги есть предпріятіе правительственное, то участіе иновѣрческаго элемента въ торжествахъ по случаю освященія того или иного сооруженія можетъ привести мѣстное населеніе къ ложному убѣжденію, что въ настоящее время правительство склонно признать въ краѣ равноправность восточной и западной церкви. Такой ошибочный взглядъ при обычномъ отождествленіи католической церкви съ польской на родностью, не можетъ не повліять на политическое настроеніе мѣстнаго населенія и отразится, поэтому, крайне неблагопріятно на мирномъ теченіи жизни. Въ виду изложеннаго имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, не изволите ли Вы признать, во избѣжаніе повторенія подобныхъ описанному случаевъ, нужнымъ сдѣлать кому слѣдуетъ соотвѣтствующее разъясненіе, и распоряженіе и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить Ваше Сіятельство принять увѣреніе и пр.

Генералъ-лейтенантъ князь Святополкъ-Мирскій.

Борисоглѣбскъ. Посылаемъ Вамъ слѣдующій не безынтересный документъ:

М. Н. П. Секретно.
Инспекторъ
Народныхъ училищъ. Циркулярно.
Борисоглѣбскаго у.
ноября 23 дня 1903 г. Гг. учителямъ и учительницамъ двухклассныхъ, приходскихъ и начальныхъ училищъ.
№ 1003.

Вслѣдствіе предписанія г. Директора Народныхъ училищъ Тамбовской г. отъ 16 ноября за № 206., покорнѣйше прошу Васъ, Мм. гг., въ случаѣ появленія среди учащихъ противоправительственныхъ изданій, распространяемыхъ злонамѣренными людьми, а также въ случаѣ присылки таковыхъ на имя учащихъ или учащихъ, *немедленно и безбоязно* представлять мнѣ таковыя въ запечатанныхъ конвертахъ при препроводительныхъ бумагахъ, для представленія Директору Училищъ. Въ чтеніи находящихся предписаній прошу расписаться и бумагу эту хранить для руководства при дѣлахъ училища.

Инспекторъ Уч. Н. Павловскій.

P. S. С. Р.ами были распространены въ ноябрѣ „воззванія къ сельскимъ учителямъ и учительницамъ", въ которыхъ они призывали учителей руководить „классовой" борьбой крестьянъ, т. е. устраивать стачки для повышенія заработной платы и стачки для пониженія арендной платы и проч. Въ прокламаціи проводится мысль о классѣ крестьянъ, какъ о „трудовомъ" классѣ, объ однородности интересовъ этого класса и т. д.

Въ Борисоглѣбскѣ появились прокламаціи къ рекрутамъ (соц.-дем.), въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ во время стачекъ появились сочувственныя прокламаціи воронежскихъ рабочихъ, разъясняющія смыслъ іюньскихъ и сентябрьскихъ забастовокъ.

Воронежскими же товарищами прислано 50 р. для передачи арестованнымъ.

Въ началѣ декабря распространены прокламаціи Центральнаго Комитета, извѣщающія о второмъ съѣздѣ.

Маріуполь. Въ ноябрѣ у насъ было распространено 500 экземпляровъ прокламаціи Союза горнозаводскихъ рабочихъ „Чего мы требуемъ" и 300 экземпляровъ „Ко всѣмъ" — о таганрогской демонстраціи. Впечатлѣніе произвели очень хорошее.

Недѣли три тому назадъ у насъ прочиталъ шесть лекцій по правовѣдѣнію профессоръ Владимировъ изъ Харькова. Выражалъ свое преклоненіе передъ монархическимъ образомъ правленія, хотя во второй лекціи сказалъ, что вопросъ о томъ, какой образъ правленія лучше, — вопросъ дерзкій и не стоитъ на немъ останавливаться (дословно). Публика — чистая, чел. 150 — усердно хлопала.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Революціонизированіе деревни. Въ какихъ формахъ отражается въ нѣкоторыхъ слояхъ деревенскаго населенія революціонное настроеніе, показываетъ слѣдующій интересный „приговоръ" одного тайнаго крестьянскаго союза, который мы перепечатываемъ съ сохраненіемъ орфографіи (подлинникъ написанъ церковно-славянскими буквами):

Мы ниже подписавшійся; . . . крестьянскій союзъ соціалистовъ революціонеровъ, составили настоящій приговоръ: противъ угнетателей, въ союзе нашей братія не было бы лицемеровъ и предателей, и наше братство должны составлять одну нераздѣльную боевую семью. И не должны щадить своей жизни и крови за правду и свободу. Мы революціонеры должны истреблять все, что намъ ненавистно и противно, и мы должны, въ важне не щадить: отца, и мать, жену, детей, сродниковъ, друзей и знакомыхъ. Грозное мщеніе наимѣнникамъ есть смерть, и мы должны изъ среды себя избирать на доброе дѣло, во жребію, или же по желанію, отнюдь не отказывается, а идти какъ на званный пиръ съ радостью, тамъ болѣе хладнокровіемъ. И мы должны знать всѣ: что насъ ожидаетъ за правду; будутъ предавать насъ пытками, заточеніямъ и даже смертной казни, и насъ это чтобы не страшило, и насъ въ будущемъ будутъ называть великими людьми, и слава наша не погибнетъ во веки, и мы должны быть связаны всѣ братскою любовію, и измѣны между нами не было, тѣмъ болѣе лжи, уничтожать между нами всякую неправду. Еще же кто изъ насъ попадетъ подъ правосудіе, первымъ долгомъ не долженъ выяснять нашего тайнаго союза, повторыхъ должно пропасть только одинъ повинній. И долженъ всякій изъ насъ знать: кара нашего союза для изменшиковъ есть смерть. Къ сему подписуемся.

Тифлисская губ. 18 ноября пріѣхалъ въ селеніе Бершути Горійскаго уѣзда, Тифлисской губ. приставъ съ чинарами (стражниками) и сталъ требовать у крестьянъ денегъ на содержаніе мѣстнаго врача. Надо сказать, что бершутскій врачъ, несмотря на ежегодные поборы въ его пользу, не считалъ своею обязанностью лѣчить крестьянъ и никогда не пріѣзжалъ въ село по своему почину. Пользовать онъ только дворянъ-помѣщиковъ, если же крестьянинъ вызывалъ его, то докторъ требовалъ за каждый визитъ не менѣе трехъ рублей, сверхъ ежегодныхъ поборовъ. Такое положеніе вещей возмутило, наконецъ, крестьянъ: сельскій сходъ единогласно рѣшилъ отказаться отъ уплаты докторской дани, благоразумно предпочитая ѣздить въ уѣздный городъ за медицинской помощью или вызывать вольнопрактикующихъ докторовъ по мѣрѣ надобности. . .

Наткнувшись на сопротивленіе, приставъ принялся за мѣры пресѣченія и поставилъ стражниковъ у нѣсколькихъ крестьянъ, разсчитавъ, что стражники возьмутъ ихъ измором. И, дѣйствительно, одинъ крестьянинъ не вытерпѣлъ постоя и отдалъ свою часть. Другіе крестьяне, узнавъ объ этомъ, потребовали отъ пристава возвращенія денегъ. Тотъ не согласился. Крестьяне пересчитали ребра у пристава и стражниковъ и выгнали ихъ изъ села. Въ ожиданіи новаго набѣга была созвана сходка, на которую пригласили крестьянъ и изъ сосѣднихъ деревень. Уговорились сообща вести борьбу и всѣмъ собраться по первому колокольному звону. Въ восьмомъ часу пріѣзжаетъ снова приставъ съ подкрѣпленіемъ изъ 60 казаковъ. Деревня спала, только нѣсколько человѣкъ сидѣли мирно у магазеи. На шумъ-то и набросились казаки съ нагайками. Одному удалось добраться до колокольни, и онъ ударилъ въ набатъ. Собѣжались крестьяне, и началась битва, продолжавшаяся до трехъ часовъ ночи, когда приставъ съ казаками, сильно избитые, принуждены были спасаться бѣгствомъ. Сходъ между тѣмъ еще разъ подтвердилъ свое прежнее рѣшеніе: бороться до послѣдней возможности. На слѣдующій день прибылъ уѣздный начальникъ съ казаками и тремя ротами солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ ворваться въ село, онъ обратился къ дворянамъ-помѣщикамъ съ просьбой, воздѣйствовать на крестьянъ, боясь, очевидно, подвергнуться участи пристава. Помѣщики не рискнули вмѣшаться въ дѣло, и уѣздный начальникъ двинулъ войско на „непріятельскія" села. Видя, что силы уѣзднаго начальника значительно превосходятъ ихъ собственныя, крестьяне сдались и уплатили дань. Арестовано 13 человѣкъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА ОЪ ФАБРИКЪ и ЗАВОДОВЪ

Вѣстникъ Союза типографскихъ рабочихъ. Отпечатанный экземпляромъ *гектографомъ* на сѣрой бумагѣ, лежитъ предъ нами третій номеръ органа „Союза Московскихъ *типографскихъ* рабочихъ для борьбы за улучшеніе условій труда". Какое характерное сопоставленіе! Пуды свинцоваго шрифта, наборныя кассы, скоропечатныя машины съ газовыми и электрическими двигателями, всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія — къ услугамъ пролетаріи, пока работаютъ его руки, работаютъ для распространенія въ милліонахъ печатныхъ страницъ всего, что смогутъ и пожелаютъ сказать народу самодержавіе и буржуазія всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, и — первобытный гектографъ, когда у этого пролетаріи заработали не только руки, но и голова, когда онъ — худо-ли, хорошо-ли — захотѣлъ повѣдать всенародно и свои мысли! И развѣ только для типографскихъ рабочихъ создастъ современный строй такое до нелѣпости противорѣчивое положеніе? Развѣ въ этомъ „лучшемъ изъ міровъ" не осуждены на голодъ земледѣлецъ, вырашивающій хлѣбъ, не ходитъ сапожникъ безъ сапогъ, портной — въ рваномъ платьѣ? И развѣ вообще накопленіе богатствъ, груды товаровъ, не находящихъ сбыта, изобиліе всѣхъ благъ, матеріальныхъ и духовныхъ, на одномъ полюсѣ, и — нищеты, голода, лишеній, невѣжества, униженія на другомъ, не составляетъ самаго характернаго признака капиталистическихъ порядковъ? Намъ кажется, когда издатели „Вѣстника" и руководимые ими типографскіе рабочіе хорошенько задумаются надъ этимъ вопросомъ, вытекающимъ уже не только изъ господствующаго въ Россіи самодержавнаго режима, а изъ самыхъ основъ капиталистическаго строя, они должны будутъ безконечно далеко отойти отъ нынѣшней своей точки зрѣнія, которая въ устройствѣ библіотеки (изъ „хорошихъ" книгъ), прочной профессіональной организаціи, свободѣ сходокъ и стачекъ и подготовкѣ всеобщей стачки Московскихъ рабочихъ заставляетъ ихъ видѣть панацею отъ всѣхъ бѣдъ пролетаріи. Потому что дальше этого политическая мудрость издателей „Вѣстника" пока не идетъ. Не только вопросъ о капиталистическомъ обществѣ и о соціализмѣ, но даже вопросъ о самодержавіи не

выдвинуть ими сколько нибудь определенно. По характерному выражению авторов, они хотятъ освободиться отъ „путъ, наложенныхъ самодержавными правительствомъ", и какъ показываетъ уже перечень предлагаемыхъ „средствъ", думаютъ освободиться отъ „путъ", не освободившись предварительно отъ самого самодержавія. И точно также они представляютъ себѣ возможныхъ освобожденіе отъ „путъ" капиталистическаго общества безъ освобожденія отъ самаго капитализма.

Жизнь съ ея горькимъ опытомъ конечно скоро научитъ нашихъ товарищей — московскихъ типографщиковъ политическому разуму; она покажетъ имъ всю недостаточность предлагаемыхъ ими средствъ, налечитъ ихъ отъ нихъ на чемъ не основанной вѣры во всемогущество демонстрацій и „хорошо организованныхъ" стачекъ, хотя-бы и „всеобщихъ" (хотя, надо замѣтить, сейчасъ для „Вѣстника" „всеобщность" дальше Москвы не идетъ); словомъ она толкнетъ ихъ на тотъ единственный путь, на которомъ пролетаріатъ только и можетъ завоевать себѣ освобожденіе, путь классовой борьбы подъ знаменемъ соціалдемократіи. Мы можемъ только пожелать, чтобы „наука" эта пришла въ наиболѣе воспріимчаго соціалъ-демократическаго ученія, а не въ видѣ стихійнаго опыта жизни. Потому что стихійный опытъ — это дорого стоющій, терпистый путь испытаній, на которомъ пролетаріатъ своею кровью расплачивается за свои политическія ошибки, за свою наивную вѣру въ „одинаковость" сѣсженій, испытываемыхъ „всѣми обществомъ", въ возможность освободиться отъ „путъ", не добившись торжества соціализма. И пусть историческій опытъ Западной Европы, на который такъ неудачно ссылаются издатели „Вѣстника", увѣряющіе, будто демонстрація „повсюду заграницей представляютъ любимѣйшее зрѣлище, причемъ полиція надзираетъ, чтобы никто не мѣшалъ демонстрантамъ"; пусть этотъ опытъ предостережетъ типографскихъ рабочихъ отъ повторенія той близорукой политики мелкихъ „надзрѣвшихъ" интересовъ, которая такъ дорого обходится въ концѣ концовъ рабочему классу, несмотря на свою видимую „практичность". Подробнѣе останавливаться на этомъ вопросѣ мы здѣсь не будемъ. Полемика съ „экономизмомъ", крайнимъ представителемъ котораго является „Вѣстникъ", достаточно уже выяснила, какъ такое суженіе задачъ рабочаго движенія неизбѣжно отдаетъ его на службу буржуазіи, а — въ русскихъ условіяхъ — и самодержавно-полицейскому режиму, какъ бы благородны ни были руководителя движенія и какъ-бы искренно ни ставили они себѣ цѣлью благо рабочаго класса.

Въ связи съ этимъ скажемъ пару словъ по поводу заданнаго тѣмъ же Союзомъ „Опровереніе", въ которомъ самымъ рѣзкимъ тономъ говорится о помѣщенномъ въ № 50 „Искры" сообщеніи, будто вницатика стачки московскихъ типографскихъ рабочихъ исходила отъ „независимыхъ". Авторы „опроверженія" съ большимъ негодованіемъ говорятъ, что это сообщеніе, „исходящее, быть можетъ, изъ охраннаго отдѣленія", помѣщено „безъ всякихъ оговорокъ". Если бы они имѣли терпѣніе прочесть строки, слѣдующія непосредственно за инкриминируемыми ими мѣстомъ, они увидѣли бы, что тамъ опредѣленно говорится, что попытка „независимыхъ" не удалась, потому что, „замѣтивъ это, сознательные рабочіе ускорили стачку на двѣ недѣли, и этимъ спасли дѣло". Слѣдовательно, вполнѣ ясно сказано, что *дѣйствительная* стачка произошла не по почину „независимыхъ". Какія же еще „оговорки" тутъ нужны, не касаясь даже вопроса о „непроѣренности" сѣдѣній", гдѣ тутъ „позорящіе слухи" для дѣйствительныхъ руководителей стачки? Мы охотно вѣримъ, что, „теперь съ возникновеніемъ Союза, благодаря его вліянію, авторитетъ „независимыхъ" въ средѣ московскихъ рабочихъ значительно подорванъ", и конечно можемъ пожелать молодому Союзу дальнѣйшаго развитія въ такомъ направленіи, которое исключало-бы всякую возможность приписыванія къ его дѣлу „независимыхъ". Но вѣдь въ № 50 „Искры" говорилось о прошломъ, да и самая возможность такого приписыванія должна заставить членовъ Союза задуматься о правильно-ти избраннаго ими пути.

Прибавимъ, что, судя по отчету за время съ девятаго сентября по 15 ноября, дѣла новаго Союза идутъ пока недурно: за этотъ періодъ въ кассу его поступило 1313 руб. 15 коп., не считая 170 руб., переданныхъ Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. для арестованныхъ во время забастовки.

Ярославль. Большая мануфактура. Администрація Большой мануфактуры выписываетъ для своихъ рабочихъ 300 экземпляровъ „Дружескихъ Рѣчей". Эта газетка навязывается насильно тѣмъ изъ рабочихъ, которые какъ нибудь противились непокорностью и непонятливостью дирекціи администраціей.. Такимъ образомъ, субсидируемымъ правительствомъ, „Рѣчи" употребляются, какъ это ни и прилистичеуть, вмѣсто розги. Только зачѣмъ было называть ихъ „дружескими" ?..

Не даютъ покоя царскіе шпіоны и рабочимъ Большой мануфактуры. Полъ руководствомъ самаго главнаго шпіона третьей части, шпіоны, вооружившись для удобства скамѣйками, подглядываютъ въ окна больныхъ квартиръ рабочихъ и казармъ. А чего, кажется, не дѣлаетъ администрація фабрики, чтобы не дать проникнуть революціонныхъ элементамъ въ это гнѣздо эксплуатаціи и произвола. Берутъ въ рабочіе по родству со старыми закрѣпощенными рабочими, по кумовству съ мастеромъ и т. п. Чуть похожъ на „интерика" — не получишь мѣста. Наша администрація подъ разными предлогами разсчитываетъ старыхъ рабочихъ, недослужившихъ немного до пенсіи, чтобы воспользоваться послѣдней. Но пословицѣ „доброму вору все впору".

Спичечная фабрика Дунаева. У насъ что недѣля, то увѣчье. Машины безъ приспособленій, ограждающихъ отъ несчастій. Ремня часто слядаютъ со шкива. Чистить машины заставляютъ на ходу, а случась съ рабочимъ увѣчье, скажутъ — по своей винѣ. Не послушаешься, остановишь машину, оштрафуютъ. Увѣчный не получитъ заработка и во время лѣченія. Вотъ какіе у насъ порядки: перевернешься — виноватъ, не довернешься — виноватъ. Это еще не все. Управляющій страшный развратникъ, отъ него проходу нѣтъ ни одной смазливой работницѣ. И слачутъ, да соглашаются на его приставанія. Много у насъ опозоренныхъ дѣвушекъ. Хозяйка чуть замѣтитъ за кѣмъ „безнравственное поведеніе" увольняетъ, а не знаетъ, должно быть, что самый-то главный развратникъ — это ея управляющій. Плата у насъ самая низкая — нѣтъ возможности существовать.

Архангельская губ, Мезенскій уѣздъ. (Изъ письма рабочаго). Въ семи верстахъ отъ г. Мезени и въ семи верстахъ отъ Бѣлаго моря находится лѣсопильный заводъ бр. Гужниковыхъ. Эксплуататорская природа капитала, благодаря исключительности положенія, проявляется здѣсь въ самыхъ безастѣнчивыхъ формахъ. Мѣстные представители „законной власти" — исправникъ, его помощникъ и послѣдній надзиратель — естественно готовы оказывать гг. капиталистамъ всякое „содѣйствіе". Заводскіе рабочіе, набирающіеся изъ крестьянъ, частью Мезенскаго, частью Печорскаго уѣзда (есть даже выряне), — народъ совершенно темный, забитый и неѣжественный. Земельные надѣлы и собственные домики, прикрѣпляющіе ихъ къ мѣсту, дѣлаютъ ихъ окончательно рабами хозяевъ завода. Всего рабочихъ на заводѣ, смотря по холу производства, бываетъ 400—1000 человѣкъ. Заводъ всегда работаетъ въ двѣ смѣны — дневная 14 часовъ и ночная 14 час.

Комлевщикъ, на обязанности котораго лежитъ заправка бревенъ въ рамы (до 200 бревенъ въ день), получаетъ 26 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Работа эта чрезвычайно трудна и требуетъ огромной физической силы. Не менѣе трудна работа „обрѣзчика", который втеченіе одного дня должент „обрѣзать" (т. е. удалить ненужныя части) 1350 бревенъ. Плата — 25 руб. въ мѣсяцъ. Къ каждому обрѣзчику приставленъ „горбачъ", который убираетъ обрѣзки. Его заработокъ — 24 р. въ мѣсяцъ. Но едва ли не самой трудной работой является переноска и складываніе бревенъ въ штабеля. О степени трудности этой работы можно судить по тому, что у „убориковъ", занятыхъ этой работой, на плечахъ нарастаютъ широкіе, толстые мозоли, дѣлающіе плечи совершенно нечувствительными. Уборщики получаютъ 20-22 руб. въ мѣс. Болѣе 150 рабочихъ заняты нагрузкой досокъ на пароходы и вытаскиваніемъ лѣса на берегъ. Заработокъ ихъ — около 20 руб. въ мѣсяцъ. Приказчики являются на заводѣ полными самодержцами и съ каждаго рабочаго ежемѣсячно вычитываютъ въ свою пользу по 5 руб. Желая выслужиться передъ хозяиномъ, они всячески притѣсняютъ рабочихъ.

Заводъ стоитъ на безлюдномъ берегу, окруженъ тундрой и непроходимымъ лѣсомъ. Кругомъ, кромѣ заводскихъ построекъ нѣтъ никакого жилого поселенія. Всѣ рабочіе живутъ въ казармѣ. Въ русскомъ лексиконѣ не найдется достаточно словъ, чтобы передать, выразить тотъ ужасъ и отвращеніе, которые являются у сѣжаго человѣка при видѣ этого вертепа. Нѣкогда во всю длину казармы были построены нары для спанья, но теперь отъ нихъ не осталось и слѣда; рабочіе спятъ на полу въ повалку; никакихъ подстилокъ нѣтъ и въ поминѣ; стѣны не крашены грязь кругомъ невообразимая; паразитовъ всѣхъ видовъ и породъ неисчислимое множество; кухня и столовой не имѣется. Въ русской печи дымовыя трубы раввалились; дымъ идетъ въ казарму, наполняетъ ее сверху до низу и выходитъ черезъ двери и окна. Куба для кипятка также нѣтъ. Стекла въ окнахъ выбиты и закалочены досками или затянуты тряпьемъ, иногда стоятъ не совсѣмъ открытыми, такъ что въ казармѣ вѣчная полутьма и сквозной вѣтеръ. Освѣщеніе устроено электрическое, но оно уже давнымъ давно не дѣйствуетъ, и рабочіе принуждены освѣщать свое помѣщеніе керосиномъ или свѣчами на свой счетъ.

Кто близко знакомъ съ жизнью рабочихъ артелей, тотъ знаетъ, что представляетъ собой артельная „матка", но здѣсь уму непостижимо, что творится при совмѣстной жизни обоихъ половъ! Разврать грубый, иногда даже не прикрытый, циничный происходитъ у всѣхъ на глазахъ. Лѣтомъ рабочіе выбираются изъ казармъ на волю и изъ досокъ строятъ себѣ ла чуга (на 5 чел.) въ три аршина ширины, три длины и $2^1/_2$ арш. высоты. Въ такой лачугѣ безъ оконъ, понятно, тѣснота, но жить здѣсь сравнительно съ казармой вольготнѣе.

Заводъ до того обираетъ рабочаго штрафами и вычетами въ лавочку, что нѣкоторые за мѣсяцъ не получаютъ ничего или же получаютъ гроши. Никакихъ записей штрафовъ, никакихъ отчетовъ не существуетъ, а деньги идутъ всецѣло въ карманъ, если не хозяина, то управляющаго. Есть пріемный покой, но фельдшеръ, бывшій солдатъ, существуетъ больше для виду, чѣмъ для помощи. Докторъ не бываетъ вовсе. За увѣчье никакихъ вознагражденій не выдаютъ. Во время болѣзни рабочимъ платятъ только половину жалованья. Въ заводской лавкѣ почти на всѣ товары есть такса, утвержденная въ 1897 г. инспекторомъ, но всѣ товары продаются выше означенной цѣны на $^1/_2$-3 коп. съ фунта. Продукты всѣ худые — гниль, завалъ; мясо и рыба часто совсѣмъ разложившіяся. Баня для мужчинъ и женщинъ общая, безъ всякихъ перегородокъ или отдѣленій: тѣснота въ ней невообразимая, раздѣваются всѣ на улицѣ, на улицѣ многіе (особенно лѣтомъ) и моются. Винной лавки на заводѣ нѣтъ, и водку разные добровольцы продаютъ по 1 руб. за бутылку. Пьянство страшно развито.

Чи книгъ, ни газетъ, ни школъ на заводѣ нѣтъ и въ поминѣ, и свѣдомое время рабочимъ остается тратить только на разгулъ.

Екатеринодаръ (запоздало). Въ одной изъ корреспонденцій изъ Екатеринодара сообщалось объ обидной случайности, благодаря которой были арестованы двое интеллигентовъ Ткаченко и Петлюра. Ихъ арестъ и около десятка обысковъ не дали никакихъ результатовъ, и кучка рабочихъ и интеллигентовъ ни на минуту не прекращала своей работы. На заборахъ, на дворахъ, на стволахъ деревьевъ, на тропинкахъ, ведущихъ къ заводамъ, въ большемъ, чѣмъ прежде, количествѣ продолжали появляться прокламаціи. Наконецъ, стали обывателиполучать прокламаціи по почтѣ. Кромѣ города, прокламаціи были разосланы и по станицамъ. Уже послѣ ареста и обысковъ распространена въ Екатеринодарѣ и Новороссійскѣ прокламація къ обществу; потомъ прокламація о судѣ надъ Тихорѣцкими рабочими. Въ продолженіи зимы происходили чтенія кружка рабочихъ. Широко захватывая всѣ слои населенія, распространялась литература... Характеръ и темпъ работы сразу измѣнила Злато уставская бойня. Чтенія, иногда посѣщавшіяся неаккуратно, оживились. Сразу возросъ спросъ на литературу, и рабочіе начали поговаривать о чемъ нибудь болѣе активномъ, чѣмъ чтеніи. На одной сходкѣ, незадолго передъ пасхой, большинствомъ 20 противъ двухъ былъ вынесенъ вопросъ о демонстраціи на первое мая. Въ виду такого положенія вещей мѣстнымъ работникамъ приходилось напрягать всѣ силы, чтобы подготовить демонстрацію. Была распространена прокламація о томъ, что такое демонстрація. Послѣ Кишиневскаго погрома была распространена прокламація „Донского Комитета" о томъ, кто наши враги и друзья. На сходки приходили все новые и новые рабочіе. Наконецъ, на послѣдней сходкѣ, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, были замѣчены въ кустахъ двое переодѣтыхъ полицейскихъ. За день до демонстраціи было произведено нѣсколько арестовъ. Арестованы были совсѣмъ не тѣ, злостные пропагандой рабочіе, и на допросахъ они дали жандармамъ описаніе внѣшности ораторовъ. Это, однако, не помѣшало рабочимъ собраться еще разъ передъ предполагавшейся демонстраціей, для обсужденія чисто технической стороны ея. Въ ближайшее къ первому мая воскресенье, на которое была назначена демонстрація, городъ наводнили, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, шпіонами, переодѣтыми и не переодѣтыми казаками и жандармами. Встрѣтили одного жандарма въ гимназической тужуркѣ — очевидно, не хватило костюмовъ. Но всѣ эти приготовленія оказались напрасными. Утромъ, по разсказамъ одного интеллигента, на рынкѣ видѣли оратора, призывавшаго къ избіенію евреевъ. И возможность — при малой культурности населенія — еврейская погрома сильно ослабила настроеніе подготовлявшихъ демонстрацію. Въ довершеніе всего произошло небольшое недоразумѣніе со знаменемъ. Его удалось взять съ квартиры, гдѣ оно хранилось, слишкомъ поздно, и, вдобавокъ, нѣкоторые весьма подозрительные признаки застявили товарища, взявшаго знамя, въ тотъ же день уѣхать изъ Екатеринодара. Было арестовано пять-семь рабочихъ. Приподнятое настроеніе продержалось еще нѣсколько дней; но демонстрація не состоялась. Причиной этому, конечно, послужили не мѣры полиціи, арестовавшей наугадъ около десятка рабочихъ, не принимавшихъ въ организаціи демонстраціи никакого участія и наводнившей городъ шпіонами и казаками, а тотъ короткій срокъ, въ продолженіе котораго подготовлялась демонстрація и низкій уровень мѣстныхъ рабочихъ. Настроеніе улеглось, но конечно не надолго. Порукою тому — тотъ энтузіазмъ, съ которымъ рабочіе относились къ рѣчамъ ораторовъ на собраніяхъ. Всѣ арестованные по этому дѣлу въ іюнѣ были выпущены.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСКЛЮЧЕНІЕ МИЛЬЕРАНА ИЗЪ ПАРТІИ ЖОРЕСИСТОВЪ.

3 января сенская федерація „французской соціалистической партіи" (т. е. партіи мильеранистовъ и жоресистовъ) вотировала 65 голосами противъ двухъ слѣдующую резолюцію:

„Гражданинъ Мильеранъ, на конгрессѣ въ Бордо, формально обязался стать дисциплинированнымъ солдатомъ и идти рука объ руку со своими товарищами изъ парламентской соціалистической группы. Это было формальное обѣщаніе, что онъ оставитъ свою индивидуалистическую политику. — Эту политику, которая является полнымъ отрицаніемъ существенныхъ принциповъ соціализма и послѣдствія которой отразились не только во Франціи, но и во всемъ интернаціональномъ соціализмѣ, гражд. Мильеранъ не только продолжалъ, но все болѣе утверждался въ ней, нарушая такимъ образомъ свои обязательства и всѣ свои обѣщанія, особенно вотумомъ отъ 23 ноября, когда изъ всей парламентской соціалистической группы онъ одинъ голосовалъ съ реакціей. — Въ виду этихъ фактовъ, соціально-революціонная федерація сенскаго департамента, принимая во вниманіе, что такое поведеніе вызываетъ сильное смятеніе и смѣшеніе понятій въ партіи; что все перестаетъ быть вопросомъ принципа и становится вопросомъ обстоятельствъ; что политика превращается исключительно въ дѣло компромиссовъ и ихъ; что пропаганда среди рабочихъ становится невозможною; что чувство отвращенія овладѣваетъ наиболѣе старыми и твердыми членами партіи; что активные дѣятели теряютъ энергію и вѣру; что группы распадаются; что вся партія отравляется этимъ ядомъ; что возникновенные интересы соціализма требуютъ, чтобы принята была энергичная мѣра, оправдываемая той сознательностью съ которой дѣйствуетъ гражданинъ Мильеранъ; принимая во вниманіе, что избирательный комитетъ гражданина Мильерана заявилъ, что онъ солидаризируется со своимъ депутатомъ, — постановляетъ: избирательный комитетъ гражданина Мильерана исключается изъ французской соціалистической партіи въ виду вотумовъ этого послѣдняго, равно какъ и самъ гражданинъ Мильеранъ".

Въ этой резолюціи (текстъ которой мы нарочно привели цѣликомъ, потому что онъ очень яркими красками, устами самихъ жоресистовъ, рисуетъ состояніе жоресистской партіи) прежде всего поражаетъ крайнее несоотвѣтствіе приговора съ выставшими его мотивами. Послѣ конгресса въ Бордо Мильеранъ почти всегда голосовалъ вмѣстѣ со своими товарищами-жоресистами, не потому, конечно, что онъ перемѣнилъ свое „поведеніе", а потому, что жоресисты все больше приближались къ нему. Всѣ они вмѣстѣ голосовали за то, чтобы войска не были отозваны изъ Сѣвернаго департамента, — когда рабочіе текстильной промышленности объявили стачку; вмѣстѣ они голосовали за правительство, когда парижскій префектъ варваріи избилъ безоружныхъ рабочихъ, устроившихъ собраніе въ Биржѣ труда; вмѣстѣ они голосовали бюджетъ тайной политической полиціи; вмѣстѣ они метали громы и молніи противъ итальянскихъ товарищей, рѣшившихъ освистать русскаго царя; вмѣстѣ, словомъ, они совершенно оставили пролетарскую политику и считаютъ себя не больше, какъ „лѣвымъ флангомъ партіи реформъ", объявляя революціонный соціализмъ „дѣтской утопіей" и „забавой". Почему же одному Мильерану разплачивается за всю „партію"?!

Правда, сенская федерація ссылается на вотумъ Мильерана отъ 23 ноября. Въ этотъ день одинъ радикальный депутатъ предложилъ въ палатѣ, чтобы французское правительство предложило другимъ правительствамъ приступить къ постепенному разоруженію. Изъ всѣхъ крайнихъ радикаловъ и соціалистовъ одинъ Мильеранъ, дѣйствительно, вотировалъ противъ этого предложенія. Но, вѣдь, онъ можетъ сказать, что такое требованіе въ современномъ буржуазномъ обществѣ есть не больше, какъ „дѣтская утопія", „забава", „платоническая манифестація" — и въ гораздо большей степени, чѣмъ отказъ вотировать бюджетъ тайной полиціи — противъ соц. партіи — и всѣ прочіе вотумы, перечисленные выше.

Допустимъ, что вотумъ Мильерана противъ разоруженія есть вотумъ гнусный. Но развѣ этотъ вотумъ могъ вызвать всю демораливацію и дезорганизацію, все разложеніе „партіи", картину которого столь ярко рисуетъ намъ резолюція сенской федераціи? Конечно, нѣтъ, — и это не могутъ не сознавать сами авторы резолюціи. Что „партія" разлагается — это вѣрно, но вызвано это разложеніе *всей* политикой Мильерана. Эта политика была и продолжаетъ быть политикой Жореса и всѣхъ жоресистовъ, которые тянутся въ хвостѣ радикальной партіи, не обнаруживая даже и той нѣкоторой смѣлости, которая отличаетъ нѣкоторыхъ простыхъ радикаловъ.

Резолюція сенской федераціи есть, по самому тексту своему, протестъ противъ *всей* этой политики, но протестъ трусливый, протестъ изъ за угла. Мильеранъ теперь активной роли не играетъ. Его престижъ въ партіи давно палъ. Всѣ отвѣтственность за политику „партіи" послѣднихъ двухъ лѣтъ падаетъ исключительно на Жореса, дѣйствительнаго вожака ея, единственной ея теоретической силы, единственнаго автора всѣхъ „компромиссовъ и измѣнъ". Мильеранъ поставилъ „принципъ", сдѣлалъ первый практическій шагъ, — дальнѣйшее развитіе этого „принципа" и этой практической политики принадлежитъ Жоресу. Но четыре года „сотрудничества классовъ" настолько лишили мужества и смѣлости всю партію жоресистовъ, въ томъ числѣ и сенскую „соціально-революціонную" федерацію, что она не рѣшается выступить противъ Жореса и его системы, — потому что Жоресъ боролся бы, и это значило бы признать, между прочимъ, и свое полное банкротство, — и предпочитаетъ свалить всю вину на Мильерана, который могъ только обрадоваться своему изгнанію, потому что его и безъ того тяготило пребываніе въ рядахъ партіи, связывавшей — хоть и въ очень слабой степени — его „инициативу".

Но какимъ бы слабымъ, трусливымъ, замаскированнымъ протестомъ ни была резолюція сенской федераціи, — это, всетаки, протестъ. И этотъ протестъ, рядомъ со многими другими фактами, показываетъ, что партія Жореса идетъ быстрыми шагами къ разложенію. Сумѣютъ ли наши товарищи, французскіе соціалъ-демократы, — теперь же использовать во всемъ объемѣ этотъ фактъ, — вотъ вопросъ, на который, откровенно говоря, мы бы сейчасъ не рѣшились дать опредѣленный отвѣтъ. К. Д.

СТАЧКА ВЪ КРИММИЧАХ.

Въ безконечно сложной жизни капиталистическаго общества трудно бываетъ часто разобраться во всей многообразной связи отдѣльныхъ эпизодовъ ея, трудно уловить то общее, главное, что красною нитью проходитъ черезъ всѣ — подчасъ, казалось бы, не имѣющія никакой связи между собою — перипетіи борьбы и треволненій отдѣльныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга общественныхъ группъ и группокъ. И особенно трудно тому, кто подходитъ къ этой жизненной сутолокѣ съ однимъ „здравымъ смысломъ", съ кругозоромъ не расширеннымъ путеводною мыслью сѣрной и всеобъемлющей теоріи. Всѣ колесики громадной общественной машины движутся, на первый взглядъ, совершенно независимо и отдѣльно другъ отъ друга: тутъ стачка, тамъ демонстрація, тамъ война, тамъ „мирное сотрудничество" рабочихъ и хозяевъ, тамъ крики „долой самодержавіе", тамъ — „да здравствуетъ соціализмъ"... И все это, повидимому, странно, невозможно, не связано между собою... Кажущаяся изолированность явленій вызываетъ и проекты изолированныхъ „средствъ" противъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Профессіональные союзы, третейскіе суды, соглашенія хозяевъ и рабочихъ, мирныя конференціи, реформы — все это поочередно фигурируетъ въ качествѣ всеисцѣляющаго средства въ представленіи тѣхъ или другихъ идеологовъ „здраваго смысла".

И вдругъ, какъ бы электрическая искра ущадетъ во всю эту сумятицу мелкой повседневной борьбы и повседневныхъ столкновеній и сразу освѣтитъ ихъ глубокую взаимную связь, ихъ обусловленность, ихъ подчиненность одной основной тенденціи жизни капиталистическаго общества; и сразу мелкое, изолированное событіе, ничѣмъ, казалось бы, не выдающееся изъ ряда другихъ, такихъ же мелкихъ и такихъ же обыденныхъ, превращается въ ясно видимый для всѣхъ эпизодъ единой грозной борьбы, составляющей основное содержаніе всей жизни современнаго общества, борьбы пролетаріата съ всѣми угнетающими его строемъ. И сразу всѣмъ, даже самымъ ослѣпленнымъ узостью своего „здраваго смысла", становится понятно, какъ тѣсно, неразрывно связаны между собою всѣ части единаго общественнаго механизма, какъ смѣшны и жалки мечтанія о пачаженіи мелкихъ средствъ.

Такова была судьба стачки, исторію которой мы хотимъ разсказать читателю. Начавшись по мелкому въ сущности поводу, ограниченная небольшой сравнительно группой рабочихъ и ихъ хозяевъ, она постепенно приковала къ себѣ вниманіе сознатель-

наго пролетаріата всѣхъ странъ, *пріобрѣла значеніе* важной и поучительной главы изъ исторіи развитія классовой борьбы пролетаріата съ капиталистическимъ обществомъ. Но будемъ разсказывать по порядку.

I.

5 мѣсяцевъ уже, какъ маленькій рабочій городокъ въ Саксоніи Криммичау является ареной отчаянной борьбы между рабочими и предпринимателями. Начиная съ половины августа 1903 г. 7500 ткачей и прядильщиковъ, мущинъ и женщинъ, выдерживаютъ бойкотъ[1]) со стороны предпринимателей, требующихъ отъ нихъ, какъ условія возобновленія работъ на фабрикахъ, безусловнаго подчиненія и отказа отъ всякихъ претензій. Подавленные и изнуренные тяжелымъ, непосильнымъ трудомъ, вѣчными недоѣданіемъ и невозможными условіями существованія, рабочіе горькимъ опытомъ пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что только требованія, настойчивыя требованія и упорная открытая борьба за нихъ могутъ хоть сколько-нибудь улучшить ихъ положеніе.

Больше четырехъ лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1899 года, рабочіе города Криммичау на громадномъ собраніи высказались за сокращеніе рабочаго времени и тогда же обратились къ союзу предпринимателей съ „покорной“ просьбой облегчить ихъ участь введеніемъ 10-тичасового рабочаго дня. Отвѣтомъ былъ категорическій отказъ. Производство въ Криммичау не въ состояніи выдержать самаго незначительнаго сокращенія рабочаго дня, какъ объяснили фабриканты. При переговорахъ съ отдѣльными хозяевами, одни заявляли, что они готовы скорѣе прекратить свое производство, чѣмъ согласиться на сокращеніе рабочаго дня; другіе, выражая рабочимъ свое сочувствіе, отдѣлывались отъ нихъ туманными, ни къ чему не обязывающими объщаніями. И все осталось попрежнему. На слѣдующій годъ движеніе среди рабочихъ въ Криммичау возобновилось, и они снова обратились къ фабрикантамъ, и съ прежнимъ успѣхомъ, со своей прошлогодней просьбой. То же самое повторилось и въ 1901 году. Фабриканты ничего и слышать не хотѣли ни о повышеніи заработной платы, ни о сокращеніи рабочаго дня. Между тѣмъ текстильное производство шло въ гору, барыши росли, а *техническія усовершенствованія*, увеличивая производительность труда, требовали отъ рабочихъ все большаго и большаго напряженія и физическихъ, и нервныхъ силъ. Прядильное колесо, напримѣръ, дѣлавшее когда то меньше 40 оборотовъ въ минуту, теперь дѣлало уже свыше 80, и рабочему приходилось напрягать все свое вниманіе, чтобы поспѣвать за машиной. Люди изнурялись при такихъ условіяхъ до послѣдней степени, и сокращеніе рабочаго дня являлось крайней необходимостью. И дѣйствительно, почти по всѣмъ городамъ Германіи въ текстильномъ производствѣ былъ введенъ 10-тичасовой рабочій день. Даже въ сосѣднемъ съ Криммичау городѣ, въ Меерантѣ рабочимъ удалось наконецъ добиться зимою 1901-1902 года послѣ четырехмѣсячной забастовки введенія 10-ти часового рабочаго дня. Ссылаясь на это, рабочіе города Криммичау сдѣлали въ мартѣ 1902 года новую, уже четвертую, попытку склонить хозяевъ къ добровольному сокращенію рабочаго дня. Рабочіе, на этотъ разъ уже въ лицѣ своей организаціи — криммичаускаго отдѣла общегерманскаго союза текстильныхъ рабочихъ, „почтительно просили“ уважаемый союзъ предпринимателей оказать рабочимъ и работницамъ города Криммичау „благодѣяніе“ и назначить для обѣденнаго перерыва полтора часа, сокративъ такимъ образомъ рабочій день. Четвертая попытка рабочихъ снова потерпѣла неудачу. То, что было возможно для фабрикантовъ сосѣдняго города Меерана, оказывалось невозможнымъ для фабрикантовъ города Криммичау. Послѣдняя неудача вызвала глубокое броженіе среди рабочихъ. Организація ихъ стала быстро расти. Даже старики записывались въ *ея* члены. Но и въ этотъ разъ рабочіе не предприняли никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ. Казалось, долготерпѣніе и кротости ихъ нѣтъ предѣла. Такъ привыкли думать и фабриканты. Они ни на минуту не допускали мысли, что эти покорные, подавленные непосильнымъ трудомъ ткачи и прядильщики смогутъ когда нибудь поднять голову, смогутъ заговорить рѣшительнымъ языкомъ. И однако . . . такой моментъ наступилъ. Пролетарская душа заговорила въ покорныхъ массахъ.

25 іюля 1903 г. въ Криммичау состоялось два огромныхъ собранія текстильныхъ раб. Оба эти собранія единогласно высказались за предъявленіе фабрикантамъ рѣшительныхъ требованій. На слѣдующій же день Комитетъ криммичаускаго отдѣла общегерманскаго союза текстильныхъ раб., которому было поручено привести въ исполненіе постановленіе собраній, обратился къ союзу предпринимателей съ письмомъ, въ которомъ категорически предлагалось сократить рабочій день до 10 часовъ и одновременно повысить на 10% заработную плату для всѣхъ рабочихъ, занятыхъ сдѣльно. Рабочіе ждутъ отвѣта до 1 августа, чтобы затѣмъ принять какое нибудь рѣшеніе, говорило между прочимъ письмо. Фабриканты сразу уловили въ немъ совершенно непривычныя для себя ноты и тянуть съ отвѣтомъ, какъ это бывало раньше, не рѣшились. Отвѣтъ былъ данъ до 1 августа, но, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ слишкомъ уклончивый, чтобы кого нибудь удовлетворить. Состоявшіеся переговоры фабрикантовъ съ представителями отъ рабочихъ также ни къ чему не привели. Терпѣніе рабочихъ истощилось.

Въ тотъ же вечеръ произошло нѣсколько собраній, и на другой день рабочіе пяти фабрикъ, человѣкъ 600, объявили забастовку. Такой „дерзости“ никто изъ фабрикантовъ не ожидалъ. Требованія, предъявленныя рабочими, были крайне умѣренны. Онѣ сводились къ сокращенію рабочаго дня и къ небольшому повышенію заработной платы — выполнить эти требованія фабрикантамъ ничего не стоило. Но „текстильные бароны“, какъ ихъ называютъ въ Саксоніи, города Криммичау, этого глухого, забытаго всѣми уголка, слишкомъ сжились со своей властью и слишкомъ привыкли къ безотвѣтности рабочихъ массъ, чтобы пойти на какія нибудь уступки. Новая струя, которую они начали замѣчать за послѣднее время среди своихъ рабочихъ, возмущала ихъ до глубины души. Всякое, болѣе или менѣе независимое проявленіе со стороны рабочихъ встрѣчалось ими какъ личное оскорбленіе, какъ нарушеніе своихъ кровныхъ правъ. Главнымъ виновникомъ всего этого они считали быстро растущую рабочую организацію. Уступить теперь, значило содѣйствовать ея росту, значило поддержать бунтовщицкія наклонности рабочихъ. Къ тому же, послѣ грандіозной побѣды, одержанной германской соціалдемократіей 16 іюня этого же года при выборахъ въ рейхстагъ, всѣ германскіе фабриканты начали особенно ревниво оберегать свои „права“. Достойнымъ образомъ отвѣтить на дерзость рабочихъ, сломить ихъ упорство, въ корнѣ подорвать ихъ организацію и доказать имъ свою силу, вотъ какія задачи стали передъ фабрикантами. Тотчасъ же было принято рѣшеніе отвѣтить на забастовку 600 рабочихъ на пяти фабрикахъ закрытіемъ *всѣхъ* текстильныхъ фабрикъ въ городѣ впредь до полнаго и безусловнаго подчиненія рабочихъ волѣ своихъ *работодателей* Вызвать этой мѣрой страхъ и ужасъ среди рабочихъ, заставить ихъ сложить оружіе и однимъ ударомъ покончить со всѣмъ движеніемъ, вотъ на что разсчитывали фабриканты. Ихъ разсчеты не оправдались. Крикъ негодованія и возмущенія пронесся по рядамъ рабочихъ. Жажда борьбы охватила массы, борьбы за право на человѣческое существованіе. Спокойно и съ достоинствомъ покинули рабочіе свои фабрики, и долго еще въ этотъ августовскій вечеръ не замолкали улицы обыкновенно тихаго рабочаго городка.

Такъ началась эта борьба, вскорѣ разгорѣвшаяся благодаря вмѣшательству фабрикантовъ другихъ городовъ и правительства съ одной стороны и всего германскаго пролетаріата съ другой, въ грандіозную классовую борьбу. О всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы мы разскажемъ въ слѣдующемъ номерѣ „Искры“.

[1]) Бойкотъ или локоутъ — новая форма борьбы, примѣняемая предпринимателями противъ рабочихъ. Она состоитъ въ томъ, что хозяева въ отвѣтъ на забастовку *части* рабочихъ пріостанавливаютъ работу на всей фабрикѣ или на нѣсколькихъ фабрикахъ. При отсутствіи готовности принципіальной борьбы и поддержать стачечниковъ, выброшенныхъ такимъ образомъ на улицу, рабочіе могутъ оказать давленіе на стачечниковъ и заставить ихъ подчиниться. На это и разсчитываютъ предприниматели.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ редакціи. Заграничный представитель Ц. К. выпустилъ отдѣльнымъ листкомъ свое заявленіе по поводу захватки, помѣщенной редакціей въ № 55, въ отвѣтъ на письмо товарища Ленина.

По существу своего заявленія товарищъ изъ Ц. К. получитъ отвѣтъ въ подготовляемой нами къ печати брошюрѣ, о которой мы уже говорили. Что же касается непонятнаго нами его письма въ „Искрѣ“, то онъ знаетъ, что мы возбудили передъ Ц. К. вопросъ, беретъ ли послѣдній на себя отвѣтственность за „боевыя“ дѣйствія упомянутаго товарища, и впредь до полученія недвусмысленнаго утвердительнаго отвѣта на этотъ запросъ мы не можемъ позволить этому товарищу на столбцахъ „Искры“ дѣлать утвержденія, могущія, по нашему мнѣнію, поставить Центральный Комитетъ Партіи въ затруднительное положеніе.

Въ редакцію доставлены слѣдующія воззванія партійныхъ организацій: **Бакинскаго Комитета** — „Ко всѣмъ товарищамъ“. **Томскаго Комитета** — „Рабамъ Николая II“ (по поводу приговора о демонстраціи 18 февраля); **Полтавскаго Комитета** — „Ко всѣмъ учащимся“; **Екатеринославскаго Комитета** — „Къ мукомолахъ“; **Харьковскаго Комитета** — „Къ обществу“. **Донскимъ Комитетомъ** издана прокламація — „Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Асмолова“. **Петербургскимъ Комитетомъ** за октябрь и ноябрь изданы прокламаціи: 1) „Гомельскій погромъ“, 2) „Таганрогскій судъ“, 3) „Неудавшаяся поѣздка царя въ Вѣну“, 4) „О сверхурочныхъ работахъ“, 5) „Новый законъ объ увѣчьяхъ“ — по 10.000 экземпляровъ; сверхъ того отдѣльные листки для 1) Патроннаго завода (три листка), 2) Инструментальнаго, 3) Порохового, 4) Виннаго склада, 5) Къ наборщикамъ, 6) Заводъ Мельзера и др.

Вышли слѣдующія изданія: **Правдивъ**. Революціонные дни въ Кіевѣ, съ приложеніемъ статьи Вѣры Засуличъ. **Н. Троцкій**. П сѣздъ Р. С.-Д Р. П. (отчетъ сибирской делегаціи).

Некрологъ: 5 декабря въ Нижнемъ-Новгородѣ скончался 38 л. отъ роду **А. В. Пановъ**, принимавшій близкое участіе въ революціонномъ движеніи. Въ 1890 г. покойный — въ то время студентъ духовной академіи — былъ арестованъ по дѣлу Сабунаева и, кромѣ предварительнаго заключенія, отсидѣлъ одинъ годъ въ петербургскомъ „Крестѣ“. Въ 1896 году Пановъ былъ снова арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ; продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ окончательно подорвало и безъ того слабое здоровье покойнаго. Послѣ тюрьмы послѣдовалъ двухгодичный гласный надзоръ въ Самарѣ, и только въ 1899 году А. В. Пановъ снова вернулся въ Нижній, но уже смерть стояла за плечами.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Были аресты послѣ вечеринки технологовъ. Арестованъ прис. повѣренный Волкенштейнъ и высланъ на пять лѣтъ въ Олонецкую губернію за рѣчь, сказанную имъ на вечеринкѣ; инженеръ-технологъ Смирновъ — пять мѣс. Крестовъ; студенты техники Коганъ и Шапшалъ. **Таганрогъ**. Арестована въ 20 числахъ декабря типографія и при ней четыре человѣка. **Томскъ**. Въ первыхъ числахъ декабря взята типографія При ней взято два человѣка. **Иркутскъ**. Въ концѣ ноября арестованы супруги Гутовскіе (освобождены), Новодворскій, Поповъ, Виноградовъ и Лусейцій. **Красноярскъ**. Арестованы супруги Бойцовы. **Вильно**. Въ здѣшней тюрьмѣ, такъ называемой № 14, кромѣ старыхъ заключенныхъ, прибавилось около 15 человѣкъ новыхъ. Вотъ фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ: Анна Барышникъ (акушерка), Коганъ (инт.), Ольга Гродзенская (инт., выпущ. послѣ 2½ недѣль), Зефирь Сольцъ (фарм.), Огузъ (раб., выпущенъ). **Харьковъ**. Къ 1 декабря въ мѣстныхъ тюрьмахъ сидѣло по политическимъ дѣламъ 64 человѣка. Высланы въ Архангельскую губернію до приговора Воронцынъ, Смирнова, Моравскій; въ Сибирь до приговора: Агаревъ, докторъ Леоновъ, Матвѣевъ; на три года въ Восточную Сибирь писатель Фроловъ. **Сумы**. Пятаго августа арестовано 60-70 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. Сидѣли въ Сумахъ и другихъ уѣздныхъ тюрьмахъ. Теперь большинство выпущено; остались три человѣка въ Юнаковкѣ: Горохъ (два брата) и Ковалевскій, и восемь въ Богодуховѣ: Гавриловичъ, Альбертъ (инт.), Ад. Гетлеръ (бывш. студ.), Степановъ (бывш. студ.), Кирѣевскій, Ликстановъ и рабочіе: Феня, Іосифъ, Барановъ, Завальный. Обвиняются по ст. 250, 251 и 1037. Климъ Фроловъ, осужденный харьковской судебной палатой на 2½ года испр. арест. отд. за распространеніе прокламацій, переведенъ изъ Харькова для отбыванія наказанія. Въ Богодуховѣ онъ покушался на самоубійство, но его спасли. Держали его на общемъ положеніи, въ арестантской одеждѣ.

Нижній-Новгородъ. Провокація въ нашемъ городѣ усилено нападаетъ новымъ начальникомъ сыскного отдѣленія Гриневъ. Онъ привязчивъ къ себѣ рабочихъ и ведетъ съ ними рѣчи въ зубатовскомъ духѣ, вродѣ того, что „мы — за рабочихъ, только расходимся съ соціалъ-демократами въ средствахъ“.

На дняхъ было арестовано собраніе рабочихъ и интеллигентъ, который былъ съ ними. Вотъ ихъ фамиліи: Наумовъ (интел.), недавно пріѣхалъ изъ Перми; Обошниковъ, Гордѣевъ, Каловъ, Чиборисовъ, (раб.), дѣв. Рабиновичъ. Кромѣ того, взяты дѣвицы портнихи и Бѣлявская (тоже портниха): послѣднія три у себя на квартирахъ. Предполагаютъ доносъ. Шпіонобъ масса. Пришелъ приговоръ Комолову — 5 л. Арх. губ. **Харьковъ**. Въ ночь на 19 сент. были обыски у студ. унив.: братьевъ Барсадаковыхъ, Одоло-Кулакъ, Флокъ, Ковалевскаго и др. У пр. пов. Михновскаго опечатана квартира. Обыскъ у инжен. Ходкевича. Арестованы: студ. техн. Хоменко и Гордіенко, ст. унив. В. Мартоссъ и Антоновскій, студ. вет. бр. Михновскіе, С. и П. Андріевскіе, одинъ съ литературой, Яновскій, фельдш. Безкровная и еще трое рабочихъ и одинъ технологъ. 18 арест. по приказу изъ Кіева гимназистъ VIII класса Горденко. Образовалась орга низація ветеринаровъ. **Елисаветградъ**. На дняхъ были арестованы и немедленно отправлены на 5 л. въ Вост. Сибирь Цехновицеръ и М. Дашевскій. Искали еще троихъ, но тѣ успѣли скрыться. Новымъ тутъ было то, что „приговоръ“ пришелъ совершенно неожиданно. Кромѣ Дашевскаго никто не былъ прив. ни къ какому „дѣлу“ и даже не вызывался на какіе бы то ни было допросы. — 15 ноября ночью было накрыто собраніе въ 60 человѣкъ. Арестовано изъ нихъ 25 чел., остальные разбѣжались. Среди арестованныхъ называютъ слѣдующія имена: М. Стародубскій, Б. Гричевскій, Алексѣй Гордѣевъ, Илья Петлицкій (портной), Григорій-мельникъ. Виновникъ провала — проникшій на собраніе шпіонъ.

Кострома. Изъ Полтавской тюрьмы привезенъ Панфиловъ, арестов. весной въ Костромѣ на улицѣ, по доносу провокатора Кубрякова. Кубряковъ, раб. только что отбылъ гласный надзоръ въ Саратовѣ по Костр. дѣлу 1900 г., теперь онъ получаетъ жа лованье отъ жанд. управл. Предупреждаетъ товарищей объ этомъ безусловно вредномъ провокаторѣ, тѣмъ болѣе, что говорятъ, онъ будто уѣзжаетъ изъ Костромы, гдѣ его уже узнали и недавно основательно побили. Панфиловъ будетъ судиться въ окр. судѣ за проживательство по чужому паспорту.

Вышли приговоры по дѣлу о демонстраціи 8-го мая въ Костромѣ: бывшій студ. Моск. Техн. Уч. Василій Крыловъ — 6 л. Вост. Сиб., раб. Куракинъ, взятъ со знаменемъ — 4 г., рабочіе Малышевъ, Корсаковъ, Даниловъ, Батуговскій, Былининъ и Поваровъ — на 3 г. Арханг. губ.

Арестованные наканунѣ демонстраціи и обвиняемые, какъ организаторы послѣдней, рабочіе Галочкинъ и Петровскій (по совокупности съ дѣломъ сѣверного рабочаго союза 1902 г.) по 4 г. Вост. Сиб. Вышли еще приговоры во апр. (902 г.) дѣлу о распр. майскихъ прокламацій: стат. Иванъ Никон. Савинъ и Мѣтелкинъ — 3 г. Арх. губ., стат. Батуевъ и уч. химико-техническаго училища Тарелкинъ — 2 г. глас. нада.

За революціонные возгласы въ Костромскомъ дворянскомъ собраніи во время студ. концерта въ февралѣ 903 г. высл. моск. студенту Борису Яковлеву — 2 м. ареста при полиціи.

Въ ноябрѣ въ Костромѣ арестованы: Иванъ Арефьевъ. Сапжуръ, интел. (у него найдено 2½ пуда нелегальн. литературы), Василій Козловъ, сотрудникъ „Сѣвернаго Края“, Павелъ Лебедевъ. акциз, чиновн., Н. Романовъ, домовладѣлецъ, Е. С. Ширская, ювоч. гимназію, Барабановъ Конст., рабочій, только что отбывшій глас. надз. въ Казанской губ. по Костром. дѣлу 900 г., Кулицкій и Задорнитъ, раб., Мальцевъ и Лебедевъ, рабочіе, Лебедевъ и Клавдіевъ, учен. химико-технич. учил., послѣдніе 4 на другой день освобождены. Раб. Горшковъ, мужъ и жена Принцевы, рабочіе Шотманъ, Андреевъ и Бутягинъ. Былъ обыскъ у Загайной.

Полицейскій десятскій подгородной Ипатіевской слободы Кожаровъ, арест. въ іюлѣ за разбр. проклам. Костр. Ком., сосланъ на 3 г. въ Архангг. губ.

Дѣло о стачкѣ разбиралось, какъ уголовное, въ Костр. окр. судѣ, приг. слѣдующіе: раб. Барабошкинъ — 1 г. арест. ротъ, Рубцовъ — тоже, Потаповъ — 2 г. арест. роть, трое по 3 мѣс. тюрьмы: Петровъ, Соглачаевъ, Кашинъ; 16 чел. оправдано.

Кременчугъ. Получили приговоры: Іосифъ Молдавскій — 6 л. Вост. Сиб. за очень странное провокатор. дѣло, гдѣ не было никакихъ уликъ, Мотька Смоляницкій, мѣстное дѣло нынѣшняго года о распространеніи первомайскихъ листковъ — 3 г. Вост. Сиб. Александра Татаренко отправляютъ въ Вост. Сиб. до приговора. (Привлекается по ростовскому и др. дѣламъ). Извѣстны приговоры по Черниг. дѣлу типограф. соц.-рев. Шапиро 10 л. В. С. По Екатер. прошлогоднему дѣлу с.-р. Мееру Добровенскому — годъ отсидки и затѣмъ 5 л. Вост. Сиб.

Москва. Въ Бутырскую тюрьму въ декабрѣ прибыли слѣдующія лица, идущія въ Восточную Сибирь: Лишкинъ (частный учитель) по Рославскому (Смоленской губ.) дѣлу с.-р. на 3 года Восточ. Сибири; Беньяминовичъ, портной, по Ковенской демонстраціи въ театрѣ на 3 г.; Зилотинъ, учитель, по Тамбовскому дѣлу с.-р., Багаевъ, рабочій, по Сѣверн. Раб. Союзу и Мелеховско-Муромской крестьянско- рабочей организаціи до приговора; по дѣлу Виленской театральной демонстраціи рабочіе: Гейлинманъ, Шицъ, Чижевскій и Шейнкманъ — 5 л. В. Сиб., Капланъ — 6 л., Кикоенъ — 3 г., Сергинтъ — 4 г. Вост. Сиб.; работницы: Лія Каганъ и Сара Вишнаринсъ — 3 г. Вост. Сиб., Магидинъ, раб., по Одесскому с.-р. дѣлу — 4 г. В. Сиб.; Перельманъ и Унгеръ, рабочіе, по Лодзинскому дѣлу Бунда до приговора; Глейберманъ, акушерка по Вѣлостокскому дѣлу Бунда до приговора; Абрамъ Бернадзкъ, по Виленскому дѣлу Бунда — 6 л. В. Сиб.; Мещеряковъ, инж., по дѣлу Московскаго комитета Р. С.-Д. Р. П., до приговора.

13 декабря идетъ партія въ Вост. Сибирь изъ слѣдующихъ лицъ: упомянутые выше Зилотинъ, Чижевскій, Капланъ, Кикоенъ, Лія Каганъ, Вишнаринсъ и Глейберманъ, Мещеряковъ. Затѣмъ слѣдующія лица: Ривкинъ, врачъ, Ривкина-Блуфштейнъ, его жена — на 5 и 4 г.; Гинебургъ, сынъ купца, — на 3 года; по Рославскому дѣлу с.-р.: Штейманъ, Золотовицкій, рабочіе, — на 5 л., Миллеръ, рабочій, — на 3 г.; по Витебскому дѣлу Бунда: Капланоичъ, част. учитель, изъ Вильно за с.-р. пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ — на 3 г.; Комоловъ Макаръ, хоз. мастерской изъ Нижняго, за с.-д. пропаганду среди войска и крестьянъ — на 5 л.; Рабиновичъ, фармац., по СПБ. Комитету Р. С.-Д. Р. П.; Зильбербергъ, раб., по Лодзинскому и Бѣлостокскому дѣлу Бунда; Бѣленковъ, раб., и Юзвинскій по Одесскому дѣлу с. р. — до приговора; Богдановъ, б. студентъ Лѣсного Института, по СПБ. Союзу Рабочихъ 1901 г., Костром. сд. дѣлу 901 г., Сѣверян. Раб. Союзу и Костр. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 902 г. — на 4 г.; Коганъ, част. учитель изъ Шклова, окр. пор. за неблагонадеж. вообще — на 5 л.; Минкинъ, раб. изъ Могилева, по дѣлу Бунда — на 3 г.; Левинъ, нелег., по Минскому дѣлу Бунда — на 5 л.; контрабандистъ изъ Варшавы и 5 контрабандистовъ изъ Вержболова идутъ охран. порядкомъ, какъ политическіе, первый — на 3 г., а остальные пять — на 5 л. В. Сиб. по подозрѣнію въ перевозкѣ эмигрантовъ.

Въ Архангельскую губ. идутъ солдатъ Ревенко на 3 г. и казакъ Асріевъ — на 4 года за то, что первый, будучи въ цѣпи во время Тифлисской демонстраціи, защищалъ демонстрантовъ, а послѣдній не только ихъ защищалъ, но даже уговаривалъ прочихъ казаковъ ихъ не трогать, Кряжинскій изъ Самары на 3 г., Калчанръ, рабочій, изъ Кіева, по дѣлу соціалистовъ-революц. по дѣлу Бакинской демонстраціи рабочіе: Волосовичъ, Асеріанцъ; Балагугзе, рабочій по дѣлу Батумской демонстраціи на 4 года и Баваніанцъ, — на 4 г. Багріану — на 4 г., Хахетелидзе раб. по дѣлу Тифл. демон. — на 3 г., Мартынова, 55 л., обвин. въ содержаніи конспиративной квартиры по Севастоп. соц.-дем. дѣлу — на 3 г., Ясинскій раб. изъ Одессы за пропаг. среди солдатъ— на 4 г., Косднеръ, раб. изъ Варшавы за стачку — на 3 г. Волог. губ.

Сосланы въ Вост. Сиб.: до приговора Леонила Бироитъ, по дѣлу Москов. Ком. Р. С. Д. Р. П.. Клиряковъ, студ. Яросл. лицея по дѣлу Яросл. студ. Ком. на 3 г. и Квалевакъ, студ. изъ Варшавы по дѣлу с.-д. Литвы и Польши — на 3 г.

Бѣжалъ изъ Восточной Сибири и прибылъ заграницу П. Лепешинскій (былъ сосланъ во второй разъ до приговора по дѣлу „Искры“).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Центр. Комитета. 25 р. отъ № 26; 500 фр. (406 мар.) черезъ Г. С. Д., изъ нихъ отъ В. черезъ А. 20 мар.; 5 мар. отъ С. К.

Въ кассу Ц. К. для изданія армянской литературы поступило съ вечера — 300 фр., изъ Ж. — 35 фр., изъ Л. — 40 кронъ. отъ неизвѣстнаго — 100 фр.

Отчетъ Заграничной Лиги Русск. Рев. Соц.-Дем. Изъ Берна за ноябрь — 475 фр. 50 с. (за литературу 242 фр. 60 с., изъ Сибири на „Искру“ 40 фр., Б. К ф. 75 фр., на „Искру“ 20 фр.; съ реф. 58 фр. 70 с., на соц.-дем. литературу 32 фр. 80 с.,, карточки 6 фр. 40 с.), за декабрь — 508 фр. (за литературу 219 ф. 10 с., Б. К. ф 159 фр. 55 с., съ вечера 81 фр. 60 с., членскіе взносы 37 фр. 50 с., карточки 10 фр. 25 с.). Отъ бернской спб. и эмигрантской кассъ послано черезъ Лигу въ См. К. 20 фр, и въ Екат. на поддержку товарища 20 фр. Отъ Лозаниской сибирской кассы черезъ Лигу послано въ Сибирь 120 фр. Отъ Мюнхенской группы содѣйствія Партіи — 500 мар. Отъ Цюрихской группы — 372 фр. 50 с. Отъ Парижской группы — 200 фр. Отъ Лозаниской группы за ноябрь — 186 фр. 25 с., за декабрь — 303 фр. Отъ Болг. тов. 40 шилл.

Въ кассу Ц. К. Лягой передано за ноябрь декабрь 420 фр. и 500 мар. Для стачечниковъ въ Криммичау отправлено 50 фр.

П. П. Получено. Благодаримъ. — **Орелъ**. Письмо отъ 3-го декабря получили; ключъ Даши намъ неизвѣстенъ. Сообщите его, а также адресъ для переписки. — № 1001. Получено. — **Емельяну**. Получены №№ 4 и 5.

Продолженіе статьи П. Б. Аксельрода, помѣщенной въ № 55, откладывается за недостаткомъ мѣста.

Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей просятъ насъ заявить, что въ виду конспиративныхъ соображеній, они вынуждены въ помѣщаемыхъ въ „Искрѣ“ отчетахъ ограничиваться одними инціалами.

Типографія Партіи. Genève, Coulouvrenière, 27.

Приложеніе къ № 56 „Искры“.

Организаціонные вопросы.

(Письмо въ редакцію).

Уважаемые товарищи! Организаціонные вопросы живо волнуютъ въ настоящее время всѣхъ партійныхъ работниковъ. Среди нихъ, какъ намъ извѣстно, происходятъ теперь дискуссіи о нашемъ организаціонномъ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ Партіи. Эти горячія дискуссіи нашли *нѣкоторый* откликъ и въ „Искрѣ“. А рѣзкія организаціонныя разногласія повели къ воскрешенію Петербургской „рабочей организаціи“, опять отколовшейся отъ Комитета Партіи. Повели недавно къ образованію „демократической“ армянской организаціи, не признающей нашего „централистическаго“ устава. Партійный органъ является той платформой, съ которой передъ *всей* партіей обсуждаются вопросы, ее волнующіе. Обращаюсь, поэтому, къ редакціи съ просьбой дать мѣсто на страницахъ „Искры“ моему письму.

* * *

Организаціонный уставъ нашей Партіи построенъ на централистическомъ принципѣ (хотя нужно признаться, принципъ этотъ во многихъ отношеніяхъ не выдержанъ, напримѣръ, въ первомъ пунктѣ устава. Но объ этомъ послѣ).

Организаціонный централизмъ, какъ показываетъ и само слово, означаетъ объединеніе всей партіи около своего центра. Но онъ означаетъ также и *постепенную* перестройку партіи сверху внизъ. Усиленіе центра несомнѣнно должно имѣть своимъ послѣдствіемъ ростъ размаха мѣстной работы... Но и обратно. Центръ можетъ быть только тогда силенъ, когда всѣ партійныя организаціи проникнутся сознаніемъ важности имѣть сильный, крѣпкій партійный центръ. Когда кругомъ со стороны *всѣхъ* партійныхъ организацій ему будетъ оказываться широкое товарищеское содѣйствіе... И пока централизація только, такъ сказать, вводится въ партію, пока центръ еще не окрѣпъ, особенно серьезная обязанность каждой партійной организаціи, каждаго члена партіи *всѣми* силами укрѣплять центръ, стянуть къ нему въ руки *всѣ* партійныя нити. Такъ какъ *только въ такомъ случаѣ центръ можетъ проявить въ полномъ размѣрѣ свою работоспособность и этимъ оправдать передъ партіей довѣріе, оказанное ему актомъ выбора*. Мало того. Эта задача укрѣплять всѣми силами партійный центръ не прекращается для партіи и тогда, когда центръ болѣе или менѣе уже окрѣпъ; когда онъ уже въ состояніи проявить тотъ широкій размахъ своей партійной работы, на который, по существу, въ силу своего положенія, неспособна никакая мѣстная организація.

Вполнѣ понятенъ *мѣстный*, такъ сказать, патріотизмъ. Вполнѣ законно, и, по существу, даже обязательно, стремленіе мѣстныхъ дѣятелей сосредоточиться на мѣстной работѣ... И отсюда безусловно обязательно въ партіи раздѣленіе функцій между мѣстными и центральными учрежденіями. Но, какъ *соціальдемократы*, мы представляемъ интересы пролетаріата въ его цѣломъ; и поэтому приходскіе, профессіональные, областные или „національные“ интересы какой нибудь части пролетаріата мы должны всегда связывать съ интересами общеклассового пролетарскаго движенія. И вотъ для того, чтобы мѣстное движеніе шло къ той цѣли, которую классовое движеніе россійскаго пролетаріата ставитъ, необходимо мѣстное движеніе и мѣстныя силы соціальдемократовъ приводить въ возможно болѣе тѣсную, непосредственную, товарищескую связь съ центромъ для того, чтобы, поддерживая его своими силами, вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться совѣтами, указаніями болѣе свѣдущихъ, болѣе опытныхъ товарищей. Партійный центръ для нашей соціальдемократической партіи, самой организующейся и организующей пролетаріатъ для боевой кампаніи противъ царизма, центръ, повторяю, въ нашихъ глазахъ, для партіи то же, что для военной арміи генеральный штабъ.

Второй съѣздъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи превосходно понялъ это. Въ самомъ дѣлѣ. Вглядитесь въ нашъ уставъ. Онъ предоставляетъ нашему Центральному Комитету огромныя и вполнѣ законныя полномочія. Ц. К., гласитъ пунктъ шестой, организуетъ комитеты, союзы комитетовъ и всѣ другія учрежденія Партіи и руководитъ ихъ дѣятельностью. *Распредѣляетъ силы и средства Партіи*. Вообще *объединяетъ и направляетъ* всю практическую дѣятельность Партіи. Далѣе. По пункту девятому, новыя партійныя организаціи утверждаются Ц. К. *Всѣ* постановленія Ц. К. обязательны для всѣхъ партійныхъ организацій, которыя обязаны также давать *опредѣленныя Ц. К.* средства въ *центральную* партійную кассу...

* * *

Но тутъ приходитъ къ намъ цѣлая толпа критиковъ централизма. Одни, и это болѣе послѣдовательные изъ нихъ, отвергая централизмъ, какъ способъ построенія партіи, отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ централистическій уставъ.

Другіе, признавая централизмъ въ теоріи, на практикѣ, въ примѣненіи централистическаго устава сводятъ его къ красивой „вывѣскѣ“, только *предвыющей*, и то въ *далекомъ будущемъ*, дѣйствительное организаціонное единство партіи, единство, при русскихъ условіяхъ мыслимое только при *послѣдовательномъ безусловномъ примѣненіи* на практикѣ централистическихъ принциповъ. Первые объявляютъ самый нашъ уставъ бюрократическимъ., вторые говорятъ, что при точномъ и безусловномъ проведеніи его жизнь, прекрасная идея („вывѣска“ тожъ) централизма превращается въ простой, неприкрашенный бюрократизмъ.

Эти критики централизма причислены въ передовицѣ 52 № къ „анархическимъ“ душамъ. И совершенно справедливо. Для насъ одно является только вопросомъ. Гдѣ у нихъ, у этихъ критиковъ, большая анархія: въ сердцѣ или разсудкѣ? Пожалуй, и здѣсь, и тамъ немалая.

Въ самомъ дѣлѣ. Критики заявляютъ свою полную и глубокую вѣру во всемогущее и всеспасительное вліяніе чистой идеи. Но они, какъ это намъ удалось уловить изъ ихъ критики отдѣльныхъ, наиболѣе существенныхъ пунктовъ нашего устава, аки бѣса, ненавидятъ всякія нормы, особенно нормы, въ которыхъ анархія поведенія должна замѣниться безусловной партійной дисциплиной.

Торжественно разсказывали намъ эти господа, что вотъ, превосходные „практики“, товарищи изъ Бунда, запротестовали на съѣздѣ противъ *такого* централизма... Но кто не понимаетъ, что бундовцы были противъ нашего устава совсѣмъ по особымъ, „музыкальнымъ“, такъ сказать, мотивамъ. И „музыка“ ихъ заключалась въ тѣхъ перегородкахъ, которыми они хотѣли разбить общеклассовое движеніе россійскаго пролетаріата, имѣющаго *общія* конечныя, и что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, *общія* ближайшія цѣли. Хотѣли разбить, перестроивши единую россійскую соціальдемократическую партію на федерацію (союзъ) *національныхъ* соціальдемократическихъ организацій. А что касается до формы организаціи самого Бунда, то онъ построенъ по несравненно болѣе централистическому плану, чѣмъ это для нашей Партіи предлагаетъ нашъ уставъ. И только такіе политическіе младенцы, какъ товарищъ Акимовъ, могутъ говорить о республиканской организаціи Бунда, а такіе, воистину, любомудры, какъ критики нашего устава (или самыхъ существенныхъ его пунктовъ, что, въ сущности, то же самое), могутъ вѣрить оказнямъ Акимовыхъ и не видѣть „музыки“ бундовцевъ..

Если же вы имъ, нашимъ критикамъ, укажете еще и то почти полное единодушіе, съ какимъ подавляющее большинство съѣзда (и „теоретиковъ“, и „практиковъ“) приняло нашъ уставъ, то вы услышите отъ нихъ въ отвѣтъ, что эпоха кустарничества, разброда, шатаній естественно выдвинула голую антитезу: организаціонный централизмъ; что партійные дѣятели, воспитавшіеся на узкомъ полѣ маленькой работы, порвавши съ кустарничествомъ и со свойственнымъ ему *специфическимъ* экономизмомъ, естественно перегнули дугу въ 180°, сдѣлавшись централистами. Кустари, обанкротившись, стали, молъ, рабами централизма. Ну, а вы, любомудры, вѣдь вы сами на съѣздѣ голосовали за нашъ уставъ! Значитъ, этимъ своимъ голосованіемъ вы *только* указывали на свое банкротство, какъ кустарей... Своимъ голосованіемъ вы выдавали себѣ еще аттестатъ „рабовъ“ централизма... Выходитъ, что такъ нужно понимать признаніе вами нашего

устава en bloc? ...любомудры, любомудры!.. Но, можетъ, въ критикѣ централизма скрывается что-то другое? Я говорю о намекахъ, дѣлаемыхъ въ № 53 „Искры“ въ послѣсловіи редакціи къ письму Ленина, гдѣ говорится, напримѣръ, о „неуживчивости“... Вы помните, товарищи, то чудесное мѣсто въ плехановскомъ памфлетѣ противъ Рязанова, гдѣ Плехановъ, ища корней „буквоѣдства“ почтеннаго товарища Рязанова, находитъ ихъ въ „музыкѣ“, которую „хозяинъ“ очень любилъ. Мнѣ думается, и у нашихъ критиковъ „музыка“ спеціальнаго рода играетъ немалую роль... Конечно, „музыка“ — музыкѣ рознь. Мотивы нѣкоторыхъ критиковъ централизма напоминаютъ мнѣ скорѣе не „рязановщину“, а ту анархическую по существу позицію, въ которую часто становится Literatentum соціальдемократіи къ классовому пролетарскому движенію... По справедливому замѣчанію Каутскаго въ его статьѣ о Мерингѣ, люди мысли, пера, хотя отдавшіеся дѣлу пролетаріата, рѣдко бываютъ съ той партійной выдержкой, которая, пропитывая человѣка насквозь, его мысль, и чувства, и волю, заставляетъ его во имя высшихъ партійныхъ, объективныхъ интересовъ жизни, забыть свое личное, субъективное;[1]) заставляетъ окончательно порвать съ той „чуткостью“ таланта, „чуткостью“ развитого интеллекта, которая именно и даетъ такую богатую почву для специфическаго „индивидуализма“, мѣшающаго человѣку быть *солдатомъ* боевой партіи. Я употребляю и даже подчеркиваю слово „солдатъ“, хотя много намъ приходилось слышать горькихъ, и нужно признаться, жалкихъ фразъ относительно этого слова. На наши взгляды о партійной дисциплинѣ намъ возражали: Либкнехтъ, молъ, употреблявшій слово „солдатъ“, говорилъ о себѣ, какъ о солдатѣ революціи (а не *партіи*). Конечно, товарищи, наша партія не дѣлится на солдатъ и генераловъ. И въ *этомъ смыслѣ* нѣтъ въ партіи солдатъ. Но партія — не анархическая община, ячейка будущаго общества. Наша партія — это боевая организація, въ которую входятъ люди ради тѣхъ цѣлей, за которыя партія борется. Люди — единомышленники въ программѣ партіи, ея тактикѣ, ея организаціи. Конечно, „добрая воля“, а не принужденіе (какъ въ нынѣшнихъ войскахъ) заставляетъ людей входить въ партію.

Но сознательно и по „доброй волѣ“ войдя въ партію, мы должны считаться съ „доброй волей“ и нашихъ товарищей, уважать ее, и не должны допустить разрушенія нашего партійнаго единства, нашей партійной сплоченности изъ-за вопроса о тѣхъ или другихъ *выбранныхъ уже* съѣздомъ партіи въ дирижерскіе центры *руководителей* движенія, *временныхъ „генераловъ“*, выражаясь языкомъ военныхъ. Пусть за тѣми или другими „дирижерами“ скрываются различные оттѣнки организаціонной политики. Но, уважая коллективную волю партіи, мы должны не къ тому стремиться, чтобы каждый „оттѣнокъ“ былъ представленъ въ центральныхъ учрежденіяхъ партіи, а къ тому, чтобы, *не нарушая мира въ партіи, дать возможность всей партіи ознакомиться съ различными „оттѣнками“* организаціонной политики, съ нашими взглядами на нее, и критикуя взгляды и поступки товарищей-„противниковъ“, мы должны *товарищески* воздѣйствовать на *данный* составъ центральныхъ учрежденій и если нужно, то, опять таки не нарушая мира въ партіи, идейно воздѣйствовать и на *„добрую коллективную волю“* всей партіи.

А добрая воля революціонера“? Она у *человѣка партіи* естественно вызываетъ безграничную, неустанную работу въ партіи и для партіи, работу подъ руководствомъ болѣе опытныхъ товарищей. Вызываетъ еще партійную дисциплину. Конечно, до тѣхъ поръ, пока партія еще не выполнила своихъ цѣлей, послѣ чего она въ сущности, фактически перестанетъ уже, какъ таковая, существовать для своихъ членовъ. Или до тѣхъ поръ... пока человѣкъ не разочаровался въ своей партіи. И намъ всѣмъ хорошо извѣстно, какъ „партійность“ всегда возмущаетъ тѣхъ буржуа, которые не чувствуютъ нужды объединяться въ свою партію... Та партійность, которая заставляетъ людей партіи итти въ ея рядахъ, нога въ ногу, итти за своими вождями, поставленными на „дирижерскіе“ посты довѣріемъ партіи. Та партійность, которая заставляетъ „умѣть“ и „хотѣть“ подчинять во всѣхъ *частныхъ* вопросахъ свою личную добрую волю той коллективной волѣ партіи, которая выражается, между прочимъ, и черезъ посредство центральныхъ учрежденій...

Дѣлать все это заставляетъ насъ необходимость партійнаго единства, безъ строгой дисциплины немыслимаго въ боевой партіи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами... И еще, и еще разъ повторю. Мы *не можемъ* изъ-за неважныхъ *„разхожденій“* разрушать крѣпость партіи, образовывая *самостоятельныя* группы, вродѣ армянской вышеупомянутой организаціи, ослабляя этимъ существующія партійныя учрежденія. Потому что сила и крѣпость нашей партіи зиждется на единствѣ, сплоченности и, повторю, партійной выдержкѣ, дисциплинированности ея членовъ. Да, да, мы всѣ солдаты партіи. Солдаты, поскольку мы всегда находимъ мужество скинуть со счетовъ жизни чисто индивидуальные или кружковые интересы, разъ они приходятъ въ конфликтъ съ интересами общепартійными.

Еще, товарищи, мы — солдаты постольку, поскольку личныя чувства, симпатіи и антипатіи умѣемъ умѣрять, когда этого требуютъ общепартійные интересы. Поскольку имѣемъ мужество прекратить *обостренную* форму борьбы, когда партія, по справедливому замѣчанію товарища Плеханова, особенно требуетъ мира.

Но, конечно, наша дисциплина вовсе не требуетъ отъ насъ превращенія въ автоматовъ, бездушныхъ, хотя и проворныхъ, преданныхъ исполнителей лозунговъ, даваемыхъ партійными учрежденіями... Конечно, не автоматовъ. И не только „умные“ Собакевичи, но и самые, самые глупые, самые тяжеловѣсные въ движеніяхъ своей мысли, дѣтки въ политическомъ отношеніи, не скажутъ вамъ, что въ партіи, опирающейся на живое движеніе, мыслимы вожди, махающіе палочкой, по мановенію которой члены партіи дѣлаютъ тѣ или другіе автоматическіе повороты, то вправо, то влѣво; то составляя *по мановенію одной палочки* компактное большинство, то *по мановенію другой палочки* образуя хотя и не совсѣмъ компактное, но довольно плотное и *твердое* меньшинство... Всѣ мы превосходно знаемъ, что сила и могущество соціальдемократіи зависитъ всецѣло отъ роста политической сознательности, зрѣлости пролетаріата. И *соціальдемократія перестаетъ, какъ таковая, существовать*, если работа ея не совершается въ этомъ именно направленіи. То есть, въ неустанномъ политическомъ воспитаніи всего пролетаріата, въ неустанномъ расширеніи его политическаго опыта, его сознательности.

* * *

Теперь выслушаемъ нашихъ критиковъ. Для доказательства того, что нашъ организаціонный уставъ при точномъ проведеніи его въ жизнь (что само собой разумѣется) неминуемо ведетъ къ бюрократизаціи, а, слѣдовательно, къ гибели движенія, наши критики приводятъ намъ слѣдующіе доводы.

Классовое движеніе пролетаріата требуетъ живыхъ, свободныхъ формъ, въ которыхъ самодѣятельности и свободѣ „индивидуальностей“ лицъ и группъ не ставились бы преграды. А пунктъ девятый нашего устава, между тѣмъ, требуетъ *утвержденія* всѣхъ новыхъ партійныхъ организацій Центральнымъ Комитетомъ. Пунктъ одиннадцатый говоритъ о правѣ Ц. К. распредѣлять партійныя силы. Ну, а если, говорятъ намъ, партійные работники по тѣмъ или другимъ причинамъ не найдутъ себѣ подходящей по ихъ способностямъ и желаніямъ работы ни въ *одной* изъ существующихъ организацій, если ихъ способности и взгляды не найдутъ себѣ *достаточной* оцѣнки въ Ц. К. Вѣдь не согласятся же они, конечно, чтобы ими, какъ пѣшками, распоряжался Ц. К. (смотри пунктъ девятый: право Ц. К. распредѣлять партійныя силы)... Смотрите на Западъ, кричатъ наши критики. Тамъ не только свободно, не бюрократическимъ путемъ, не сверху внизъ — возникаютъ многія организаціи, но и центръ не имѣетъ такихъ безусловныхъ огромныхъ правъ надъ организаціями партіи, надъ ихъ членами. Вѣдь, такимъ путемъ Ц. К. легко можетъ давить всякую *самомальѣйшую* (sic!) оппозицію себѣ, легко можетъ подавлять просто уставомъ всякія расхожденія, хотя бы въ оттѣнкахъ...

Ну какъ не вспомнить тутъ незабвеннаго Рязанова съ его *„критикой“* проекта программы „Искры“ и „Зари“, проекта, ставшаго теперь нашей партійной программой! Какъ кстати не вспомнить всѣхъ и всяческаго толка оппортюнистовъ съ ихъ криками о подавленіи нами, соціальдемократами, „свободы критики“! Эхъ, господа! „Свободолюбивы“ вы, это пожалуй, только въ любви вашей къ свободѣ мало дѣйствительной преданности тому *дѣлу свободы*, за которое мы, соціальдемократы, теперь ратуемъ, кладемъ наши силы. Но за то много любви у васъ къ той „музыкѣ“, нѣжной, сладкой, мирной до убаюкиванія, которая съ пролетарской борьбой ничего общаго не имѣетъ.

Кстати. По поводу призыва редакціи „Искры“ еще въ № 52 къ миру и уступкамъ „во что бы то ни стало“ (конечно, не уступкой въ „теоріи“) позволю себѣ предложить редакціи „Искры“ одинъ коварный вопросъ. Представимъ себѣ какую-нибудь безусловно ортодоксальную группу, которая для того, чтобы проявить въ партіи во что бы то ни стало свой особый оттѣнокъ, выступитъ съ требованіемъ представительства въ центрахъ. Не уступитъ ли ей редакція во имя мира въ партіи „во что бы то ни стало“ редакторство „Искры“? Не правда ли, товарищи, вопросъ коварный, но право же вполнѣ умѣстный. Ваша статья въ 52 номерѣ, приведшая въ недоумѣніе многихъ и многихъ изъ насъ, партійныхъ работниковъ, даетъ поводъ и къ такимъ „мирнымъ“ комбинаціямъ мысли...[1])

Но партійный долгъ прежде всего. Отвѣчу, поэтому, на критику будто бы нашего бюрократическаго централизма. Господа! вспомните тѣ специфическія условія, въ которыхъ приходится намъ, соціальдемократамъ, работать въ Россіи. Полное отсут-

[1]) Послѣднія слова я употребляю не въ шаблонно-обывательскомъ смыслѣ.

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю: я вовсе не хочу сказать, что всѣми нашими критиками владѣютъ именно подобные мотивы, ихъ специфическая музыка.

ствіе гласности; невозможность полнаго и безусловнаго контроля партійныхъ дѣятелей со стороны всѣхъ членовъ партіи; трудность отличить праздныхъ болтуновъ или „музыкантовъ“ отъ людей дѣла; возможность для организацій и отдѣльныхъ лицъ, не находящихся подъ неустаннымъ, товарищескимъ контролемъ выбранныхъ нами центральныхъ учрежденій, на которыя по уставу положена партіей огромная и важная работа руководства и направленія всей практической дѣятельности партіи, такъ вотъ возможность для этихъ частныхъ организацій *подъ флагомъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи* безпошлинно и безданно проводить всякую оппортунистическую ветошь и сѣять дезорганизацію въ партіи своими оппозиціями партійной работѣ (смотр. Воронежскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. и его работу противъ О. К.; см. прошлую и нынѣшнюю Петербургскую рабочую организацію). Партіи важно, чтобы работа *ея* организацій, *ея* членовъ шла въ искровскомъ, т. е. революціонномъ соціальдемократическомъ духѣ. Неправда, что такъ называемые „соціалисты-революціонеры“ и „освобожденцы“ охраняютъ соціальдемократію отъ яда оппортунизма; что они будто бы выкачиваютъ вполнѣ изъ соціальдемократіи буржуазные элементы; а также тѣ ненадежные элементы, которые въ нашей партіи подъ флагомъ соціальдемократіи сѣяли авантюру, оппортунизмъ, политиканство. Еще болѣе невѣрно, что партіи эти только такіе элементы выкачиваютъ... Демократія только теперь просыпается, господа! Никогда вожди буржуазіи не возлагали большихъ надеждъ на самую буржуазію... Всегда они стремились подчинить своему вліянію, своему знамени самый революціонный классъ — пролетаріатъ. А у насъ въ Россіи они стремятся подчинить себѣ еще революціонную разночинную интеллигенцію. Борьба съ ними, съ идеологами мелкой и крупной буржуазіи только начинается...

Борьба противъ затемненія классового сознанія пролетаріата враждебными или просто „ненадежными“ элементами. Борьба за гегемонію соціальдемократіи въ предстоящей революціи... И боевое искровское соціальдемократическое направленіе въ партіи можетъ и *должно* проводиться *не* одной идейной борьбой. Но и опредѣленными формами организаціи. Безъ послѣднихъ для партіи нѣтъ гарантій того, что прежній разбродъ, шатаніе, *кустарничество* въ постановкѣ задачъ не останутся живучими элементами въ партіи. Не гарантируется партія и то, что подъ именемъ партіи соціальдемократія будетъ только дискредитироваться не надежными, малосознательными элементами.

Ясно, поэтому, глубокаго смысла замѣчаніе одного нашего товарища, что уставъ *поможетъ* революціонному соціальдемократическому направленію укрѣпиться въ нашей партіи... Глубокая мысль, хотя и звучитъ для поверхностныхъ людей бюрократизмомъ въ пониманіи значенія организаціи партіи и ея учрежденій.

И наши критики тоже, слыша эту мысль, выходятъ окончательно изъ себя, выскакиваютъ къ намъ и кричатъ: знаете ли вы, бюрократическіе централисты, что и россійское самодержавіе не въ состояніи изъ Петербурга при помощи своей совершеннѣйшей и дисциплинированнѣйшей бюрократіи управлять народной *жизнью*? И тутъ же перефразируя избитую истину, важно и серьезно, серьезно прибавляютъ въ поученіе намъ, централистамъ: идеи, молъ, на штыки—на параграфы не уловляются! Причемъ штыки? Причемъ параграфы? Въ отвѣтъ вы услышите всѣмъ уже надоѣвшую сказку о *кулакѣ*, долженствующемъ по нашимъ организаціоннымъ, централистическимъ планамъ, дать партіи, съ помощью устава, боевое соціальдемократическое направленіе.

Такъ поняли люди значеніе кулака, иронически поднятаго товарищемъ Ленинымъ на съѣздѣ во время рѣчи делегата Попова. Товарищи, бывшіе на съѣздѣ, замѣтимъ, поняли, конечно, шутку Ленина. И никто противъ шутки этой не протестовалъ... Ахъ, господа, господа! Ужъ и подлинно вы любомудры большіе!.. И какъ не вспомнить тутъ мудреца Рязанова съ его превосходной памятью, но удивительно сквернымъ разсудкомъ... Какъ не вспомнить, кстати, несчастіе этого мудреца, его потерю единственнаго сокровища: превосходной памяти... А сравненіе нашими „критиками“ строгаго, послѣдовательнаго, безусловнаго (по терминологіи критиковъ, „бюрократическаго“) централизма съ содержавіемъ! Какъ оно набило оскомину, какъ оно надоѣло всѣмъ... Но такъ какъ долгъ партійнаго человѣка прежде всего, то отвѣчу и на этотъ пунктъ.

Партія наша опирается, во первыхъ, на классовое движеніе пролетаріата, во-вторыхъ, на вступившихъ въ партію по „доброй волѣ“ ея членовъ. При такомъ положеніи вещей бюрократическій способъ веденія Ц. К. дѣла партіи *безплоденъ*, *безжизненъ*, *утопиченъ* до безсмысленности въ самомъ своемъ замыслѣ. Неправа поэтому редакція, утверждающая, что партійнымъ бюрократизмомъ могутъ быть проникнуты не только глупые Собакевичи, но и очень умные. Умныхъ *Собакевичей*, признаться, я не встрѣчалъ и способенъ видѣть въ замѣчаніи редакціи злую иронію. Злоба же, извѣстное дѣло, всегда болѣе или менѣе затемняетъ ясность мысли даже у глубокихъ умовъ... Намъ задаютъ вопросъ. Какъ нужно понимать утвержденіе Ц. К. новыхъ организацій, направленіе и объединеніе всей партійной работѣ, распредѣленіе силъ? Конечно, конечно, господа, нельзя представлять себѣ, чтобы все это проводилось чисто бумажнымъ путемъ. Ц. К., конечно, долженъ будетъ считаться съ конкретными условіями, конкретными силами организацій и отдѣльныхъ членовъ партіи, ихъ способностями, преданностью дѣлу и прочее, и прочее, и прочее. Но именно отъ того, насколько у членовъ партіи проявляется готовность отдать въ распоряженіе *своего* Ц. К. всѣ свои способности, силы и средства, мы можемъ судить о степени ихъ преданности дѣлу... И въ этомъ отношеніи нашъ уставъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, прорѣху. Это — первый пунктъ, создающій лазейку, куда смогутъ укрыться всѣ тѣ группки, которыя, по остроумному выраженію товарища Троцкаго на съѣздѣ, пользуясь слабостью партіи, всегда ищутъ въ ней щелей, чтобы черезъ нихъ просунуть свою групповую физіономію... Въ эту лазейку укроются всѣ не партійные, въ полномъ смыслѣ этого слова, элемечты. И укрывшись, *подъ флагомъ партіи* будутъ сѣять свою дезорганизаторскую работу...

Но критики еще не успокаиваются... Они продолжаютъ стоять на своей ненависти къ строгой партійной централизаціи и выдвигаютъ противъ насъ послѣднее, самое грозное оружіе. Оно должно сразить насъ, централистовъ, съ перваго удара.

— А что, вопрошаютъ эти глубокіе и опытные знатоки жизни, а что, если въ центральныя учрежденія попадутъ люди неуживчивые, прямолинейные, упрямые, близорукіе, узкіе, подозрительные (чудища, обла, озорна, огромна, стозѣвна и лаяй), люди, которые, увы! возлюбили маханіе палочкой, стремятся копировать Швейцеровъ, и во имя безпрекятственнаго и невиннаго по внѣшности, но коварнаго по существу занятія — маханія палочкой — кулаками, по собакевически *вышибутъ изъ партіи* (о Господи, прости мои прегрѣшенія!..) всѣ невполнѣ и небезусловно искровскіе, т. е. не вполнѣ сознательные соціальдемократическіе элементы, вышибутъ всѣхъ, не желающихъ и протестующихъ противъ казарменной (sic!), солдатской (sic!!!) дисциплины. Хоть вы насъ любомудрами называете, но преданы мы дѣлу не меньше вашего и согласны съ вами, въ сущности, по всѣмъ основнымъ вопросамъ программы и тактики. Не соглашаемся только на бюрократизмъ, самодержавіе и на прочія скверныя вещи... Эхъ, господа! Но скажите, *кто*, *кто* въ партіи согласенъ на нихъ? Вы, господа критики, большіе любители музыки, тонкіе цѣнители ея, но все таки вышибаніе *изъ партіи* кулакомъ всѣхъ неискровскихъ элементовъ есть одинъ изъ тѣхъ совсѣмъ не музыкальныхъ мотивовъ, которыми вы только усыпляете партію, напѣвая и гипнотизируя ее рядомъ *другими* мотивами.

* * *

Но кому дано много, съ того и взыщется... Велика отвѣтственность Ц. К. И съѣздъ отлично понялъ всю огромную важность, имѣть хорошія, выдержанныя и *боевыя* центральныя партійныя учрежденія. Онъ имѣлъ полную возможность лично и черезъ разсказы товарищей, къ которымъ съѣздъ питалъ безусловное и глубокое довѣріе, ознакомиться со всѣми болѣе или менѣе видными дѣятелями, работающими въ партіи. На съѣздѣ были, кромѣ того, всѣ видные заграничные дѣятели нашей партіи. И на съѣздѣ, и въ публично работавшей программной коммиссіи, съѣздъ имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми дѣятелями, съ ихъ способностями на ту или другую „полочку“ (функцію тожъ). А делегаты съѣзда все таки наиболѣе видные дѣятели нашей партіи, еще разъ повторяю, и нельзя, какъ это наивно дѣлаетъ Бундъ въ своемъ отчетѣ о съѣздѣ, представлять, что, *по мановенію волшебной палочки*, делегаты съѣзда, какъ ребята, маршировали то вправо, то влѣво, образовывая компактное большинство и хотя и не совсѣмъ компактное, но во всякомъ случаѣ довольно плотное меньшинство. Наивно такое представленіе Бунда о нашей *партіи* Наивно и пахнетъ *демагогическимъ* пріемомъ полемики.

Александровъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ письмѣ тов. Александрова обращаетъ особенное вниманіе *общая* постановка вопроса, даваемая имъ при оцѣнкѣ существующихъ организаціонныхъ разногласій. Тов. Александровъ пытается свести весь споръ къ вопросу: плохъ или хорошъ нашъ организаціонный уставъ и, соотвѣтственно этому, приводя аргументы противной стороны, онъ ихъ пріурочиваетъ къ критикѣ устава. Эта „уставная“ позиція можетъ служить недурной иллюстраціей къ данной въ прошломъ № „Искры“ П. Б. Аксельродомъ характеристикѣ „бюрократическихъ“ тенденцій среди нѣкоторыхъ нашихъ централистовъ. Постановка вопроса безусловно ложная и абсолютно безплодная. Спорный вопросъ, скорѣе, можно поставить именно такъ: можетъ ли опредѣленный, желательный курсъ партійной политики обезпечиваться, главнымъ образомъ, *уставомъ* партіи? Упрощеніе всей организаціонной задачи революціонной соціальдемократіи до вопроса объ „уставѣ“ и о „составѣ“ организаціи является, какъ это показалъ П. Б. Аксельродъ, печальнымъ симптомомъ чисто стихійнаго поглощенія всѣхъ заботъ нашихъ товарищей одной ближайшей злобой дня — съ игнорированіемъ всей полноты содержанія задачъ соціальдемократической рабочей партіи.

„На ловца и зверь бежит", мог бы сказать себѣ Аксельродъ, читая письмо тов. Александрова. И подлинно: многія и многія мѣста въ этомъ письмѣ иллюстрируютъ его мысли. Такъ, напримѣръ, тов. Александровъ, развивъ въ самомъ началѣ своего письма общій принципъ партійнаго централизма, говоритъ: „Второй съѣздъ превосходно понялъ это. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ нашъ уставъ". Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе отдѣльныхъ пунктовъ устава, на которые тов. Александровъ не можетъ, что называется, налюбоваться. Не значитъ ли упрощать вопросъ о централизмѣ, сведя всю работу съѣзда по *централизаціи нашей работы* къ тѣмъ нѣсколькимъ засѣданіямъ, втеченіе которыхъ онъ вырабатывалъ уставъ? Не согласится ли съ нами тов. Александровъ, если мы скажемъ, что выработкой партійной *программы* съѣздъ гораздо больше содѣйствовалъ централизаціи партійной работы, чѣмъ принятіемъ устава, сколь совершеннымъ ни казался бы этотъ послѣдній? Не думаетъ ли тов. Александровъ, что признаніе единой обязательной программы и принятіе, хотя бы по немногимъ вопросамъ практической борьбы, рѣшеній, долженствующихъ объединить *тактику* отдѣльныхъ частей партіи, является гораздо больше сильнымъ толчкомъ къ централизаціи партійной работы, чѣмъ выработка самаго совершеннаго устава, который долженъ только дать *тѣхническія средства* для проведенія въ жизнь рѣшеній съѣзда — первыхъ выраженій *воли партіи*.

Самый фактъ партійнаго съѣзда съ его обстоятельными дебатами и „фракціонной" борьбой, какъ ни печальны были подчасъ формы, въ которыя она выливалась, — самый этотъ фактъ, который служитъ уже и послужитъ еще больше темой для обсужденія во всѣхъ соціальдемократическихъ группахъ вопросовъ общепартійнаго характера, послужитъ, мы увѣрены, исходнымъ пунктомъ для углубленія и расширенія политическаго сознанія массы соціальдемократовъ и воспитанія изъ нея членовъ партіи въ истинномъ смыслѣ слова, а, тѣмъ самымъ, сдѣлаетъ для правильнаго функціонированія организаціоннаго централизма гораздо болѣе, чѣмъ то могъ бы сдѣлать самый лучшій уставъ, взятый самъ по себѣ.

Вотъ почему воображаемые тов. Александровымъ его противники сразу отдаются въ плѣнъ этому товарищу, когда, если судить по его воображенію, начинаютъ „наскакивать" на отдѣльные параграфы устава съ горячностью, которая рѣшительно ни чѣмъ не оправдывается — ни даже тѣмъ усердіемъ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть", съ какимъ ихъ антагонисты отстаиваютъ безукоризненную красоту нашей Magna charta.

Мы склонны, однако, думать, что изображаемые тов. Александровымъ „критики" принадлежатъ къ числу тѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ полемическихъ произведеніяхъ, которыя, будучи осуждены авторомъ играть роль „advocatus diaboli", невзначай оказываются надѣленными свойствами, обрекающими ихъ на немедленное пораженіе во славу праваго дѣла. Еще Герценъ замѣчалъ Бѣлинскому, что когда статьи послѣдняго носятъ характеръ діалоговъ, какъ то всегда выходитъ, что противникъ ужасно глупъ. А ужъ на что умный человѣкъ былъ Бѣлинскій.

Не разбирая, поэтому, доводовъ тѣхъ „критиковъ" системы т. Александрова, которымъ, по Герцену, заранѣе суждено быть глупыми, мы только укажемъ, что, съ своей стороны, мы отнюдь не взялись бы утверждать, чтобы „при точномъ и безусловномъ проведеніи въ жизнь" нашего устава „централизмъ превратится въ простой, неприкрашенный бюрократизмъ". Нашъ уставъ, дѣйствительно, далекъ отъ совершенства, но чтобы онъ былъ *такъ плохъ* — это невѣрно. Бюрократизмъ, по нашему мнѣнію, можетъ проявиться въ *примѣненіи всякаго устава*. Извѣстно что если заставить молиться нѣкоторыхъ простодушныхъ людей, они рискуютъ разбить себѣ лбы. Можно ли сказать, что они это сдѣлаютъ, благодаря „безусловному и точному проведенію" даннаго имъ совѣта? Не думаемъ. И точно также мы не полагаемъ, чтобы тѣ или другіе „бюрократическіе" эксцессы вытекали изъ „точнаго и безусловнаго" проведенія устава, а не изъ простодушія практикующихъ.

Немногаго стоитъ и „глубокая мысль", запишаемая товарищ. Александровымъ о томъ, что „уставъ поможетъ революціонному соціальдемократическому направленію укрѣпиться въ нашей партіи". Хорошій уставъ можетъ облегчить технику работы въ *умныхъ рукахъ*, но если мы забудемъ о необходимости имѣть и воспитывать эти умѣлыя руки и при нихъ толковыя головы, мы рискуемъ остаться безъ всякаго направленія. „Боевое соціальдемократическое направленіе въ партіи *должно* проводиться не одной идейной борьбой", вѣрно, тов. Александровъ! „Но и опредѣленными формами организаціи". Не дурно это сопоставленіе идейной борьбы и формъ организаціи. Идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи только... формы, долженствующія облекать текучее, развивающееся содержаніе — развивающуюся практическую работу партіи. И пока вы, товарищъ Александровъ, не замѣтите, что внѣ развивающейся въ *опредѣленномъ направленіи* работы партійнаго организма нѣтъ никакихъ „гарантій того, что прежній разбродъ, шатаніе, кустарничество... не останутся живучими элементами въ партіи" — до тѣхъ поръ ваше мышленіе въ организаціонныхъ вопросахъ не сможетъ выбиться изъ круга тѣхъ формальныхъ понятій, которыя невзначай приводятъ васъ къ бюрократической постановкѣ нашихъ задачъ. Нельзя лучше обезпечить торжество „боевого" т. е. революціонно-марксистскаго направленія въ партіи, какъ развивая на дѣлѣ, а не въ формахъ только, боевую энергію партіи, развивая, слѣдовательно, вширь и вглубь ея дѣятельность, объединяя фактически пролетарское движеніе, наполняя его дѣйствительно соціалистическимъ содержаніемъ... И еслибы мы, ради совершенства тѣхъ или другихъ формъ, создавали такія условія своей работы, которыя дѣлали бы фактически невозможнымъ такое развитіе нашей практики, мы неминуемо остались бы при однѣхъ красивыхъ формулахъ и были бы, какъ нельзя болѣе далеки отъ торжества „боевого направленія".

Перейдемъ, однако, къ частнымъ вопросамъ, затрагиваемымъ тов. Александровымъ. Мы не должны допустить разрушенія нашей партійной сплоченности, говоритъ онъ, изъ за вопроса о составѣ тѣхъ или другихъ партійныхъ учрежденій. Святая истина. Разрушеніе партійной сплоченности — величайшее преступленіе передъ партіей. Но тов. Александровъ, вѣроятно, согласится съ нами въ томъ, что и *обратно — при созданіи* тѣхъ или иныхъ официальныхъ учрежденій надо избѣгать всѣми силами разрушенія партійной сплоченности, ибо эти учрежденія, долженствующія выражать собою партійное *единство*, не могутъ превратиться въ символъ партійнаго разброда; они должны выражать собой торжество общепартійныхъ задачъ надъ частно-групповыми, и ни въ коемъ случаѣ не временное (всегда только временное!) вытѣсненіе первыхъ послѣдними. И если развитіе партійной жизни такъ или иначе создало такое во всѣхъ смыслахъ и для всѣхъ нежелательное положеніе, то передъ всѣми членами партіи стоитъ задача — возможно скорѣе исправить его, а передъ соотвѣтствующими учрежденіями — задача завоевать себѣ своей работой то довѣріе, котораго они лишились, въ силу отмѣченныхъ выше условій. Здѣсь нѣтъ мѣста метафизическому вопросу о курицѣ и яйцѣ — о томъ, что чему должно предшествовать: довѣріе ли членовъ партіи къ центру или полезная работа центра для партіи, обусловливающая ростъ этого довѣрія? Довѣріе — вещь деликатная, которую никакъ нельзя вколотить въ сердца и въ головы, его надо *завоевать*, самимъ. А когда это завоеваніе происходитъ на самомъ дѣлѣ, то не приходится и ставить безплоднаго вопроса (его, кажется съ тов. Александровымъ, ставитъ и другой видный представитель того же направленія, тов. Ленинъ) о правѣ членовъ партіи чувствовать, проявлять и выражать недовѣріе къ тѣмъ или другимъ, выбраннымъ или невыбраннымъ, „законнымъ" учрежденіямъ: не приходится ставить вопроса о „разрушеніи партійной сплоченности" въ результатѣ такого недовѣрія. Мы, напримѣръ, хорошо знаемъ, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ и „составѣ" „Искра" вызываетъ довольно сильное недовѣріе къ себѣ многихъ членовъ партіи. Мы очень сожалѣемъ объ этомъ, но ни сколько не смущаемся этимъ и никогда не попытаемся поставить смотрящимъ на насъ съ укоризной товарищамъ щекотливый вопросъ: „како вѣруешь"?

Мы просто постараемся *вернуть* „Искрѣ" то довѣріе, которымъ она пользовалась раньше, и, пожалуй, даже въ большей степени. И если тов. Александровъ, говоря о „разрушеніи партійной сплоченности" ради „недовольства составомъ", имѣлъ въ виду недовольство составомъ редакціи „Искры", то мы просимъ его не безпокоиться: на партійной сплоченности это недовольство и недовѣріе не смогутъ отразиться... если мы сами будемъ имѣть достаточно такта, чтобы не требовать, какъ это дѣлала нѣкогда „Московскія Вѣдомости", „присяги" отъ каждаго встрѣчнаго. Но тов. Александровъ ставитъ „коварный вопросъ": какъ мы поступимъ, если какая нибудь ортодоксальная группа съ особымъ оттѣнкомъ потребуетъ для себя представительства въ редакціи? Одно можно сказать навѣрное: мы не возмутимся, не начнемъ кричать о „дисциплинѣ", а постараемся выяснить себѣ, что это за группа. Если выполненіе ея требованія можетъ поднять довѣріе партіи къ „Искрѣ", усилить ее моральный и повысить ея работоспособность, — мы столкуемся съ ней и пожалѣемъ лишь, что до предложенія ею требованій не догадались о томъ, что для партіи можетъ быть полезно пополненіе состава нашей коллегіи. Если всего этого нѣтъ на лицо, мы посмѣемся въ отвѣтъ на требованія. Но, повторяемъ, ни въ какомъ случаѣ не подумаемъ „возмущаться" попытками оказать давленіе на нашу добрую волю. Ибо въ первомъ случаѣ результатъ этого давленія будетъ, какъ мы предположили, полезенъ для партіи; а во второмъ — и давленія мы не ощутимъ, и огорченіе все цѣликомъ достанется на долю предъявителямъ неоправданныхъ пользами партіи требованій. Voilà tout и мы очень рады, что „коварная" стрѣла тов. Александрова оказывается не такъ ужъ коварной.

На этомъ мы покончимъ съ тов. Александровымъ, выражая надежду, что характерный какъ симптомъ, его конфликтъ съ такъ называемымъ „любомудріемъ", окажется явленіемъ мимолетнымъ и не поведетъ къ новому революціонному „опрощенію" — мы слишкомъ много ихъ уже видѣли!